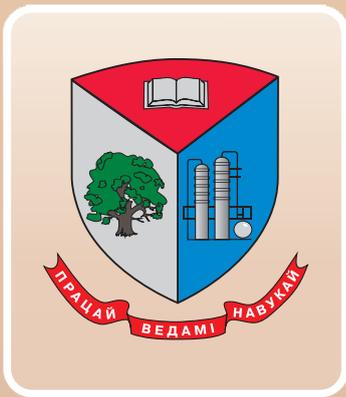

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 2 (227) 2019 год

Рубрики номера:

История

Философия

Минск 2019

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 2 (227) 2019 год

Выходит два раза в год

Минск 2019

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Дормешкин О. Б., доктор технических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Кунтыш В. Б., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Долгова Т. А., кандидат физико-математических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавира, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Шкляр Бенцион, профессор, Государство Израиль;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Файгле В., доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Флюрик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Шадурский В. Г., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32;

главного редактора серии – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 2 (227) 2019

Published biannually

Minsk 2019

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Dormeshkin O. B., DSc (Engineering), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Kuntysh V. B., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Dolgova T. A., PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Barcik Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Shklyar Benzion, Professor, State of Israel;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Faigle W., DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Shadurskiy V. G., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 226-14-32;
managing editor (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

УДК 39(476)

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ В ТРУДАХ М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО

Выдающийся ученый Митрофан Викторович Довнар-Запольский внес огромный вклад в развитие исторической науки не только Беларуси, но и России и Украины. Особое место в его трудах занимало исследование различных аспектов белорусской этнографии. Именно в изучении этнографии М. Довнар-Запольский видел основу для белорусского национального возрождения.

В статье рассматривается этнографическое наследие М. В. Довнар-Запольского, анализируется его вклад в развитие белорусской этнографической науки, в изучение языка и быта белорусов.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, этнография, язык, быт, обряды.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

PROBLEMS OF BELARUSIAN ETHNOGRAPHY IN WORKS OF M. V. DOVNAR-ZAPOLSKY

The outstanding scientist Mitrofan Viktorovich Dovnar-Zapolski has made a huge contribution to the development of historical science not only of Belarus, but also of Russia and Ukraine. A special place in his works was occupied by the study of various aspects of Belarusian ethnography. It was in the study of ethnography that M. Dovnar-Zapolski saw the basis for the Belarusian national revival.

The article considers the ethnographic heritage of Dovnar-Zapolski, analyzes his contribution to the development of Belarusian ethnographic science and to the study of the language and life of belarusians.

Key words: Russia, Belarus, ethnography, language, life, rites.

Введение. Деятнадцатое столетие стало временем зарождения белорусской этнографической науки. Первоначально этнографические исследования края проводили в основном русские и польские ученые, которые, по сути, не признавали существования самостоятельного белорусского этноса и рассматривали белорусов как составную часть своих народов. Так, перед созданным Северо-Западным отделом Русского географического общества царским правительством была поставлена задача «мирного завоевания и полного слияния с империей» белорусских земель [1, с. 4]. Был организован целый ряд экспедиций с целью этнографического исследования Северо-Западного края. Однако результаты этих исследований оказались в каком-то смысле неожиданными. Собранный материал убедительно свидетельствовал о самобытном характере языка и быта местного населения.

В скором времени в печати стали появляться этнографические работы и белорусских исследователей, которые поставили перед собой цель на основе научных фактов показать этнографические особенности белорусов. Прежде всего

это были статьи и работы Е. Карского, А. Шейна, И. Никифоровского, Е. Романова и др. Свое почетное место среди них заняли и публикации М. Довнар-Запольского.

Основная часть. Уроженец Беларуси Митрофан Викторович Довнар-Запольский с юности интересовался историей и этнографией своего родного края. В изучении этнографии М. Довнар-Запольский видел основу для белорусского национального возрождения. Опираясь на опыт соседних славянских народов, национально-освободительное движение которых началось с широкого изучения своей истории и этнографии, он сделал вывод о необходимости изучения прошлого Беларуси, а также особенностей языка и быта белорусов [2, с. 18]. Всего из под пера М. Довнар-Запольского вышло свыше сорока работ, посвященных различным аспектам этнографии Беларуси.

Первые три этнографические заметки будущего знаменитого ученого под общим названием «Из Мозыря» были напечатаны в газете «Еженедельное обозрение» уже в 1884 г., когда будущий ученый являлся еще учеником Мозырской

прогимназии. Однако более основательно этнографическими исследованиями М. В. Довнар-Запольский занялся во время учебы на историко-филологическом факультете Киевского университета, куда он поступил в 1889 г. Материалы для своих работ будущий ученый собирал главным образом в ходе своих экспедиций по родным местам, которые он проводил во время летних каникул. Во время этих экспедиций М. Довнар-Запольский основательно обследовал целый ряд населенных пунктов Пинского, Мозырского, Речицкого и Минского уездов. Собранный при этом богатый этнографический материал лег в основу будущих исследований ученого, а сам исследователь в 1892 г. был награжден серебряной медалью Русского географического общества.

Первоначально ученый обратился к изучению свадебных обрядности белорусов на примере материалов, собранных в Мозырском и Речицком уездах. Еще будучи гимназистом, в 1888 г. он опубликовал несколько небольших исследовательских материалов, в том числе и первую свою брошюру «Белорусская свадьба и свадебные песни: Этнографический этюд». Позднее, в 1890-е гг., вышла его работа «Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках», а также несколько других работ, посвященных изучению традиционной белорусской культуры.

Среди произведений М. В. Довнар-Запольского, посвященных проблеме исследования различных аспектов свадебной обрядности белорусов, можно назвать также следующие: «Ритуальное значение каравайного обряда у белорусов», «Женская доля в песнях пинчуков», «Сватовство и дружина жениха в белорусской свадьбе», «Солнышко и месяц в белорусской свадебной поэзии», «Песни пинчуков». Большинство из них позднее были включены в сборник «Исследования и статьи», который был опубликован в 1909 г.

В работах М. В. Довнар-Запольского можно выделить несколько аспектов изучения свадебных обычаев белорусов. Первые этнографические труды ученого посвящены описанию свадебных обрядов и публикации свадебных песен, которые бытовали на территории Речицкого и Мозырского уездов Минской губернии. При этом автор отмечал, что свадебные песни создавались на протяжении столетий и целые века сохранялись в народе. Они включают в себя описание брачных отношения в самую раннюю эпоху. Поэтому, изучая их, мы имеем возможность проследить за этнографическими особенностями белорусов на ранних этапах их истории.

В своей работе «Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках» М. В. Довнар-Запольский попытался объяснить происхождение и значение отдельных частей свадебного

обряда у белорусов. В начале статьи ученый определяет два метода, которые можно использовать при «исследовании культурных и религиозных пережитков свадебных обрядов». Согласно первому, исследуемый материал можно было бы разместить по различным рубрикам, которые выработаны в современной этнологической науке относительно эволюции семьи и религиозных культов.

Второй метод состоит в простом объяснении обрядов по ходу их выполнения. Выбирая второй метод, М. В. Довнар-Запольский сталкивается с трудностью выбора так называемого «основного описания». «Я не имею в виду дать здесь подробное описание всех обрядов. Цель моя – выбрать только те факты, которые могут вызвать интерес с точки зрения современной этнологической науки, и поставить в связь с параллельными фактами из ритуалов различных индоевропейских народностей, насколько мне была доступной литература о них. Я стремился ввести белорусские, а значит, в общем, и русские обряды в сферу романо-германских родственных уставов, однако та литература, что была у меня под руками, являлась недостаточной» [2, с. 61].

Вопросы семьи и семейной обрядности ученый рассматривает исходя из господствующей в тот период концепции линейной эволюции и сформулированной на ее основе теории пережитков. Особое значение при этом уделялось обрядам похищения и выкупа невесты. Последние трактовались эволюционистами как формы брака, которые являлись обычными или даже господствующими в определенный период исторического развития.

В частности, М. В. Довнар-Запольский проанализировал целый цикл песен, связанных с обрядом похищения невесты. Ученый отмечал, что этот обряд имеет свои корни еще в том периоде, когда обычай требовал брать себе жену из другого племени. Свадебные обряды славянских народов сохранили воспоминания об этом обычае [2, с. 363].

Существует и вторая часть свадебных обрядов и связанных с ними песен, которые несут в себе не правовые, а религиозно-мифологические мотивы. К ним М. В. Довнар-Запольский относит, прежде всего, песни, связанные с каравайным обрядом, и песни, в которых славятся месяц и солнце. Эти обряды и песни берут свое начало еще в дохристианских временах и связаны с поклонением языческим богам и различным силам природы.

Заключение брачного договора проходит в несколько этапов. М. В. Довнар-Запольский отмечает большое значение в этом качестве обрядов сватовства и помолвки, после которых разрыв

между молодыми становился фактически невозможным. Сравнивая эти обычаи с обычаями других индоевропейских народов, ученый пришел к выводу, что они берут свои истоки еще в древних временах, когда мужчина должен был действительно покупать себе жену, которая принадлежала всему роду [2, с. 66]. Своеобразно трактует М. В. Довнар-Запольский и обычай обмена кольцами, который совершается во время помолвки. Ученый считает, что этот древний обычай, характерный для многих индоевропейских народов, символизирует цепь, которая приковывает жену к мужу. Древние корни имеет и обряд снятия венка с невесты и подрезания ее косы. Он относится еще к тому периоду истории, когда обрезание волос символизировало утрату человеком свободы и тем самым характеризовало переход женщины в несвободное состояние и ее полное подчинение мужу.

Несмотря на последующую критику многих выводов эволюционистов, исследования М. В. Довнар-Запольским свадебной обрядности белорусов внесли значительный вклад в развитие этнологии. Они являются примером скрупулезного и последовательного сравнительного анализа материала с учетом всей доступной исследователю литературы.

Большой интерес вызвала работа М. Довнар-Запольского посвященная этнографии белорусского Полесья – самобытного района, в котором тесно переплелись черты белорусской и украинской культур. Это был изданный в 1895 г. сборник «Белорусское Полесье», который более известен под своим вторым названием «Песни пинчуков». Сборник был издан с помощью известных ученых – профессоров Киевского университета П. Владимирского и А. Лободы. Работа планировалась как первая часть многотомного издания. Однако следующие части так и не увидели свет. Есть сведения, что часть материала, собранного ученым во время его этнографических экспедиций, была утеряна при пожаре в редакции. Сборник состоял из двух частей – песни обрядовые и лирические песни. Эти части в свою очередь делились на разделы по тематическому принципу. При группировке материала составитель исходил из того, какое место та или иная песня занимает в быту местного населения и к какой группе его относят сами исполнители.

На основе анализа текстов песен М. Довнар-Запольский попытался уточнить северную и восточную границы Полесского говора. С этой целью в сборник была включена специальная статья «Говор пинчан». В ней автор довольно подробно проанализировал фонетические и морфологические особенности полесской речи, показал, какое место в ней занимают белорусские и украинские элементы.

В результате ученый пришел к выводу, что полесская речь имеет малорусскую основу. Однако не подлежит сомнению, что она имеет свои особенности и очень богата белорусизмами [3, с. 27].

Сборник «Песни пинчуков» получил неоднозначную оценку среди ученых. Известный белорусский этнограф Я. Карский оценил его очень высоко. Он подчеркивал, что материал в сборнике подобран весьма интересный и разнообразный и выразил пожелание, чтобы скорее вышли следующие его части [4, с. 156].

Положительную в целом оценку сборнику дал и второй белорусский этнограф Е. Ляцкий. Однако он выступил против самого названия «Белорусское Полесье», ведь, по его мнению, и по языку, и по особенностям быта эта местность ближе к Украине, чем к Беларуси, с которой связана только административно. Поэтому Я. Ляцкий предлагал называть эту местность просто Полесьем [5, с. 159].

Совсем другую оценку сборнику дал украинский исследователь А. Крымский. Он подверг книгу резкой критике, причем во многом необоснованной. Рецензент однозначно высказался против самого названия «Белорусское Полесье», раскритиковал структуру работы и даже сам подбор и группировку материала [6, с. 39]. М. Довнар-Запольский был вынужден даже выступить в печати со специальным письмом, в котором в ответ на обвинения А. Крымского писал: «Со всех недостатков, на которых настаивает г. Крымский, в моей книге присутствуют только два: заглавие книги и классификация песен. Но и то и второе дело чисто субъективное» [7, с. 202].

Правда, ни в своей работе, ни в ответе на замечания рецензентов М. Довнар-Запольский так и не привел убедительных доказательств об этнографической принадлежности Полесья к Беларуси. Тем не менее сборник «Песни пинчуков» имел большую научную ценность. М. Довнар-Запольский собрал и обработал в нем богатый и разнообразный этнографический материал. Во вводной статье автор довольно точно наметил границы полесской речи и показал ее фонетические и морфологические особенности. Большую ценность имеют и комментарии ученого, в которых он сравнивает тексты песен с подобными им белорусскими, украинскими, русскими и польскими песнями. При этом автор использовал почти все фольклорные издания того времени.

Одним из важнейших направлений этнографических исследований М. Довнар-Запольского являлись работы, посвященные особенностям белорусского языка. Следует отметить, что вторая половина XIX в. была не лучшим временем для появления работ, посвященных данному вопросу. Белорусский язык находился

под фактическим запретом. Необходимо было преодолеть жесткие рамки цензуры. Так, например, М. Довнар-Запольский попытался опубликовать два произведения В. Дунина-Марцинкевича – «Гапон» и «Пинская шляхта». Однако цензура разрешения на публикацию этих произведений не дала. Тогда ученый написал критическую статью о польском влиянии в Беларуси с анализом поэмы «Гапон». При этом ее текст был опубликован почти полностью.

В ответ на тезис польских ученых, которые доказывали, что белорусы – это поляки, которые разговаривают на русифицированном польском языке, М. Довнар-Запольский отметил, что несмотря на общее славянское происхождение, между белорусами и поляками существуют большие различия как в происхождении, так и в языке и обычаях [8, с. 69].

В 1889 г. в «Календаре Северо-западного края» была опубликована работа М. Довнар-Запольского под названием «Белорусское наречие». Проанализировав работы Е. Карского, П. Шейна, Е. Романова, а также многочисленные исторические источники, ученый пришел к выводу, что белорусский язык имеет множество фонетических и морфологических отличий от других славянских языков. Причем многие из этих особенностей уже хорошо просматриваются в XIII–XIV вв. [9, с. 87–88].

В 1893 г. вышла вторая работа М. Довнар-Запольского, посвященная исследованию особенностей белорусского языка – «Заметки о белорусских говорах». На основе анализа более чем 500 песен и 50 сказок, собранных в Ново-Свержанской волости Минского уезда, ученый выделил основные особенности белорусского языка. В результате автор сделал вывод, что белорусский язык, наравне с русским и украинским, является самостоятельным славянским языком. Это был довольно смелый для своего времени вывод [10, с. 18].

Важное место в этнографических работах М. Довнар-Запольского занимало изучение обычаев и быта белорусских крестьян. Особый интерес в этом плане вызывает работа «Очерки обычного семейного права крестьян Минской губернии», которая была опубликована в 1897 г. в журнале «Этнографическое обозрение». В данной работе автор исследует нормы обычного права

белорусских крестьян, которые регулировали их повседневную жизнь вплоть до начала XX в.

М. Довнар-Запольский подчеркивал, что традиции и обычаи оказались очень жизнестойкими в белорусской деревне, и волостным судам при решении спорных вопросов часто приходилось руководствоваться не писаными законами, а заветами отцов и дедов [2, с. 41].

Автор отмечал, что главной хозяйственной единицей в белорусской деревне является большая семья. Взрослые сыновья вместе со своими семьями редко отделяются от родителей и ведут совместное хозяйство. Иногда в семью могли принять и постороннего человека. При этом его роль и значение в решении хозяйственных вопросов зависели от его участия в хозяйственном процессе. Притом обычное право полностью защищало его частные и имущественные интересы. М. Довнар-Запольский отметил, что вся крестьянская жизнь концентрировалась вокруг двух основных моментов – отношений к земле и работы на ней. Именно от объема затраченного труда на земле и зависело место и роль человека в крестьянской общине. Этот фактор являлся даже более важным, чем родственные связи. Поэтому обычное право строго защищало права человека, работающего на земле [2, с. 45].

М. Довнар-Запольский отмечал, что экономические интересы занимали главное место при решении всех вопросов крестьянской жизни. Именно они стояли на первом месте при заключении брака. Все значение нового члена семьи заключалось именно в его ценности как рабочей силы [2, с. 25].

Таким образом, М. Довнар-Запольский пришел к выводу, что, как и во времена ВКЛ, в начале XX в. все стороны крестьянской жизни по-прежнему регулировались нормами обычного права. Правда, в криминальной области ведущие позиции стали уже занимать нормы писаного права [2, с. 25].

Заключение. Таким образом, М. Довнар-Запольский внес огромный вклад в исследование различных аспектов белорусской этнографии. Собрал и опубликовал богатый этнографический материал, он убедительно доказал, что белорусы являются самостоятельным славянским народом со своим самобытным языком, традициями и обычаями.

Литература

1. Бондарчик В. К. Основные этапы и тенденции в развитии дореволюционной белорусской этнографии. М.: Наука, 1964. 10 с.
2. Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Киев: Тип. А. Сапунова, 1909. 123 с.
3. Довнар-Запольский М. В. Белорусское Полесье. Сборник этнографических материалов. Киев: Тип. ун-та св. Владимира, 1895. 246 с.
4. Карский Е. Ф. Рецензия на книгу М. Довнар-Запольского «Белорусское Полесье» // Этнографическое обозрение. 1895. № 3. С. 155–156.

5. Ляцкий Е. Рецензия на книгу М. Довнар-Запольского «Белорусское Полесье» // Журнал министерства народного просвещения. 1896. № 5. С. 158–159.
6. Крымский А. Рецензия на книгу М. Довнар-Запольского «Белорусское Полесье» // Киевская старина. 1896. № 1. С. 38–42.
7. Довнар-Запольский М. В. Письмо в редакцию (по поводу рецензии А. Крымского на «Белорусское Полесье») // Этнографическое обозрение. 1896. № 1. С. 196–202.
8. Довнар-Запольский М. В. «Гапон» – повесть в стихах на белорусском языке В. Дунина-Марцинкевича (очерк по истории белорусской этнографии) // Календарь Северо-Западного края на 1889 год. М., 1889. С. 68–83.
9. Довнар-Запольский М. В. Белорусское наречие // Календарь Северо-Западного края на 1889 год. М., 1889. С. 86–89.
10. Довнар-Запольский М. В. Заметки о белорусских говорах // Живая старина. 1893. Вып. 1. С. 3–19.

References

1. Bondarchik V. K. *Osnovnyye etapy i tendentsii v razvitii dorevolyutsionnoy belorusskoy etnografii* [Main stages and trends in the development of pre-revolutionary Belarusian ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 10 p.
2. Dovnar-Zapolski M. V. *Issledovaniya i stat'i* [Research and articles]. Kiev, A. Sapunov Printing House, 1909. 123 p.
3. Dovnar-Zapolski M. V. *Belorusskoye Poles'e. Sbornik etnograficheskikh materialov* [Belarusian Polesje. Collection of ethnographic materials]. Kiev, St. Vladimir's Publ., 1895. 246 p.
4. Karsky E. F. Review of M. Dovnar-Zapolski book “Belarusian Polesje”. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 1895, no. 3, pp. 155–156 (In Russian).
5. Lyatski E. Review of M. Dovnar-Zapolski's book “Belarusian Polesje”. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1896, no. 5, pp. 158–159 (In Russian).
6. Krymskiy A. Review of N. Dovnar-Zapolski's book “Belarusian Polesje”. *Kiyevskaya starina* [Kiev antique], 1896, no. 1, pp 38–42 (In Russian).
7. Dovnar-Zapolski M. V. Letter to the editorial office (about A. Krymsky's review of “Belarusian Polesje”). *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 1896, no. 1, pp. 196–202 (In Russian).
8. Dovnar-Zapolski M. V. “Gapon” – a story in poems in Belarusian by V. Dunin-Martsinkevich (essay on the history of Belarusian ethnography). *Kalendar' Severo-Zapadnogo kraya na 1889 god* [Calendar of the North-West region for 1889], Moscow, 1889, pp. 68–83 (In Russian).
9. Dovnar-Zapolski M. V. Belarusian adverb. *Kalendar' Severo-Zapadnogo kraya na 1889 god*. [Calendar of the North-West region for 1889], Moscow, 1889, pp. 86–89 (In Russian).
10. Dovnar-Zapolski M. V. Notes on Belarusian dialects. *Zhivaya starina* [Living antique], 1893, issue 1, pp. 3–19 (In Russian).

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 15.09.2019

УДК 94(470)«16/18»

О. В. Матвеев

Кубанский государственный университет

КАВКАЗ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Статья продолжает серию публикаций автора о белорусско-кавказских связях и посвящена кавказскому периоду жизни и творчества белорусского писателя, этнографа и педагога И. Д. Горбачевского.

На материалах местных архивов, а также работ просветителя, напечатанных в эти годы (1897–1910), показан глубокий интерес преподавателя городского училища к вопросам народного образования и приобретения школьниками трудовых навыков, общественной жизни и родной старине. Кавказские материалы биографии И. Д. Горбачевского существенно дополняют имеющиеся о нем сведения, расширяют представления о масштабах творческой личности белорусского просветителя.

Ключевые слова: народное образование, родная старина, просветительство, Кавказ.

O. V. Matveyev

Kuban State University

THE CAUCASUS IN THE LIFE AND WORK OF BELARUSIAN ENLIGHTENER

The article continues the author's series of publications about the Belarusian-Caucasian relations and is devoted to the Caucasian period of life and work of the Belarusian writer, ethnographer and teacher I. D. Gorbachevsky.

The materials of the local archives, as well as the works of the educator published in these years (1897–1910) show the deep interest of the teacher of the city school to the issues of public education and the acquisition of students' labor skills, social life and native antiquity. Caucasian materials of the biography of I. D. Gorbachevsky is significantly complemented by the available information about him, expand the understanding of the scale of the creative personality of the Belarusian educator.

Key words: people's education, native antique, enlightenment, the Caucasus.

Введение. Имеющиеся биографические сведения о выдающемся этнографе, писателе и педагоге Иване Даниловиче Горбачевском (1860–1914) носят сегодня фрагментарный характер, не раскрывают в полной мере наследие этого замечательного просветителя белорусского народа [1, с. 209; 2, с. 486]. Лишь в последние десятилетия белорусскими коллегами стали предприниматься усилия по возвращению в культуру России и Беларуси наследия незаслуженно забытого прозаика, исследователя народного творчества и учителя [3, 4, 5, 6]. Поскольку часть своей жизни И. Д. Горбачевский провел на Кавказе, то в местных источниках остались сведения, позволяющие дополнить и уточнить имеющиеся наработки его творческой биографии.

Основная часть. Имеющиеся работы об И. Д. Горбачевском не называют его место рождения и происхождения. Так, в «Антологии педагогической мысли Белорусской ССР» (составители Э. К. Дорошкевич и М. С. Мятельский) отмечается, что год рождения и смерти писателя неизвестны, а «биографических сведений об И. Д. Горбачевском почти не сохранилось» [1, с. 209]. «Белорусская энциклопедия» хотя и называет даты жизни (1860–1914), однако также ничего не сообщает о его происхождении [2, с. 486]. Современные белорусские

авторы упоминают лишь о том, что Иван Данилович в 1885 г. окончил Виленский учительский институт, а первые шаги на педагогическом и литературном поприще сделал в Дольском народном училище Невельского уезда Витебской губернии [4, с. 198; 6, с. 62–63]. Документы кавказских архивохранилищ позволяют установить точное место рождения и происхождения Ивана Даниловича. В личном деле И. Д. Горбачевского, хранящемся в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия – Алания, имеется свидетельство, согласно которому «рождение и крещение его по метрической книге Бочейковской церкви за тысяча восемьсот шестидесятый (1860) год под № 19 записанным именно так: мая седьмого рожден, а девятого крещен Иоанн. Родители его: имения Бочейкова помещика Павла Цехановецкого, местечка Бочейкова крестьяне Даниил Петров и законная жена его Пелагия Афанасьева, оба православного вероисповедания» [7, л. 4]. Согласно формулярному списку, И. Д. Горбачевский «окончил курс в Виленском учительском институте с званием городского учителя, в чем ему выдано свидетельство от 13 июня 1885 г. за № 295» [7, л. 10 об.]. Далее, 22 августа 1885 г. он был назначен в Трокское уездное училище (г. Троки Трокского уезда

Виленской губернии) учителем математики и географии; 21 августа 1886 г. – учителем русского языка и истории в том же училище; 1 октября 1888 г. перемещен на должность учителя Лепельского городского училища, 9 августа 1893 г. – на должность учителя Невельского уездного училища [7, л. 10 об. – 11 об.]. В Государственном архиве Краснодарского края сохранилось небольшое дело, из документов которого мы узнаем о просьбе И. Д. Горбачевского перевести его на Кавказ [8, л. 4]. Приказом по управлению Кавказским учебным округом коллежский асессор И. Д. Горбачевский с 6 июня 1897 г. был назначен сверхштатным учителем Баталпашинского городского училища [9, с. 666].

С 1 сентября 1897 г. по 1 сентября 1898 г. И. Д. Горбачевский исполнял обязанности секретаря Педагогического совета училища. За «отлично-усердную службу и примерное исполнение секретарских обязанностей получил в пособие из специальных средств сто руб.» [7, л. 12 об.]. В 1898 г. И. Д. Горбачевский стал членом-сотрудником Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) [10, с. 233]. Это общество не только занималось всесторонним изучением Кубани, но и осуществляло широкое распространение краеведческих знаний. Кроме того, писатель активно участвует в благотворительной деятельности: 24 мая 1900 г. И. Д. Горбачевский был утвержден в звании Директора Баталпашинского отделения Тюремного комитета [7, л. 13]. 21 декабря 1899 г. И. Д. Горбачевскому был пожалован чин надворного советника, а 1 января 1900 г. «за отлично-усердную службу» он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени [7, л. 12 об.].

Преподавание в училище он совмещал с выступлениями в местной печати по насущным вопросам народного образования. 28 сентября 1897 г. в «Кубанских областных ведомостях» была опубликована статья И. Д. Горбачевского о состоянии учебного дела в ст. Баталпашинской. Он сообщал, что «благодаря умелому, практическому ведению дела, ремесленные классы имеют более характер благоустроенной мастерской, нежели заурядных училищных классов, изготовляя вещи по изяществу и прочности не уступающие дорогим фабричным изделиям» [11, с. 2]. Учитель рассказал о воскресной школе для взрослых при училище, «образцовой постановке народных чтений», народной библиотеке при народном училище, «весьма благоустроенной пасеке», выкормке шелковичных червей, давшей прекрасные результаты.

В другой корреспонденции ученого говорилось об опыте инспектора Баталпашинского городского училища Потапова по привлечению горских обществ к сельскохозяйственным занятиям

в народных училищах. Речь идет об учителе-инспекторе, коллежском советнике Сергее Гавриловиче Потапове [12, с. 58]. Имея заслуженную репутацию у черкесов и абазин, дети которых обучались в городском училище, С. Г. Потапов «блистательно выполнил возложенную на него трудную миссию», «горцы выразили желание даже и девочек своих приучать к этому легкому и доходному промыслу, что может послужить действительным средством для сближения с училищем горской женщины, устраненной обычаями от проявлений всякой общественной жизни» [13, с. 4].

Для директора народных училищ Кубанской области И. Д. Горбачевский написал специальную работу в виде реферата «Желательный тип ремесленных классов при низших училищах» по материалам съезда деятелей технического и профессионального образования в Санкт-Петербурге в 1898 г. [14, с. 16]. В июле 1899 г. в двух номерах «Кубанских областных ведомостей» была напечатана большая статья И. Д. Горбачевского «Сельскохозяйственные занятия при Баталпашинском городском училище». Иван Данилович отметил, что с закрытием юнкерского училища в Ставрополе и с усложнением программы на звание народного учителя только «наиболее способные из них добиваются учительского или офицерского звания, остальные увеличивают собой кадры того канцелярского пролетариата, который в старину назывался крапивным семенем, и немногие по необходимости возвращаются на отцовские хозяйства, получив во время прохождения учебного курса отвращение к хозяйственным занятиям и простой, трудовой жизни» [15, с. 3]. Эти молодые люди часто составляют «обузу и несчастье для своих родственников», поэтому наученные горьким опытом «хозяйственные казаки, чтобы не потерять последних работников, часто довольствуясь простой грамотностью, забирают младших сыновей из 3 или 4 класса городского училища, покамест те еще не успели отбиться от хозяйства». Самым действенным средством для решения этой важной социальной проблемы И. Д. Горбачевский считал занятия сельским хозяйством при училище. Иван Данилович рассказал об опыте своих коллег по Баталпашинскому городскому училищу по занятиям с детьми садоводством, выращиванию шелковичных червей. Однако инспектор посетовал на недоверие и невежество местных казаков, которые «несмотря на неоднократные протесты и жалобы инспектора училища, систематически вытравляют участок скотом, так, что для охранения от порчи и расхищения насаждений училище принуждено содержать на участке отдельного сторожа» [16, с. 3]. Ивану Даниловичу, человеку интеллигентному

и приезжому, все дело представлялось лишь через призму «мрака невежества в народе». В действительности все было гораздо сложнее. Указом Александра II 30 декабря 1869 г. станица Баталпашинская была преобразована в город Баталпашинск, однако данное решение так и не было претворено в жизнь. Местный учитель Ф. Ф. Арканников в 1881 г. объяснял это следующим образом: «Баталпашинску не суждено скоро быть городом: коренное население казак-хоперцы положительно, как мы неоднократно наблюдали, не желают этого города, не желают и платить, буде придется, что-либо в пользу его, ни приписываться в горожане, и не переселяться в другие станицы» [17, с. 1]. Так что дело было не столько в «косности и невежестве» казачества, сколько в стремлении отстоять свои сословные интересы в условиях везде проникающей модернизации и трансформации традиционных устоев.

В то же время И. Д. Горбачевский высказал весьма актуальные даже сегодня соображения о занятиях с учениками сельскохозяйственным трудом. Первое, на что он указал, – занятия не должны иметь характера принуждения. Учеников необходимо «делать участниками выгод от их сельско-хозяйственных занятий, щедро выдавая им семена, саженцы и даже рой пчел». Школьникам необходимо отдавать отдельные грядки и участки питомника, чтобы «они за свои добросовестные труды пользовались известной частью дохода». Это развивает, по мысли И. Д. Горбачевского, «благородную» соревновательность в труде, стремление получить пользу от последнего.

Во-вторых, руководители подобных занятий должны «изучить дело не только теоретически, но и практически, чтобы собственным невежеством не уронить дело в глазах учащихся и взрослых. Учителя должны показывать пример в труде: даже и самые ленивые постыдятся не работать, когда увидят почтенные мозоли на руках своего учителя» [16, с. 3].

В-третьих, считал И. Д. Горбачевский, «не следует пренебрежительно относиться к старинным приемам хозяйства, которые целые тысячелетия поили и кормили население, а удобнее улучшения вести параллельно с традиционными культурами» [16, с. 3].

15 ноября 1899 г. попечитель Кавказского учебного округа писал директору народных училищ Кубанской области: «Покорнейше прошу Ваше Превосходительство выразить от моего имени благодарность учителю Баталпашинского городского училища Горбачевскому за присылку сочинений» [18, л. 6].

И. Д. Горбачевский напечатал в «Кубанских областных ведомостях» заметку «О праздновании в Баталпашинском городском училище

26 мая» (имеется в виду пушкинский юбилей). Кроме того, в этой газете, а также в «Витебских губернских ведомостях» он напечатал несколько других корреспонденций о народном образовании, народном здравоохранении и экономического характера [14, с. 12].

На Кавказе И. Д. Горбачевский, по-видимому, познакомился с земляками-выходцами из белорусских губерний, привлеченными в край стремлением выбраться из тягот малоземелья и слухами о дешевизне жилья и земельной аренды в местных казачьих станицах [19, с. 107–109]. Не исключено, что этими встречами была навеяна его статья, вышедшая в «Витебских губернских ведомостях» в 1897 г. «Везде хорошо, где нас нет (в назидание землякам-белорусам, одержимым переселенческим недугом)». Позднее статья была издана отдельной брошюрой [14, с. 15].

Продолжает И. Д. Горбачевский обрабатывать и публиковать свои белорусские полевые записи, активно сотрудничая с «Витебскими губернскими ведомостями». С Кавказа он посылает в эту газету свой этнографический очерк «На Припяти», где дает характеристику аспектам традиционной культуры белорусского Восточного Полесья.

В ст. Баталпашинской И. Д. Горбачевский занимается и художественным творчеством. В «Витебских губернских ведомостях» он опубликовал повесть из жизни сельской учительницы «Что-то с ней будет?», а в 1898 г. повесть вышла отдельным изданием. Белорусские литературоведы считают, что это произведение было создано во время службы учителем в Придвинском крае [3, с. 227], однако повесть была, очевидно, написана на Кавказе. Во-первых, на форзаце изданной отдельной книгой повести указано, что публикация «дозволена цензурой 28 февраля 1898 года» [20, с. 2]. К этому времени И. Д. Горбачевский уже 8 месяцев служил в ст. Баталпашинской. Во-вторых, одним из аргументов в полемике героини повести с Наумом Прокофьевичем служит упоминание о том, что «на Кавказе в интеллигентных колониях высокообразованные женщины с успехом трудятся и исполняют все хозяйственные работы» [20, с. 10]. Это косвенное обстоятельство также говорит в пользу кавказского происхождения повести. Наконец, если бы произведение было создано еще в Виленской губернии, вряд ли бы упоминание о нем попало в отчет Попечителя Кавказского учебного округа за 1898 г. [14, с. 15].

В повести писатель поднимает большую социальную проблему совместимости устремлений идущих в народ романтиков-учителей и белорусских крестьян, смотревших на все порывы и устремления прибывших в село молодых людей как на «панскую» блажь. Героиня повести –

юная девушка из небогатой чиновничьей семьи Лидия Егоровна – решила стать народной учительницей, сеять разумное, доброе, вечное среди крестьянских ребятишек.

Однако жизнь оказывается сложнее и суровее, чем это представлялось девушке, попавшей на службу в белорусское село Залесье. Несмотря на то, что Лилия Егоровна «с большим любопытством изучала деревенскую жизнь и привязывалась к простому народу», ее все продолжали считать «паненкой», а местные девушки не принимали в свою среду. Любовь к простому крестьянскому парню Борису и выход за него замуж не приносят счастья Лидии Егоровне. Ее мечты создать идеальную трудовую семью, «перевоспитать всю окрестность» наталкиваются на тяжелые трудовые будни крестьянской семьи, в которую она пришла жить. Единственным утешением новоявленной крестьянки становится учитель из соседнего села Дубровки Наум Прокофьевич, который отличался «примерным своим трудолюбием, знанием дела и ровным выдержанным характером. Ведя отлично учебное дело, он вместе с тем с большим успехом занимался пчеловодством, огородничеством и, вообще, опытным при училище хозяйством, никогда не прибегая к наемному труду» [20, с. 17]. Его прототип явно просматривается в биографических фактах самого автора повести [3, с. 227]. Вместе с Наумом Прокофьевичем читатель посещает крестьянское жилище, живет рядом с белорусскими крестьянами, постигая богатство и колорит традиционной культуры. В канву произведения органически вплетаются рождественские Святки, Пасхальные празднества, купальские песни и обряды («А шла Купала селом, селом»), песня «про лютую свекровь и бедную, страдавшую невестку» («Дуброва моя зеленая, / Свекровь моя шаленая»).

22 июня 1902 г. И. Д. Горбачевский назначен инспектором Кисловодского городского училища Терской области [7, л. 13] с жалованием 640 руб. в год. О его службе в Кисловодске сведения весьма скудны. Местные краеведы мельком упоминают имя И. Д. Горбачевского лишь в связи с историей здания городского училища [22].

На Кавказе в семье Горбачевских появились дети. Иван Данилович был женат на Анне Петровне Заиц, вышедшей из купеческого сословия. У супругов родились дочери: 11 ноября 1897 г. – Елена, 15 февраля 1901 г. – Евгения, 23 сентября

1903 г. – Зинаида, 4 августа 1906 г. – Наталья [7, л. 11].

Об этом времени в одном из дел Государственного архива Краснодарского края сохранился интересный документ. Это Прощение И. Д. Горбачевского на имя Попечителя Кавказского учебного округа от 25 июля 1905 г., в котором Иван Данилович просит назначить его инспектором народных училищ Тверской области. «Начав педагогическую службу еще в восьмидесятих годах народным учителем, когда учителями много было идеалистов, по справедливости заслуживших от народа название “скромных, честных и полезных тружеников”, как бы я был счастлив, если бы снова очутился среди учителей в качестве их советника, руководителя и пытливого защитника, о чем до сего времени не только мечтал и писал в своих рассказах из школьной жизни, – отмечал Иван Данилович. – Мне отрадно было бы и то, что между учителями встретил бы и своих питомцев по педагогическим партам, которые, безусловно, дружно бы работали под руководством своего бывшего учителя» [8, л. 14–15].

Однако просьба И. Д. Горбачевского уважена не была. Спустя 4 года, 18 мая 1909 г. он был перемещен на должность инспектора Кизлярского городского училища [7, л. 13]. 28 января 1910 г. он был «уволен со службы согласно прошению по болезни» [7, л. 55 об.], как писал сам И. Д. Горбачевский 5 февраля 1910 г., «по совершенно расстроенному здоровью» [7, л. 53]. Он покидает Кавказ и обосновывается в Рогачеве, где провел последние 4 года жизни.

Заключение. Таким образом, кавказский период жизни и творчества И. Д. Горбачевского был насыщен служением на ниве народного образования, стремлениями воплотить свои педагогические идеи (трудовое обучение и воспитание, призывы по созданию при школах садов, огородов, пасек, мастерских, ориентир на знания, которые пригодятся школьникам в жизни и др.) в практике преподавания местных школ. На Кавказе он продолжил и свое литературное творчество, активно участвовал в местной общественной жизни. Кавказские материалы существенно дополняют и уточняют имеющиеся сведения об одном из колоритных белорусских просветителей, раскрывают еще одну забытую страницу содержательных белорусско-кавказских связей.

Литература

1. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э. К. Дорошкевич [и др.]. М.: Изд-во Акад. пед. наук СССР, 1986. 460 с.
2. Скідан В. І. Гарбачэўскі І. Д. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск: БелЭн, 1994. Т. 2. 537 с.
3. Русецкий А. В., Русецкий Ю. А. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года. Минск: БелЭн, 2001. 286 с.

4. Харошка Г. П. Иван Данилавіч Гарбачэўскі – знаўца і прапагандыст народнага мастацтва Віцебшчыны // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XV (62) регион. науч-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной 100-летию со дня основания УО «ВГУ им. П. М. Машерова», Витебск, 3–5 марта 2010 г. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2010. С. 198–199.
5. Снапковская С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. М.: ИТИП РАО, 2011. 316 с.
6. Чечет В. В. Краевед, учитель, писатель... // Веснік адукацыі. 2016. № 4. С. 62–64.
7. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 123. Оп. 2. Д. 292.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 427. Оп. 2. Д. 385.
9. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (ЦУКУО) за 1897 год. Тифлис, 1897. № 9. Сентябрь.
10. Ратушняк Т. В. Развитие краеведения на Кубани (конец XVIII – первая треть XX в.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2013. 270 с.
11. Горбачевский И. Ст. Баталпашинская (Учебное дело) // Кубанские областные ведомости. 1897. № 210. 28 сентября.
12. Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар: Тип. Дон. акц. об-ва, 1898. № 8 (171). 98 с.
13. Горбачевский И. Ст. Баталпашинская // Кубанские областные ведомости. 1897. № 267. 12 декабря.
14. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1898 год // Сведения об особых трудах служащих в учебных заведениях Кавказского учебного округа за 1898 год. Тифлис, 1899. 12 с.
15. Горбачевский И. О сельскохозяйственных занятиях в Баталпашинском городском училище // Кубанские областные ведомости. 1899. № 139. 6 июля.
16. Горбачевский И. О сельскохозяйственных занятиях в Баталпашинском городском училище (окончание) // Кубанские областные ведомости. 1899. № 141. 8 июля.
17. Арканников Ф. Из путевых заметок по некоторым местам Баталпашинского уезда // Кубанские областные ведомости. 1881. № 25. 14 ноября.
18. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1127.
19. Матвеев О. В. Переселенцы из белорусских губерний в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья (конец XVIII – начало XX в.) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Краснодар, 24 окт. 2013 г. / науч. ред., сост.: Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Краснодар: Традиция, 2013. С. 102–121.
20. Горбачевский И. Д. Что-то с ней будет?: повесть. Витебск: Губернская типо-литография, 1898. 24 с.

References

1. *Antologiya pedagogicheskoy mysli Belorusskoy SSR* [Anthology of pedagogical thought of the Belarusian SSR]. Comp. E. K. Doroshkevich [et al.]. Moscow, Academiya of Ped. Sciences of the USSR Publ., 1986. 460 p.
2. Skidan V. I. Gorbachevsky I. D. *Entsyklapedyya gistoryi Belarusi* [Encyclopedia of the history of Belarus]. Minsk, Belaruskaya entsyklapedyya Publ., 1994. Vol. 2. 537 p. [In Belarusian].
3. Rusetsky A. V., Rusetsky Y. A. *Khudozhestvennaya kul'tura Vitebska s drevnosti do 1917 goda* [Culture of Vitebsk from ancient times to 1917]. Minsk, Belaruskaya entsyklapedyya Publ., 2001. 286 p.
4. Kharoshka G. P. Ivan Danilovich Garbachevski – expert and propagandist of folk art of Vitebsk region. *Materialy XV (62) regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya osnovaniya UO “VGU im. P. M. Masherova” “Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike”*, Vitebsk, 3–5 marta 2010 [Science – education, production, economy: Materials XV (62) of the regional scientific-practical conference of teachers, scientific employees and postgraduates, devoted to the 100th anniversary of the founding of EE “VSU named after P. M. Masherov”, Vitebsk, March 3–5, 2010]. Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov Publ., 2010, pp. 198–199 [In Belarusian].
5. Snapkovskaya S. V. *Razvitiye obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli Belarusi vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Development of education and pedagogical thought of Belarus in the second half of XIX – beginning of XX centuries] Moscow, ITIP RAO Publ., 2011. 316 p.
6. Chechet V. V. A local historian, teacher, writer... *Vesnik adukatsyi* [Bulletin of education], 2016, no. 4, pp. 62–64 (In Russian).

7. Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CGA RSO-A). Fund 123. I. 2. F. 292.
8. State archive of Krasnodar region (GACC). Fund 427. I. 2. F. 385.
9. *Tsirkulyar po upravleniyu Kavkazskim uchebnym okrugom (TsUKUO) za 1897 god* [Circular on the management of the Caucasus school district (CMCSD) for 1897]. Tiflis, 1897, no. 9, September.
10. Ratushnyak T. V. *Razvitie kraevedeniya na Kubani (konets XVIII – pervaya tret' XX v.)*. [Development of local lore in Kuban (late XVIII – first third of XX century)]. Krasnodar, Kuban. State University Publ., 2013. 270 p.
11. Gorbachevsky I. St. Batalpashinskaya (the case study). *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* [The Kuban regional statements], 1897, no. 210, September 28 (In Russian).
12. *Kubanskiy kalendar na 1898 god* [Kuban calendar for 1898]. Ekaterinodar, Type. Don. the ASC Society Publ., 1898, no. 8 (171), 98 p.
13. Gorbachevsky I. St. Batalpashinskaya. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* [The Kuban regional statements], 1897, no. 267, Decemee 12 (In Russian).
14. Report of the Trustee of the Caucasian school district on the state of educational institutions for 1898. *Svedeniya ob osobykh trudakh sluzhahschikh v uchebnykh zavedeniyakh Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1898 god* [Data on special works of employees in educational institutions of the Caucasian educational district for 1898]. Tiflis, 1899, 12 p. (In Russian).
15. Gorbachevsky I. On the agricultural classes in city school Batalpashinsk. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* [The Kuban regional statements], 1899, no. 139, July 6 (In Russian).
16. Gorbachevsky I. On agricultural pursuits in Batalpashinsk city school (the end). *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* [The Kuban regional statements], 1899, no. 141, July 8 (In Russian).
17. Arkannikov F. Of travel writing for some places Batalpashinsk district. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* [The Kuban regional statements], 1881, no. 25, November 14 (In Russian).
18. GAKK. Fund 470. I. 2. F. 1127.
19. Matveev O. V. Immigrants from the Belarusian provinces in the formation of ethno-cultural space of the Kuban and the black sea region (late XVIII – early XX centuries). *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Etnokulturnoe prostranstvo Yuga Rossii (XVIII–XXI vv.)"* [Ethno-Cultural space of the South of Russia (XVIII – XXI centuries): materials of the all-Russian scientific and practical conference], sinc. ed., comp. N. I. Bondar, A. I. Zudin. Krasnodar, Tradition Publ., 2013, pp. 102–121 (In Russian).
20. Gorbachevsky I. D. *Chto-to s ney budet? Povest'* [Something will happen to her? Story]. Vitebsk, Provincial Tipo-Lithograph Publ., 1898. 24 p.

Информация об авторе

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: vim12@rambler.ru

Information about the author

Matveyev Oleg Vladimirovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of Russian History. Kuban State University (149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vim12@rambler.ru

Поступила 12.09.2019

УДК 37.09(476)«19|20»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**ПРЕПОДАВАТЕЛИ УЧИТЕЛЬСКИХ СЕМИНАРИЙ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В статье рассматривается социально-правовой статус преподавателей учительских семинарий Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание отводится анализу их роли в организации учебно-воспитательного процесса в этих учебных заведениях. Показаны функциональные обязанности директора и наставников, регламентированные существующей законодательной базой, а также круг прав и преимуществ службы преподавателя. Автор освещает условия труда и быта (организация рабочего места педагога, решение жилищного вопроса, уровень материальной обеспеченности и др.). Результаты исследования и выводы базируются на использованных нормативно-правовых актах (законах, положениях, инструкциях, распоряжениях, правилах и т. д.), архивных документах, данных статистики (отчетах), материалах периодической печати и др.

Ключевые слова: учебное заведение, учительская семинария, наставники, учебный округ, учебно-воспитательный процесс.

V. M. Ostroha

Belarusian State Technological University

**TEACHERS OF TEACHING SEMINAR OF BELARUS
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

The article deals with the social and legal status of teachers' seminaries of Belarus in the second half of the XIX – early XX centuries. Special attention is paid to the analysis of their role in the organization of educational process in these educational institutions. The functional duties of the Director and mentors, regulated by the existing legislative framework, as well as the range of rights and benefits of the service of the teacher are shown. The author also highlights the working and living conditions (organization of the teacher's workplace, the solution of the housing problem, the level of material security, etc.). The results of the research and conclusions are based on the used normative legal acts (laws, regulations, instructions, orders, rules, etc.), archival documents, statistical data (reports), periodical press materials, etc.

Key words: educational institution, teachers' seminary, mentors, educational district, educational process.

Введение. Развитие капитализма и новые социально-экономические отношения, вызванные буржуазными реформами 1860–1870-х гг., дали толчок для более широкого развития народного просвещения. В этой связи неизбежно вставала проблема подготовки педагогических кадров, без решения которой серьезная реорганизация школьной системы была невозможна. В середине XIX в. впервые в истории русской школы передовая общественность и частные лица выступали с инициативами открытия педагогических учебных заведений. Идея подготовки учителей в специально организованных семинариях впервые получила практическое осуществление в Беларуси: в 1864 г. была открыта первая в Беларуси (и в России) Молодечненская, в 1872 г. – Полоцкая, в 1875 г. – Несвижская и в 1876 г. – Свислочская учительские семинарии с целью «доставить педагогическое образование молодым людям всех сословий, православного вероисповедания, желающим посвятить себя учительской деятельности в начальных училищах» [1, с. 1152].

Основная часть. В 1870 г. семинарии из двухклассных были преобразованы в трехклассные. Первые учебные планы и программы были очень ограничены. В качестве основных предметов преподавались те, знание которых было необходимо для практической деятельности учителя. Предусматривалось преподавание Закона Божьего, русского и церковнославянского языка, арифметики, чистописания и пения. Небольшое количество часов отводилось на русскую историю, географию и методику.

Штат семинарии включал директора, заочника, двух (трех) преподавателей предметов и учителя училища, которое организовывалось при семинарии. Семинария и начальное при ней училище состояли под непосредственным управлением директора. Директор избирался попечителем Виленского учебного округа из лиц православного исповедания при условии окончания одного из высших учебных заведений. В должности его утверждал министр народного просвещения. Права и полномочия директора семинарии приравнивались к правам директора

государственной гимназии и регулировались «Положением об учительских семинариях» 1870 г. и «Инструкцией для учительских семинарий министерства народного просвещения» 1875 г. Он следил за ходом учебного процесса, за выполнением преподавателями установленных программ и всех предписаний начальства, являлся председателем педагогического совета. Директору семинарии отводились полномочия избирать учителей и представлять их на утверждение попечителю округа, представлять их к наградам и пособиям, а также увольнять в отпуск на вакационное время или же от занимаемой должности «за неспособностью или выслугою срока на пенсию».

В его обязанности входило также посещение уроков своих коллег, причем строгим и ответственным исполнением своих обязанностей он должен был служить примером для других служащих лиц. Отчеты о посещениях уроков преподавателей по установленной форме в обязательном порядке направлялись в управление округа. Например, анализ отчетов за первую половину 1893/94 учебного года говорит о достаточно частом присутствии директора Полоцкой семинарии на уроках своих коллег – их было 40. Им фиксировались как сильные, так и слабые моменты в методике преподавания. Скажем, урок В. Е. Савицкого по арифметике в приготовительном классе «веден был энергично и вполне обстоятельно, при решении задач преподаватель особенно настаивал на точности выражений и последовательности решения; почти все ученики отвечали хорошо». Урок по географии в 1-м классе, который вел А. К. Добрынин, оставил двойственное впечатление: с одной стороны, учитель старался, чтобы семинаристы усвоили больше информации, со второй же – его подопечные не справлялись, и ему приходилось «делать много поправок с объяснениями, в ответах учеников замечалась сбивчивость». Отсюда совет – «назначать на урок меньше учебного материала». Директор Свислочской семинарии в своем отчете зафиксировал практически только лестные ответы при посещении 20 уроков своих преподавателей (С. В. Вольсковича, Ю. Ф. Божко, законоучителя о. Ангельского и др.): «урок веден был правильно и оживленно», «произвел общее благоприятное впечатление», «не вызвал никаких замечаний» и др. Достаточно строго и ответственно к этому делу относился директор Несвижской семинарии: с одной стороны, «прекрасными приемами» называет «классный разбор ученических упражнений» (учитель русского языка И. П. Кукушкин) и «повторение прежде пройденного каждым учеником» (учитель географии Я. Ш. Тарановский); со второй стороны, анализируя урок пения (учитель О. М. Гонец), отмечает, что «он

нуждается в выработке надлежащего вкуса в пении», в активной работе над методикой преподавания; а учителя гимнастики А. Васильева вообще временно отстраняет от занятий: ему «приказано лучше готовиться к урокам, а не вести их случайно и наобум» [2, л. 2–11, 36–41, 65–71]. Несомненно, все сделанные замечания в обязательном порядке «ставились на вид» наставнику и способствовали активизации усилий, направленных на их устранение.

Кроме этого отмечалось, что директор «частными беседами и обсуждением различных вопросов, как в заседаниях совета, так и в педагогических собраниях должен стараться разъяснять все недоразумения преподавателей и по возможности соединить деятельность всех наставников в одно стройное целое». Главный надзор и ответственность за поведением и успехами воспитанников также принадлежали директору, впрочем, как и хозяйственные функции – право распоряжаться всем движимым и недвижимым имуществом [3, с. 1170].

Как уже отмечалось, наставники, согласно штатному расписанию, избирались директором: законоучитель по предварительному согласованию с епархиальным начальством – из духовных лиц, получивших образование в духовной академии, а преподаватели наук – из лиц православного вероисповедания, преимущественно получивших образование в одном из высших учебных заведений. Министру народного просвещения предоставлялось право при необходимости назначать в учительские семинарии сверхштатных учителей. Наставники в своей профессиональной деятельности обязаны были самым строгим образом подчиняться всем распоряжениям и предписаниям вышестоящего начальства и решениям педагогического совета. Им вменялось в обязанность «аккуратно являться на уроки, добросовестно к ним готовиться, относиться к учащимся справедливо и доброжелательно». Наличие в семинарии двух-трех штатных наставников (в зависимости от количества классов), кроме директора и законоучителя, и ведение ими по несколько иногда неродственных учебных предметов неизбежно порождало формализм, упрощенчество, отсутствие интереса и методического творчества в учебной работе. Например, учитель русского языка вынужден был преподавать еще историю, географию, церковнославянский язык и пение, а учитель естественной истории – арифметику, геометрию, землемерие и линейное черчение [4, с. 13].

Учителя также должны были помогать ученикам готовиться к пробным урокам и присутствовать на их обсуждении. Кроме преподавания порученных учебных предметов, наставники помогали директору и законоучителю в

осуществлении «нравственного надзора» над воспитанниками: они рассматривались как лица, ответственные за всестороннюю воспитательную деятельность данного учебного заведения, установления в нем «общего правильного и целесообразного строя». Они обязаны были стремиться «всеми силами указать им (воспитанникам) правильный путь к добросовестному и полезному исполнению их будущих обязанностей». Для этого вводился институт классных наставников-наблюдателей, которые осуществляли надзор за учащимися как в учебное, так и во внеучебное время. «Инструкция» также предусматривала готовность «принять на себя заведывание кабинетами, библиотекою или обязанности секретаря по назначению педагогического совета» [3, с. 1171].

На основании положения об учительских семинариях учреждался педагогический совет, который собирался не реже одного раза в месяц и «заведовал педагогическою и воспитательною деятельностью заведения». На его заседании присутствовал директор (он являлся председателем), законоучитель, наставники, учитель начальной школы, а также иногда приглашались ученики выпускного 3-го класса для разбора пробных уроков. Протоколы заседаний, как и все делопроизводство, велось секретарем семинарии, поэтому они дают представление об основных вопросах, которые рассматривались на их заседаниях: прием желающих поступить в семинарию; назначение стипендий, наград, а также взысканий; распределение между наставниками учебных предметов; тематика письменных работ для воспитанников; рассмотрение рекомендуемых методов и способов преподавания; выбор учебных пособий и руководств из числа рекомендованных министерством и, исходя из этого, выписка книг для библиотеки; обсуждение хозяйственных и других вопросов [5, л. 11, 14, 19, 20].

Следует отметить, что наставники пользовались всеми преимуществами государственной службы, имели также право на получение классных чинов и наград. В российской «Табели о рангах» (1772 г.) были установлены 14 чинов. Согласно Положению об учительской семинарии, «на месте» можно было производить испытание на право производства наставников в первых классный чин (коллежский регистратор или делопроизводитель, XIV класс) и выдавать соответствующее свидетельство. Производство в следующие чины за выслугу лет вплоть до VIII класса разрешалось через 3 года, а до V класса – через 4 года. Имея большой стаж и опыт работы, наставник мог дослужиться до высокого звания. Большинство директоров семинарий имели чин коллежского советника (VI класс), что соответствовало воинскому званию полковника. Приказы

о награждении служащих различных типов учебных заведений издавались ежегодно [6]. Например, в 1916 г. среди награжденных орденом Св. Станислава 3-й степени были учителя Рогачевской учительской семинарии К. Зюбко, Полоцкой семинарии И. Матрошенко, Молодечненской семинарии А. Ержиковский; орденом Св. Анны 2-й степени – учителя Полоцкой учительской семинарии П. Иванов и С. Матвеев; орденом Св. Владимира 4-й степени – директор Молодечненской учительской семинарии А. Ярушевич [7, л. 2, 3, 10].

Вместе с тем недостаточное материальное обеспечение, обременение неоплачиваемой побочной работой (секретарство в педагогическом совете, заведование библиотекой, проведение метеорологических наблюдений, дежурства, классное наставничество, замена уроков, исправление письменных работ и др.), неудобства провинциальной жизни являлись причиной частой смены служащих, особенно с высшим образованием, которые «менее всего дорожили тяжелой службой в захолустье». Например, в Молодечненской семинарии с момента ее основания и до 1914 г. сменилось 10 директоров (первым директором был Забелин А. И.), 6 законоучителей и 66 наставников. Чаще всего службу покидали наставники русского языка – за 5 лет сменилось 19 человек. В среднем окончившие университет служили 1 год 11 месяцев, духовную академию – 3 года 1 месяц, учительский институт и среднее учебное заведение – 5 лет [8, с. 54–63]. В Полоцкой учительской семинарии наблюдалась несколько иная тенденция: за первые 30 лет ее деятельности перемен в личном составе служащих в ней было сравнительно немного: должность директора последовательно занимали 3 человека, должность законоучителя – 2 священника, и работало 15 наставников. Например, директор Е. И. Смирнов прослужил 20 лет, законоучитель о. Дубровский – 25 лет, учителя Савицкий – 20 лет, Добрынин – 14 лет, Латышкевич – 10 лет и т. д. Высоким был и образовательный ценз: все 3 директора получили образование в духовной академии (два со степенью магистра и один со степенью кандидата); оба законоучителя – в духовной семинарии; из 15 наставников 2 – в духовной академии, 9 – в университете, 4 – в учительском институте [9, с. 13].

Преподаватели включались также в учебно-методическую и научную деятельность. Например, еще работая наставником Полоцкой семинарии, в 1874 г. А. Белецкий совместно с директором Ю. Крачковским по указанию управления Виленского учебного округа были командированы в Германию для ознакомления с опытом работы немецких учебных заведений. В результате этой поездки был приобретен ценные

знания по методике преподавания [10, с. 15]. Преподаватели семинарий были инициаторами проведения конференций, на которых воспитанники знакомились с работами известных педагогов, новыми способами и методами обучения. А. В. Белецкий написал «Методику обучения письменности», отрывок которой в виде статьи был опубликован в «Циркуляре по Виленскому учебному округу» за 1874 г. (№ 3). Преподаватель русского языка и литературы Н. И. Зорин являлся автором краеведческого исследования «Прошлое и настоящее города Полоцка». Е. И. Смирнов (директор семинарии) – автор «История Христианской церкви» (1872 г.) и «Исторической записки о Полоцкой учительской семинарии» (1902 г.).

Известным педагогом являлся учитель русского языка и словесности Несвижской учительской семинарии Ф. А. Кудринский (литературный псевдоним Богдан Степанец). Его можно назвать историком и этнографом, писателем и публицистом. Из-под его пера в свет вышли такие работы, как «Курс новой русской литературы», «Белорусы (Общий очерк)», «Вильна в 1812 году», «Искусство наших дней» и др.

Высокообразованным человеком своего времени являлся первый директор Рогачевской учительской семинарии Д. А. Степура, который окончил историческое отделение Киевской духовной академии. В своей педагогической деятельности он пропагандировал идеи К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова и их последователей. Он организовал краткосрочные педагогические курсы для учителей начальной школы, воскресную школу для взрослых для обучения грамоте. Д. А. Степура также являлся автором статей «Экспериментальная теория обучения правописанию в начальной школе» (1907 г.) и «Кароткі гістарычны нарыс сыстэмы народнай асьветы» (вышла уже в 1929 г.).

Руководство округа стремилось обеспечить служащим семинарий комфортные жилищно-бытовые условия. В Молодечненской учительской семинарии все служащие пользовались квартирой и отоплением. А так как «служащих штатных было 8–9 чел., да еще 3–5 прислуги, были и холостые, и семейные, то вопрос о квартирном довольствии всегда возбуждал всякого рода недоразумения и неудовольствия». Дело в том, что флигеля с квартирами часто горели (пожары случались раз в 10–15 лет), а потерпевшие служащие получали пособия, квартирные деньги. В самом же местечке нанять жилье было невозможно – подходящих домов не строили. С пониманием к этому вопросу относилось руководство округа, которое выделяло деньги на решение возникающих хозяйственно-бытовых проблем. В 1889 г. по распоряжению попечителя

дополнительно казенную квартиру получил врач семинарии, с 1902 г. – штатные учителя искусств и пения. Таким образом, вплоть до 1914 г. квартирный вопрос в семинарии был решен полностью [8, с. 34].

Достаточно успешно решался вопрос о необходимых помещениях для Полоцкой учительской семинарии. В 1872 г. она помещалась в здании бывшего уездного двухклассного училища. Для семинарии этот дом оказался тесным, так как, согласно «Положению», все служащие должны были иметь готовые квартиры в здании семинарии. В 1875–76 гг. за счет казенных денег и пожертвований частных лиц были сооружены каменный двухэтажный флигель, приобретен и отремонтирован двухэтажный каменный дом под квартиры наставников семинарии. В начале XX в. в главном здании помещались церковь, актовый зал, библиотека, классные комнаты, приготовительный класс, класс ручного труда, гимнастический зал, физический кабинет, начальное училище, квартиры директора, законоучителя и учителя приготовительного класса. Отдельное здание вводилось под общежитие, где проживали 69 воспитанников. Все помещения соответствовали своему назначению и обеспечивали достаточно комфортные условия труда и быта [9, с. 4–5].

С 1907 г. в семинариях Беларуси вводился четырехлетний срок обучения. Изменение срока произошло на основании министерского постановления от 11 марта 1902 г., рассмотренного на съезде директоров и преподавателей учительских семинарий Виленского учебного округа 25–29 апреля 1907 г. и принятого с некоторыми изменениями. Были пересмотрены учебные планы и программы, соответственно изменился и штат служащих [11, с. 13].

Рост школьной сети вынудил правительство пойти на дальнейшее увеличение количества семинарий. В 1909 г. начала работу Рогачевская семинария. Уже в 1910 г. сообщалось, что она обеспечена как педагогическим персоналом (4 учителя с высшим образованием и 3 – со специальным), так и учебниками, книгами, хорошей обстановкой. При семинарии уже успели открыть педагогический музей для учителей народных школ, в котором смогли представить необходимые учебные и наглядные пособия, педагогическую и методическую литературу. Был также «разведен сад в 500 фруктовых деревьев, питомник с 150 дичками». В июле 1910 г. служащие семинарии смогли организовать педагогические курсы для учителей и учительниц «по получению специальной подготовки» [12, л. 11]. С 1 июля 1911 г. открыта первая в Виленском учебном округе женская Оршанская учительская семинария, в 1914 г. – Борисовская женская,

в 1915 г. – Гомельская женская семинарии. Возрастал план приема в семинарии, а сами они начали преобразовываться в многокомплектные учебные заведения.

Заработная плата преподавателей семинарий приближалась к зарплате их коллег в средних учебных заведениях, хотя такого статуса учительские семинарии не имели. Например, в 1872 г. на содержание штата Полоцкой учительской семинарии, зданий, учебные пособия, библиотеку, отопление, канцелярские расходы и др. выделялось 12 710 руб. «При казенной квартире» директор получал 2000 руб. в год (из них 1200 жалования и 800 столовых), законоучитель – 1200 руб. в год (650 жалования и 550 столовых). Такую же заработную плату (по 1200 руб. в год) получали 3 учителя семинарии. Учителю начального при семинарии училища полагалось 450 руб. в год, а учителю пения – 300 руб. в год [13, л. 7]. Размер заработной платы практически не изменился и в XX в., хотя цены на необходимые товары сильно выросли. Например, в 1916 г. служащие Свислочской учительской семинарии, которая в период Первой мировой войны была эвакуирована в г. Медынь Калужской губернии, получали: директор – 1152 руб. жалования и 768 руб. столовых, законоучитель – 650 руб. жалования и 550 руб. столовых, наставники – 624 руб. жалования и 528 руб. столовых, учитель начального при семинарии училища – 423 руб. Дополнительная оплата полагалась за преподавание уроков черчения и чистописания [14, л. 32–33, 57–58]. Директор семинарии, законоучитель и преподаватели наук, в том числе сверхштатные

учителя, пользовались по службе и по получению пенсий правами и преимуществами, изложенными в уставах о службе по определению от правительства и о пенсиях и единовременных пособиях. В летнее вакационное время им предоставлялись также оплачиваемые отпуска. Учитель начального училища утверждался на должность попечителем округа и пользовался правами, которые имели учителя народных начальных училищ. Учитель пения определялся директором по найму и кроме жалования и казенной квартиры с отоплением никакими правами по службе не пользовался.

Заключение. Таким образом, учительские семинарии, которые располагали достаточно опытными и профессионально подготовленными преподавателями, разработанными планами и программами, неплохой материально-технической базой для обучения, в основном могли обеспечить возможность получения будущими учителями соответствующей теоретической и практической подготовки. За эти сложные десятилетия был накоплен ценный опыт, создан богатый арсенал форм и методов профессионального образования. Руководство Виленского учебного округа стремилось не только четко наладить учебно-воспитательный процесс в этих учебных заведениях, но и положительно решить вопросы, связанные с обеспечением социально-правового статуса наставника семинарии, от которого во многом зависело качество специально-педагогического образования и формирование устойчивых навыков профессии учителя.

Литература

1. Об учительских семинариях по положению 1870 года // Настольная книга по народному образованию. В 3 т. Т. 2 / сост.: Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб.: Т-во «Знание», 1901. С. 1152–1169.
2. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 567. Оп. 1. Д. 872.
3. Инструкция для учительских семинарий министерства народного просвещения // Настольная книга по народному образованию. В 3 т. Т. 2 / сост.: Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб.: Т-во «Знание», 1901. С. 1169–1191.
4. Кравцов А. И. Педагогическое образование в Беларуси в дооктябрьский период // Ученые записки / Мин-во просвещ. БССР, Минский пед. ин-т ин. языков. Минск: Гос. уч.-пед. изд-во М-ва просвещения БССР, 1958. С. 3–63.
5. ЛГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 897.
6. ЛГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 875.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 478. Оп. 1. Д. 65.
8. Ярушевич А. В. Молодечно и его учебные заведения. Вильна: Русский почин, 1914. 70 с.
9. Смирнов Е. И. Полоцкая учительская семинария за 30 лет ее существования. 1872–1902 годы. Историческая записка. Витебск: Губ. типо-литография, 1902. 67 с.
10. Овчинникова Р. И. Полоцкая учительская семинария. Судьбы ее преподавателей и воспитанников. Минск: Изд-во В. Хурсик, 2017. 199 с.
11. Журналы совещания директоров и наставников учительских семинарий Виленского учебного округа, происходившего 25–29 апреля 1907 г. в г. Вильна. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1908. 50 с.
12. НИАБ. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 42.
13. НИАБ. Ф. 2566. Оп. 1. Д. 5.
14. НИАБ в г. Гродно. Ф. 842. Оп. 2. Д. 174. Л. 32–33, 57–58.

References

1. On teachers' seminaries under the regulations of 1870. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniiyu. V 3 t. T. 2* [Handbook of popular education: in 2 vol. Vol. 2]. Comp. by G. Fal'bork, V. Charnoluskiy. St. Petersburg, T-vo Znanie Publ., 1901. Pp. 1152–1169 (In Russian).
2. Lithuanian State Historical Archive (LSHA). Fund 56. I. 1. F. 872.
3. Instruction for teachers' seminaries of the Ministry of education. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniiyu. V 3 t. T. 2* [Handbook of popular education: in 2 vol. Vol. 2]. Comp. By G. Fal'bork, V. Charnoluskiy. St. Petersburg, T-vo Znanie Publ., 1901. Pp. 1169–1191 (In Russian).
4. Kravtsov A. I. Pedagogical education in Belarus in the pre-October period. *Uchenye zapiski* [Scientific notes]. Minsk, State Ed. and Ped. Publ. House of the Ministry Of Education of BSSR, 1958, pp. 3–63 (In Russian).
5. LSHA. Fund 567. I. 1. F. 897.
6. LSHA. Fund 567. I. 1. F. 875.
7. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 478. I. 1. F. 65.
8. Yarushevich A. V. *Molodechno i ego uchebnye zavedeniya* [Molodechno and its educational institutions]. Vilna, Russkiy pochin Publ., 1914. 70 p.
9. Smirnov E. I. *Polotskaya uchitel'skaya seminariya za 30 let ee sushchestvovaniya. 1872–1902 gody. Istoricheskaya zapiska* [Polotsk teachers' seminary for 30 years of its existence. 1872–1902 years. Historical note]. Vitebsk, Provincial tipo-lithograph Publ., 1902. 67 p.
10. Ovchinnikova R. I. *Polotskaya uchitel'skaya seminariya. Sud'by ee prepodavateley i vospitannikov* [Polotsk teacher's seminary. Fate its teachers and pupils]. Minsk, V. Khursik Publishing, 2017. 199 p.
11. *Zhurnaly soveshchaniya direktorov i nastavnikov uchitel'skikh seminariy Vilenskogo uchebnogo okruga, proiskhodivshego 25–29 aprelya 1907 g. v g. Vil'na* [Journals of the meeting of Directors and mentors of teachers' seminaries of the Vilna school district, which took place on April 25–29, 1907 in Vilna]. Vilna, A. G. Syrkin's Publishing House, 1908. 50 p.
12. NHAB. Fund 3260. I. 1. F. 42.
13. NHAB. Fund 2566. I. 1. F. 5.
14. NHAB in Grodno. Fund 842. I. 2. F. 174. L. 32–33, 57–58.

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroha Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 21.03.2019

УДК 973:2

П. Г. Космач

Белорусский государственный университет

ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ В США КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

В данной статье анализируется развитие христианско-социалистического движения на территории Соединенных Штатов Америки в конце XIX – начале XX в. Данное движение фактически стало частью так называемого «социального христианства», представители которого стремились различными путями содействовать решению проблем и противоречий индустриального общества. Автором рассмотрена деятельность ярких представителей христианского социализма, в частности Вильяма Блисса (1856–1926) и Джорджа Хиррона (1862–1925). Констатируется негативное отношение иерархов католической церкви, искавших иные пути решения рабочего вопроса, к христианскому социализму. Определена роль христианских социалистов в деятельности Социалистической партии Америки (СПА), переживавшей в начале XX в. стремительный подъем. Сделан вывод, что наибольшего влияния христианский социализм достиг примерно в 1906–1912 гг. В дальнейшем события и процессы, связанные с Первой мировой войной, существенно изменили общественный климат в США, негативно сказавшись на развитии социалистического движения в целом. Вместе с тем христианско-социалистические идеи внесли определенный вклад как в развитие протестантизма новейшего времени, так и в постепенную эволюцию американской политической жизни первой половины XX в.

Ключевые слова: социализм, христианство, протестантизм, рабочий вопрос, религиозный фактор, история США.

P. G. Kosmach

Belarusian State University

**CHRISTIAN SOCIALISM IN THE USA
AT THE END OF THE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURY**

This article analyzes the development of the Christian socialist movement in the United States of America in the late 19th – the early 20th century. This movement was strongly connected with “Social Christianity” whose representatives sought in various ways to help in solving the problems and contradictions of the industrial society. The author reviewed the activities of the prominent representatives of Christian socialism, in particular, William Bliss (1856–1926) and George Herron (1862–1925). The negative attitude of the hierarchs of the Roman Catholic Church, who sought other ways to solve the problems of the working class, to Christian socialism is stated. The role of the Christian socialists in the activities of the Socialist Party of America (SPA) was discussed. It is concluded that Christian socialism reached its greatest influence around 1906–1912. In future events and processes related to the First World War significantly changed the public climate of the United States adversely affecting the development of the socialist movement as a whole. At the same time, Christian socialist ideas made contributions both to the development of modern Protestantism and to the gradual evolution of American social and political life during the first half of the 20th century.

Key words: socialism, Christianity, Protestantism, labour question, religious factor, US history.

Введение. После завершения Гражданской войны в США процессы индустриализации развернулись особенно активно, радикальным образом трансформировав американское общество. Стремительное развитие промышленности обеспечило рост национального богатства, но при этом вызвало и нарастание социальных противоречий. Как известно, еще в 1894 г. США заняли положение индустриальной державы номер один. При этом концентрация богатства, с одной стороны, и концентрация бедности, с другой, приобрели невиданные ранее масштабы. Подходил к завершению процесс внутренней колонизации, свободных земель оставалось все

меньше, а ведение фермерского хозяйства становилось с нарастающими трудностями. Стремительная урбанизация, появление мегаполисов, увеличение числа рабочих (в том числе низкооплачиваемых), появление феномена крайней бедности формировали новую социальную реальность в США.

Нарастание социально-экономических проблем, конфликты между рабочими и предпринимателями, которые в ряде случаев завершались кровавыми столкновениями, требовали соответствующей реакции со стороны представителей многочисленных церквей, пользовавшихся значительным влиянием и уважением в стране.

Популярная в середине века доктрина манчестерского либерализма утрачивала свои позиции среди образованных слоев американского общества. Оказалось, что спонтанное, нерегулируемое развитие капитализма может порождать такие явления и процессы, которые ставят под угрозу само существование социума. Резкие колебания экономической конъюнктуры вызывали массовую безработицу и обнищание значительной части населения. Один из американских социалистов писал: «В 1870 г. предложение труда было значительно меньше спроса на него; спустя тридцать лет мы видим постоянную армию безработных в миллион человек. В 1870 г. стачки и локауты едва были известны в Америке; между 1881 и 1894 гг. мы имели 14 000 столкновений между капиталом и трудом, в которых принимали участие около 4 миллионов рабочих» [1, с. 126]. Безработица и бедность шли рука об руку с развитием бесчисленного числа социальных зол и пороков. Этого не могли не видеть представители американского духовенства, которые стремились способствовать гармонизации общественных отношений.

Отметим, что национальный и конфессиональный состав американского рабочего класса имел свои особенности, включая весьма значительное число эмигрантов-католиков в первом поколении. По прибытии в США религиозная идентичность, как правило, не только не уходила в прошлое, но зачастую усиливалась. Принадлежность к той или иной конфессии и в начале XX в. рассматривалась как важная часть нравственного облика человека, влиявшая и на его репутацию даже в экономическом отношении.

Представители американского протестантизма не только привлекали внимание общества к социальным проблемам, но и активно содействовали их преодолению или смягчению. Благотворительная помощь нуждающимся дополнялась и поддержкой законных интересов рабочих со стороны все большего числа протестантских священников. Многие деятели социального христианства, критикуя недостатки капиталистического строя, неустанно призывали рабочих к организации профессиональных союзов, а во многих конфликтных ситуациях были готовы выступить на стороне трудящихся.

Основная часть. Отношение христианской религии к частной собственности и богатству исторически было крайне сложным и противоречивым. Имущественное неравенство, как было справедливо отмечено О. Ф. Кудрявцевым, «превратилось для христианства, ставшего мировой религией и государственной церковью, в одну из наиболее щекотливых проблем, чреватую самыми крайними умозрительными выводами и практическими решениям» [2, с. 76–77].

И в рамках протестантизма, оказавшего косвенное содействие развитию капиталистических отношений, все же были неоднократные выступления против института частной собственности. Эти устремления подпитывались верой в возможность создания «Царства Божьего», где не будет богатых и бедных уже в этом мире. Актуализация подобных убеждений в рамках так называемого «социального христианства» придала импульс различным проектам общественного переустройства на территории США, вступивших в индустриальную эру.

На фоне обострения социальных проблем в 1880–1890-х гг. христианско-социалистические идеи получают определенную популярность. Важнейший вклад в их развитие на американской почве внесли Вильям Блисс (1856–1926), конгрегационалистский священник, перешедший в епископальную церковь, и Джордж Хиррон (1862–1925), определенное время также являвшийся конгрегационалистским священником. При этом они достаточно активно взаимодействовали с социалистическим движением в США, пережившим в начале XX в. резкий подъем.

Деятельность В. Бласса способствовала созданию позитивного образа социализма, имевшего негативную репутацию у многих американцев. Именно им в 1889 г. было организовано Общество христианских социалистов, программа которого тесно связывала религиозные принципы и стремление к перестройке общественного порядка. В ней подчеркивалось, что все социальные, политические, экономические отношения должны строиться на принципах отцовства Бога и человеческого братства – в соответствии с учением Иисуса Христа. Христианские социалисты указывали, что коммерческая и индустриальная система им не соответствует, а это приводит к ряду разрушительных последствий: естественные богатства и технические изобретения служат немногим; отсутствие общего производственного плана ведет к периодическим кризисам; нарастают процессы монополизации бизнеса, массы рабочих становятся все более зависимыми от сокращающегося числа работодателей; общее снижение общественной нравственности. Выход из создавшегося положения виделся в перестроенном социальном порядке, который включал способ производства и распределения, обеспечивавший справедливое вознаграждение для каждого члена общества. Были заявлены две цели Общества христианских социалистов: 1) показать, что цель социализма включена в цель христианства; 2) пробудить церкви для реализации социальных принципов христианства [3, с. 203]. Тем самым социализм рассматривался как естественное дополнение

к христианству, т. е. практическое претворение в жизни принципа любви к ближнему.

В 1890 г. увидела свет работа В. Блисса «Что такое христианский социализм?». В экономическом отношении новый общественный строй, согласно данной работе, означал «трансформацию частных и соревнующихся капиталов в объединенный коллективный капитал» [4, с. 19]. При этом В. Блисс подчеркивал, что путь к социализму – это длительный путь реформ, осуществляемых в рамках демократического государства. Проблемой номер один им называлась безработица, а для ее преодоления предлагалась организация общественных работ и обучение трудящихся. В. Блисс также выступал за муниципализацию компаний, обеспечивающих освещение, отопление и транспортное сообщение в городах, национализацию телеграфа и железных дорог, а также введение прогрессивного налога на недвижимость [4, с. 41–42]. Среди прочих мер, которые поддерживались христианическими социалистами, были следующие: запрещение детского труда, введение восьмичасового рабочего дня, развитие профсоюзного и кооперативного движения, мирное разрешение трудовых конфликтов.

Умеренный характер христианско-социалистической программы, предложенной В. Блиссом, диктовался, с одной стороны, объективными условиями США того времени, с другой стороны, негативным опытом организации поселений-коммун. Так, в 1896 г. была сделана попытка основать «Христианскую республику» на территории штата Джорджия. Основанная так колония, в которой проживало до четырехсот человек, просуществовала около четырех лет. Однако идеал братства и христианской любви неумолимо сталкивался с эгоистическими сторонами человеческой природы. Дж. Чипман, сын одного из основателей колонии, отмечал, что она была наводнена «множеством ленивых и совершенно бесполезных людей, которых невозможно было заставить работать, а ее руководители были слишком искренними христианами, чтобы их изгнать» [5, с. 167]. В конечном счете неурожай 1899 г. и вспышка тифа в 1900 г. привели к краху «Христианской республики». Судьба этой колонии была в общем типичной для подобного рода организаций в США XIX в. Вместе с тем, как отмечалось одним из ведущих идеологов американского социализма того времени М. Хилквитом, религиозные коммун существовали дольше светских [1, с. 114].

Радикальный вариант христианского социализма представил Джордж Хиррон. Будучи пастором конгрегационалистской церкви, он с 1890 г. начал активно обращаться к теме социальной справедливости в свете христианского

вероучения. На этом пути он снискал определенную известность: его выступления в различных городах США собирали множество слушателей – до нескольких тысяч человек. В 1893 г. Дж. Хиррон возглавил кафедру прикладного христианства в Гриннелском колледже (штат Айова), руководство которого разделяло веру в построение Царства Божьего на земле [6, с. 182].

Дж. Хиррон считал, что худшее обвинение, которое может быть выдвинуто против христианской церкви – это обвинение в поддержке существующего строя, основанного на эгоизме. В его понимании правильный общественный порядок совершенно иной, основанный на принципе человеческого самопожертвования, пример которого подал сам Иисус Христос. Для Дж. Хиррона основатель христианства – это революционер, являвшийся для своего времени тем, чем были в иные века Жанна д'Арк и Джузеппе Мадзини [7, с. 272]. Он, выступая за сохранение личной собственности, считал, что «общественное владение ресурсами и средствами производства есть единственный ответ на социальный вопрос» [8, с. 173]. Ради создания нового, справедливого общественного строя им допускалось политическое насилие – во имя блага будущих поколений. Революции, писал Дж. Хиррон, «даже в своих дичайших формах представляют собой Божественные импульсы...» [5, с. 193].

Подобный радикализм не пользовался широкой популярностью среди американского общества. Более того, произошедший в конечном итоге разрыв Дж. Хиррона с церковью стал для многих примером несовместимости христианства и социализма. Вместе с тем ему удалось привлечь значительные финансовые средства для организации в 1906 г. специальной школы социальных наук, которая находилась под патронажем набиравшей силы Социалистической партии Америки (СПА). Данная партия образовалась в 1901 г. и бросила вызов сложившейся в США двухпартийной системе. В ее программе открыто заявлялась следующая цель: «организовать рабочий класс и всех сочувствующих ему в политическую партию для завоевания политической власти, дабы при помощи последней преобразовать современную систему частной собственности на средства производства и распределения в коллективную собственность всего народа» [9, с. 279].

Как известно, на начало XX в. пришелся стремительный подъем СПА. Так, за 1900–1912 гг. число голосов, поданных за Юджина Дебса (1855–1926), являвшегося неоднократно кандидатом от этой партии на пост президента страны, увеличилось в 10 раз (около 90 тысяч в 1900 г. и до более 900 тысяч в 1912 г.). Десятки социалистов были избраны мэрами городов

(в основном мелких), более тысячи из них стали депутатами законодательных собраний различного уровня. В 1910 г. в Палату представителей Конгресса был избран первый социалист – Виктор Бергер, который в дальнейшем неоднократно переизбирался.

Рост популярности СПА стал для американского христианства своего рода вызовом, на который последовала крайне неоднозначная реакция. Если католическая церковь видела в социализме непосредственную угрозу религии и нравственности, то среди протестантов единства не было. Священники различных деноминаций, принадлежавшие к социальному евангелизму, занимали, как правило, умеренную позицию, стараясь по возможности не оттолкнуть от христианства людей, являвшихся сторонниками СПА. Более того, образовалась достаточно крупная группа протестантского духовенства и мирян, открыто поддерживавшая социализм. Так, среди читателей газеты «Христианский социалист», издававшейся с 1903 г. и носившей межденоминационный характер, насчитывалось до 2000 священников. В 1906 г. произошло основание «Христианско-социалистического братства» (ХСБ), которое организационно было непосредственно связано с СПА. Его целью провозглашалось следующее: «распространять в церквях, деноминациях и прочих религиозных учреждениях социальное учение Иисуса; показать, что социализм есть необходимое экономическое выражение христианской жизни; окончить классовую борьбу через установление индустриальной демократии; приблизить царство справедливости и братства на земле» [10, с. 5]. В глазах одного из руководителей партии Джона Спарго ХСБ было призвано в первую очередь вести пропаганду социалистических идей среди верующих [11, с. 19]. Однако и обратное влияние также имело место: христиане-социалисты усиливали умеренное, правое крыло в рамках самой СПА [12, с. 50].

Однако позиция, которую заняли деятели ХСБ, разделялась далеко не всеми деятелями американского христианства. Так, ведущий представитель социального евангелизма Уолтер Раушенбуш, открыто называя себя социалистом, не вступил в СПА, хотя его об этом неоднократно просили. Для него социализм представлялся общим идеалом, принципом, который нельзя было жестко связывать с какой-либо политической партией [13, с. 98–99]. В глазах многих противоречия между христианством и социализмом еще далеко не были изжиты. Для Дж. Райана, известного католического социального мыслителя, провозглашение на Чикагском съезде (1908) нейтралитета партии по религиозным вопросам было не более чем тактическим

ходом во имя интересов СПА [14, с. 216]. Его оппонент М. Хилквит утверждал, что социалисты выступают за свободу совести и не надеются на понимание своих целей и задач со стороны католической церкви. Вместе с тем он допускал следующее утверждение: «Социализм стремится заложить прочный экономический фундамент, только на котором возвышенные нравственные доктрины Назаретянина могут быть реализованы» [14, с. 158]. Они оба сходились во мнении, что положение рабочего класса в США оставляет желать много лучшего. Дж. Райан отмечал постепенное улучшение жизни трудящихся, которое, как он считал, вполне возможно ускорить через соответствующие государственные реформы. В свою очередь М. Хилквит выступал за создание социалистического государства без «промышленной войны и экономической эксплуатации» [14, с. 239]. Его оппонент не видел в этом необходимости и говорил о негативных последствиях государственного регулирования экономики при социализме. Дж. Райан особо остановился на обвинении католической церкви в защите капиталистического строя. Он подчеркнул, что церковь на протяжении столетий осуждала безответственное использование богатства, запрещала ссудный процент, а также выступила в защиту пролетариата, осудив его безжалостную эксплуатацию [14, с. 247]. С другой стороны, им указывалось, что церковь отрицает социализм в первую очередь из-за его отношения к религии и нравственности.

Именно католическая церковь наиболее последовательно выступала против социалистического движения. За 1901–1906 гг. почти каждый епископ или архиепископ данной конфессии выступил с публичным осуждением социализма как учения, которое противоречит христианским ценностям. Католическим священникам, связанным с СПА, приходилось делать тяжелый выбор. Так, к примеру, активная политическая деятельность Т. МакГрейди и Т. Хеггирти привела их к конфликту с церковью и лишению сана. Вместе с тем, несмотря на позицию священноначалия, немало католиков поддерживало СПА на выборах в начале XX в. Легендарную известность приобрела «Мать» Мерри Харрис Джонс (1837–1930), которая, как и Т. Хеггирти, принимала участие в основании радикальной профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» [15, с. 214]. Она резко критиковала католическую церковь за ее умеренную позицию по социальным вопросам и видела в христианстве революционную, освободительную силу.

Наибольшего влияния христианский социализм в США достиг между 1906 и 1912 гг. – и с этим влиянием приходилось считаться. Даже

католический автор Дж. Райан призывал отделить экономическую сторону социалистической программы от связанного с ним философского материализма [16, с. 170]. Благодаря деятельности В. Раушенбуша и ряда других авторов некоторые идеи, ассоциировавшиеся с социализмом, стали частью социального евангелизма в США. Так, в книге «Социальное кредо церквей» (1912) среди рекомендуемой литературы встречается как «Капитал» К. Маркса, так и «Новая энциклопедия социальной реформы» В. Бласса [17, с. 13, 66].

Заключение. В дальнейшем организационные неурядицы не позволили как ХСБ, так и СПА наращивать свое влияние в условиях постепенного изменения общественных настроений в ходе Первой мировой войны. Вместе с тем развитие христианско-социалистических идей стало значимой вехой в истории американского протестантизма.

Ведущие конфессии США своевременно отреагировали на вызов, брошенный стремительной индустриализацией страны. Активная деятельность проповедников социального христианства (в том числе и его левого крыла) способствовала осуществлению реформ, направленных на улучшение положения наиболее обездоленных слоев населения. Так, значительные успехи были достигнуты в ограничении или запрещении детского труда, а также создании особых условий для женщин-работниц. К 1916 г. около трех четвертей штатов утвердили законы, вводящие страхование от несчастных случаев. Положение рабочих также в целом несколько улучшилось: наряду с небольшим ростом реальной заработной платы наблюдалось снижение продолжительности рабочей недели. Именно в то время в США были также предприняты первые шаги по направлению к государственному регулированию экономического развития и смягчению общественных противоречий.

Литература

1. Хилквит М. История социализма в Соединенных Штатах / пер. с посл. изд. Д. Вайса; под ред. Е. Смирнова. СПб.: Вольная Типография, 1907. 284 с.
2. Кудрявцев О. Ф. Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского Средневековья (до Фомы Аквинского) // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения / редкол.: Голубцова Е. С. [и др.]. М.: Наука, 1988. С. 76–86.
3. Declaration of Principles of the Society of Christian Socialists // The New Encyclopedia of Social Reform / ed. by W. D. P. Bliss, R. M. Binder. New York: Funk and Wagnalls Company, 1908. P. 203.
4. Bliss W. D. P. What is Christian Socialism? Boston: Society of Christian Socialists, 1890. 48 p.
5. Dombrowski J. The Early Days of Christian Socialism in America. New York: Octagon Books, Inc., 1966. 208 p.
6. The Social and Political Thought of American Progressivism / ed., with an Introduction, by E. J. Eisenach. Indianapolis/Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc., 2006. 352 p.
7. Herron G. Between Caesar and Jesus // Major Problems in American Religious History: Documents and Essays / ed. by P. Allitt. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2000. P. 272–273.
8. White R. C., Hopkins, C. H. The Social Gospel: Religion and Reform in Changing America. Philadelphia: Temple University Press, 1976. 326 p.
9. Хилквит М. Программа Социалистической партии // История социализма в Соединенных Штатах / М. Хилквит. СПб.: Вольная Типография, 1907. С. 279–281.
10. Constitution of the Christian Socialist Fellowship // The Christian Socialist. 1908. Vol. 5. No. 13 (July 1). P. 5.
11. Spargo J. Christian Socialism in America // The American Journal of Sociology. 1909. Vol. 15. No. 1. P. 16–20.
12. Handy R. T. Christianity and Socialism in America, 1900–1920 // Church History. 1952. Vol. 21. No. 1. P. 39–54.
13. Dorn J. H. The Social Gospel and Socialism: A Comparison of the Thought of Francis Greenwood Peabody, Washington Gladden, and Walter Rauschenbusch // Church History. 1993. Vol. 62. No. 1. P. 82–100.
14. Hillquit M., Ryan, J. A. Socialism: Promise or Menace? New York: The Macmillan Company, 1914. 304 p.
15. Hennesey J. American Catholics: A History of the Roman Catholic Community in the United States. Oxford etc.: Oxford University Press, 1981. 416 p.
16. Abell A. I. American Catholicism and Social Action: A Search for Social Justice 1865–1950. Garden City, New York: Hanover House, 1960. 318 p.
17. Social Creed of the Churches / ed. by H. F. Ward. New York: Eaton & Mains, 1912. 185 p.

References

1. Khilkvit M. *Istoriya sotsializma v Soyedinennykh Shtatah* [History of socialism in the United States]. St. Petersburg, Freestyle Typography Publ., 1907. 284 p.
2. Kudryavtsev O. F. Property as a moral and legal problem in the ideology of the Christian Middle Ages. *Kul'tura i obshchestvennaya mysl'. Antichnost'. Sredniye veka. Epokha Vozrozhdeniya* [Culture and social thought. Antiquity. Middle Ages. Renaissance]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Pp. 76–86 (In Russian).
3. Declaration of Principles of the Society of Christian Socialists. *The New Encyclopedia of Social Reform*. Ed. by W. D. P. Bliss and R. M. Binder. New York, Funk and Wagnalls Company, 1908. 203 p.
4. Bliss W. D. P. What is Christian Socialism? Boston, Society of Christian Socialists, 1890. 48 p.
5. Dombrowski J. The Early Days of Christian Socialism in America. New York, Octagon Books, Inc., 1966. 208 p.
6. The Social and Political Thought of American Progressivism. Ed., with an Introduction, by E. J. Eisenach. Indianapolis/Cambridge, Hackett Publishing Company, Inc., 2006. 352 p.
7. Herron G. Between Caesar and Jesus. *Major Problems in American Religious History: Documents and Essays*. Ed. by P. Allitt. Boston, New York, Houghton Mifflin Company, 2000. P. 272–273.
8. White R. C., Hopkins C. H. The Social Gospel: Religion and Reform in Changing America. Philadelphia, Temple University Press, 1976. 326 p.
9. Khilkvit M. Program of the Socialist Party. *Istoriya sotsializma v Soyedinennykh Shtatah* [History of Socialism in the United States]. St.-Petersburg, Freestyle Printing Publ., 1907. Pp. 279–281 (In Russian).
10. Constitution of the Christian Socialist Fellowship. *The Christian Socialist*, 1908, vol. 5, no. 13 (July 1), p. 5.
11. Spargo J. Christian Socialism in America. *The American Journal of Sociology*, 1909, vol. 15, no. 1, pp. 16–20.
12. Handy R. T. Christianity and Socialism in America, 1900–1920. *Church History*, 1952, vol. 21, no. 1, pp. 39–54.
13. Dorn J. H. The Social Gospel and Socialism: A Comparison of the Thought of Francis Greenwood Peabody, Washington Gladden, and Walter Rauschenbusch. *Church History*, 1993, vol. 62, no. 1, pp. 82–100.
14. Hillquit M., Ryan J. A. Socialism: Promise or Menace? New York, The Macmillan Company, 1914. 304 p.
15. Hennesey J. American Catholics: A History of the Roman Catholic Community in the United States. Oxford etc., Oxford University Press, 1981. 416 p.
16. Abell A. I. American Catholicism and Social Action: A Search for Social Justice 1865–1950. Garden City, New York, Hanover House, 1960. 318 p.
17. Social Creed of the Churches. Ed. by H. F. Ward. New York, Eaton & Mains, 1912. 185 p.

Информация об авторе

Космач Павел Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: hist2014@yandex.by

Information about the author

Kosmach Pavel Gennadievich – PhD (History), Associate Professor, the Department of Modern and Contemporary History. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: hist2014@yandex.by

Поступила 14.03.2019

УДК 94(476)''1917''

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 Г. НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ

В статье характеризуется состояние ведущих отраслей экономики Беларуси в начале 1917 г. Автором раскрывается влияние Февральской и Октябрьской революций на развитие сельского хозяйства и промышленности Беларуси. Обращено внимание на взаимосвязь этого процесса с реалиями военного времени. Рассматриваются перспективы интенсификации сельского хозяйства и промышленности после свержения самодержавия. Показаны направления политики Временного правительства в сфере экономики, а также их последствия для Беларуси. Отмечены попытки партии большевиков после прихода к власти осуществить свою экономическую программу, а также их результаты. Указано место действующей армии в системе потребления сельскохозяйственной и промышленной продукции Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь, Западный фронт, Временное правительство, сельское хозяйство, продовольствие, фураж, промышленность.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

1917 REVOLUTIONARY EVENTS' EFFECT ON DEVELOPMENT OF BELARUS' AGRICULTURE AND INDUSTRY

The article reviews the state of key industries of Belarus' economy at the beginning of 1917. The author describes the February and October revolutions' impact on the development of agriculture and industry of Belarus. The interconnection of this process and the war-time realities is highlighted. The paper examines the prospects of industrial and agricultural intensification after the downfall of autocracy. The Provisional Government's policies in the field of economy are shown, as well as their consequences for Belarus. The author also notes Bolsheviks' attempts to carry out their economic program after coming to power and comments on their results. In addition, the active army's role in the system of consuming Belarus-made agricultural and industrial products is defined.

Key words: Belarus, Western front, Provisional government, agriculture, food, feed-stuff, industry.

Введение. В отечественной историографии российских революций 1917 г. традиционно доминирует их политическая составляющая [1–4]. Отраженные в них экономические аспекты играют фоновую роль и не являются равноценным объектом исследования. В частности, направления и результаты государственной деятельности в сфере сельского хозяйства и промышленности Беларуси в указанное время остаются в значительной степени не изученными. Между тем, их внимательное рассмотрение позволяет точнее определить адекватность политических решений тогдашним реалиям.

Основная часть. Известно, что к началу 1917 г. по причине продолжавшейся войны экономика Российской империи испытывала значительные трудности. В еще более неблагоприятных условиях оказались белорусские губернии империи, свободные от германской оккупации. Составлявшее их экономическую основу сельское хозяйство ощущало нехватку рабочих рук, особенно в сфере растениеводства. По этой же причине существенно, на 15–17%, сократились посевные площади. Соответственно, уменьшилось

количество производимого хлеба, что в значительной степени усиливало зависимость местного, особенно городского, населения от централизованного снабжения продовольствием. Несмотря на обязательность мобилизации лошадей и поставок мяса на фронт, поголовье живности в помещичьих и крестьянских хозяйствах отвечало местным потребностям.

Департамент земледелия продолжал начатую П. Столыпиным аграрную программу, в том числе рассчитанную на подъем сельского хозяйства. Даже здесь, вблизи линии фронта, оказывалась помощь крестьянам, которые переходили к новым формам хозяйствования и новым технологиям земледелия, а также создавались прокатные и зерноочистительные станции, случные пункты, пропагандировались сельскохозяйственные знания и т. д. В результате в крестьянских хозяйствах обозначилась тенденция к переходу к многопольному севообороту, использованию современных орудий труда, приобретению породистых животных, применению искусственных удобрений и т. д. В целом, во многом благодаря государственной

заботе, умелому выполнению своих функций командующими Западным и Северным фронтами, начальниками Двинского и Минского военных округов, губернаторами Витебской, Минской и Могилевской губерний, сельское хозяйство Беларуси не только обеспечивало действующую армию и местное население продовольствием и фуражом, но и имело известную возможность к дальнейшему развитию.

Начатая осенью-зимой 1916 г. Министерством земледелия подготовка к хлебной монополии и проведенная заготовка запасов зерна местного урожая дала возможность решить возникшую продовольственную проблему.

К началу 1917 г. промышленность Беларуси также ощущала воздействие военного времени и прежде всего зависела от востребованности ее продукции армией. В этой связи наибольшая часть рабочего класса была занята в деревообрабатывающей, кожевенной и строительной промышленности. Большое количество производственных мощностей, а также людских ресурсов Беларуси было эвакуировано вглубь империи, что сдерживало рост производства и выпуск продукции. По-прежнему значительная ее доля приходилась на ремесленников и кустарей, работавших на заказ, в том числе и для нужд фронта. В целом роль государства в развитии местной промышленности была незначительной. По сути, основные функции в этом отношении выполняли западно-фронтовые комитеты всероссийских земского (ВЗС), городского (ВСГ) союзов и предприятия Военно-промышленного комитета.

Возникшие за годы войны экономические трудности в стране (инфляция, рост цен на товары первой необходимости, нехватка продуктов и пр.) проявлялись и в Беларуси, но они не создавали социальной напряженности, подобно той, что назрела в Петрограде.

Февральская революция 1917 г., которая победила в России, имела преимущественно политический характер и поначалу не задевала экономических основ государства, базировавшихся на частной собственности и капиталистическом способе производства. Сельское хозяйство и промышленность также не претерпели структурных, качественных и иных показателей. Новое, Временное правительство, в первую очередь озабоченное продолжавшейся войной, стремилось минимизировать последствия революции на экономическую сферу жизнедеятельности российского общества до созыва Учредительного собрания. В частности, даже после замены полиции милицией, отставки губернаторов и их заместителей, назначения правительственных комиссаров, демократизации органов самоуправления и т. д. некоторое время хозяйственная жизнь в стране протекала в прежнем

русле: продолжалась хуторизация деревни, обрела силу закона «хлебная монополия», сохранялись реквизиции, подводная и трудовая повинность и др. Фронт оставался не только потребителем сельхозпродукции, но и поставщиком рабочей силы для уборки урожая, ремонта техники и др. Продолжали бесперебойную работу агрономические, ветеринарные, статистические службы.

С первых дней революции Временное правительство и большая часть общества выказали приверженность лозунгу победного завершения войны и внесли вклад в укрепление тыла. Опасаясь подрыва существовавшей системы обеспечения фронтовиков продовольствием и фуражом, служащие земств, совместно с сельской интеллигенцией и при поддержке военнослужащих, до конца марта 1917 г. пресекли начавшиеся крестьянские при участии солдат грабежи помещичьего имущества [5, с. 5].

Общими усилиями правительства и общественности удалось убедить крестьян в необходимости сохранения помещичьего землевладения до проведения аграрной реформы Учредительным собранием. Следует иметь в виду то обстоятельство, что после свержения самодержавия, считавшегося в России основным препятствием на пути к прогрессу, возникли реальные предпосылки устранения экономических трудностей.

Временное правительство стремилось сочетать аграрное движение с государственными интересами, чему должны были способствовать его постановления о продовольственных комитетах, «хлебной монополии», охране посевов и избрании земельных комитетов. Осуществляемые совместно, они нацеливались на рациональное использование земельных угодий вне зависимости от их принадлежности, на устранение нехватки продовольствия, а также подготовку к аграрной реформе. По-прежнему местными властями совместно с военными уделялось большое внимание рачительному использованию трудовых ресурсов и орудий труда, содержанию поголовья породистых животных, совершенствованию реквизиций продовольствия и фуража у местного населения.

Однако по мере нарастания между разными социальными слоями политической борьбы государственные интересы стали уступать место классовым и корпоративным. Стараниями левых партий, главным образом эсеров, продовольственные и особенно земельные комитеты сделались орудием борьбы против помещиков в ущерб решению общегосударственных задач. Так, по мере созревания хлебов и трав помещичьи хозяйства становились объектом обогащения части крестьян, которые, пользуясь дефицитом

у хозяев рабочей силы, навязывали им свои расценки аренды угодий, сбора урожая и т. д. Нередко для пущей сговорчивости помещиков крестьяне прогоняли с их полей работавших там батраков или военнопленных.

Неосознанно новая власть в лице Временного правительства подрывала доверие владельцев хлебных, фуражных и других продуктов к установленным ей же «твердым ценам», а через них – и к самой хлебной монополии. Министры земледелия, продовольствия, финансов и др., вопреки массовым требованиям крестьян, не сочли возможным применить систему «твердых цен» по отношению к промышленным товарам. Как и повсюду, в Беларуси важнейшим из результатов недальновидной политики Временного правительства стало сокращение крестьянских поставок сельхозпродуктов армии и городу вплоть до полного их прекращения в октябре 1917 г. Ожидая очередного подъема твердых цен, крестьяне воздерживались от выполнения контрактов с воинскими частями, продавали продукты своего труда спекулянтам либо пускали их на производство самогона. Ко времени предвыборной кампании в Учредительное собрание участились случаи захватов крестьянами помещичьего имущества под руководством земельных и продовольственных комитетов.

В отличие от помещиков, владельцы промышленных предприятий открыто не проявляли опасений за свою собственность. Февральская революция не отразилась на структуре промышленности, ее количественных и качественных показателях. С падением военно-полицейского режима рабочие получили возможность стачечной борьбы, но прибегали к ней редко, добиваясь желаемого через примирительные камеры. Местные ремесленники и кустари традиционно ориентировались на запросы местного населения, а также выполняли военные заказы. По-прежнему труд рабочих был востребован, поэтому безработицы в городах не наблюдалось. Со времени войны промышленное производство в Беларуси было обусловлено главным образом потребностями фронта в обуви, кожаных изделиях, санитарных повозках, санях, пиломатериалах, проволоке, брезенте, писчей бумаге и другой продукции.

В целом последствия революции для промышленности Беларуси по сравнению с сельским хозяйством были менее заметны, а ее (промышленности) перспективы, впрочем, как и всей экономики страны, во многом зависели от решений долгожданного Учредительного собрания. Но накануне его выборов, 25 октября 1917 г. в Петрограде произошел переворот, организованный партией большевиков, хотя никаких экономических предпосылок к нему не наблюдалось.

Тем не менее восставшие захватили банки и заявили о переходе предприятий под контроль трудящихся. Уже на следующий день, 26 октября на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (РиСД) был утвержден предложенный В. Лениным декрет о земле, где, помимо прочего, говорилось о переходе помещичьей, удельной, монастырской, церковной собственности (земли, имения, инвентарь) к волостным земельным комитетам и уездным Советам крестьянских депутатов (КД) [6, с. 14].

Характерно, что представителей последних на съезде не было. Советы КД были объединены с рабоче-солдатскими и утратили статус самостоятельных общественно-политических организаций. Из других учреждений, прежде защищавших крестьянские интересы, оставались земельные комитеты. Не признавшие ленинское правительство легитимным, эсеровские Советы и земельные комитеты стали в оппозицию к большевикам и еще больше усложнили политический кризис в стране. Соответственно, осуществление декрета о земле затянулось на неопределенное время. Аналогичная ситуация сложилась и в Беларуси. Так, 8 ноября земская управа распространила по Минской губернии «Циркулярное обращение к крестьянам», где вопреки декрету о земле земельные комитеты и крестьянские Советы призывались воздержаться от преждевременного, до установления «принятой всем народом единой власти», распоряжения частновладельческими землями, инвентарем и т. д. [7, л. 46–47].

Со своей стороны, 19 ноября большевики, созвав II съезд Советов Западной области, потребовали немедленной реализации декрета, в частности, путем передачи имений земельным комитетам, но состоящим из представителей беднейшего крестьянства [6, с. 239]. Как сообщалось в «Информационном листке» от 30 января 1918 г., в Витебской губернии земельные комитеты в волостях были вообще уничтожены, а вместо них организованы Советы крестьянских депутатов [6, с. 860].

5–6 ноября участниками демократического съезда в Могилеве была принята резолюция о переходе всех земель в ведение земельных комитетов под наблюдением уездного Совета КД [8, л. 116]. Один из вопросов, рекомендованных 15 ноября Могилевским губернским земельным комитетом для обсуждения на местах, касался «подготовки необходимого персонала из рядовых крестьян и из среды крестьянской интеллигенции опытных инструкторов-руководителей и рабочих по ведению сельского хозяйства» [9, л. 1].

21 ноября 1917 г. из Могилева под грифом «Секретно. Циркулярно. Весьма спешно» на

адрес волостных земельных комитетов, земств и крестьянских Советов было направлено предписание губернской управы избрать комиссии с участием владельцев и приступить к инвентарной описи всех имений. «Настал момент нашей трудной работы, – говорилось в документе, – которую мы должны трезво провести в жизнь и спасти для себя же народное достояние» [9, л. 81].

26 ноября эсеровский Могилевский губернский земельный комитет издал постановление о переходе всех земель в ведение земельных комитетов до окончательного решения земельного вопроса Учредительным собранием. 28 ноября новая губернская власть в лице Могилевского ВРК продублировала это постановление, предписав всем земельным комитетам губернии «немедленно взять в свое ведение все помещичьи имения с живым и мертвым инвентарем, согласно декрету о земле народных комиссаров» [9, л. 57]. Однако иногда учитывать было уже нечего. Так, в Городищенской волости Быховского уезда одна из комиссий попыталась составить опись имущества помещиц Саульской и Омелянской, но крестьяне села Малые Белевичи Городищенской волости воспротивились ее работе и до 30 ноября разграбили все имение. Захваченный хлеб обмолотили и отвезли по своим домам [9, л. 79]. Удалось вернуть далеко не все. Так, 18 декабря Быховский ВРК предписал уездной управе «принять меры против разграбления народного имущества» и с помощью 4 матросов заставить крестьян вернуть обратно украденный в имениях инвентарь [9, л. 23].

В целом же по мере установления Советской власти в деревне большевикам пришлось столкнуться с результатами своей же агитации и пропаганды в аграрном вопросе. Дело в том, что после Октябрьского переворота отдельные случаи открытого хищения крестьянами помещичьего имущества вылились в погромное движение совместно или во главе с бежавшими с фронта либо демобилизованными солдатами. К примеру, в Городокском уезде погромы были спровоцированы постановлением уездного ВРК о взятии имений на учет. В результате солдаты «учли», т. е. разграбили имения во всех 21 волостях. Как явствовало из сводки, вскоре грабежи стали грозить и крестьянским хозяйствам [10, л. 62]. В конце ноября «стихийная волна разрушения» перекинулась на Витебский уезд [11, л. 64].

Большевицкая власть пробовала разными средствами пересечь разграбление помещичьей и государственной собственности. Причинами неурядиц называли бездействие земельных комитетов в проведении земельной реформы, неполноту власти Советов и др. Кое-где этот процесс удавалось привести в организованное русло. Как писал большевик П. С. Андреев, в Борисовский

уезд «в имение великого князя Николая Николаевича были посланы наши представители, которые оказывали на месте помощь бедноте, организовано распределяя скот и инвентарь» [12, л. 179].

В то же время 29 ноября жители деревни Холпейское Сельцо Ново-Быховской волости прибыли в имение Славянка, «разгромили весь живой и мертвый инвентарь и все разграбили, а что не унесли, то поломали» [9, л. 3].

Апогей погромного движения совпал с развалом русской армии. По воспоминаниям крестьянина Уваровичской волости Гомельского уезда П. М. Юркова, «когда приехали солдаты с фронта домой в деревню и объявили программу и лозунги большевистской партии, ... все крестьяне, за исключением зажиточных, пошли с винтовками в руках грабить помещиков, уничтожая и ломая все, что встречалось на пути. После этого грабежа от помещичьих поместий остались голые стены» [13, с. 140].

Следует отметить, что осуществлению декрета значительно препятствовали части 1-го Польского корпуса, разбросанные по Беларуси и принимавшие под защиту поместья своих соотечественников. Так, 29 ноября легионеры не допустили комиссию Глухской волостной управы к «приему имений» Баркулабово, Дашковка, Радча, Городок и «целиком забрали весь скот». Они же в середине декабря «самовольно забрали 600 пудов овса» (из 1000) в имении Сорочин, применив насилие к милиционеру [9, л. 80].

Таким образом, к началу 1918 г. последствия провозглашения декрета о земле проявили себя в массовом расхищении и уничтожении материальных ценностей, принадлежавших помещикам и иным владельцам. Организованный и стихийный развал фронта, помимо прочего, привел к массовому падежу армейских лошадей. В свое время большевики постоянно призывали к немедленному изъятию помещичьих земель, а издав соответствующий декрет, не смогли его осуществить даже в интересах крестьянства. В результате их действия и бездействия состояние и перспективы сельского хозяйства не могло не вызывать тревоги у всех слоев местного населения.

Рабочий класс Беларуси в лице своих партий, Советов и профсоюзов не поддержал Октябрьского переворота и связывал решение политических и экономических проблем главным образом с Учредительным собранием. Законодательное оформление 8-часового рабочего дня было фактическим закреплением этого завоевания Февральской революции. Принципиально новое, что попыталось совершить большевицкое правительство, связывалось с введением на предприятиях рабочего контроля над производством

и распределением [6, с. 178–180]. Данный документ от 14 ноября почти не отразился на настроениях рабочих. 30 ноября с призывом к его реализации выступила газета «Звезда». Но рабочие не проявили заинтересованности в его немедленном осуществлении.

В декабре в Витебске на собрании общественности проект большевистского представителя о рабочем контроле был назван демагогическим и даже не был заслушан [14]. Центральное бюро профсоюзов (ЦБПС) продолжительное время находилось в активной оппозиции к большевистской власти. С течением времени большевики создали альтернативный ему Совет фабрично-заводских комитетов с участием представителей фабрики «Двина», игольного и кирпичных заводов, водопровода, механических прачечных и др. [6, с. 876].

Комиссариат труда СНК Западной области и фронта постоянно обращался к рабочим организациям с призывом присылать своих представителей [6, с. 497]. Откликнулись лишь те из них, которые доселе находились на периферии политической жизни – поалеиционисты, социалисты-сионисты и др.

С течением времени отделы труда были созданы в большинстве Советов – от областного и губернских до волостных [6, с. 702–703, 775, 798, 814]. Ко времени разгона городских самоуправлений свои отделы труда существовали и при них.

В результате в рабочем движении некоторое время сохранялось известное двоевластие. Естественно, что каждая из сторон стремилась выставить себя единственным защитником рабочего класса. Были, правда, случаи, когда органы власти пытались создать совместные с профсоюзами учреждения для решения общих задач. Так, до 22 декабря Комиссариат труда разработал проект декрета об учреждении при Областном и уездных комиссариатах труда совместных трибуналов для решения споров между предпринимателями и рабочими [6, с. 622–623]. Но с практической точки зрения для ЦБПС в нем (проекте) не было особой нужды, поскольку большинство спорных вопросов решалось в существовавших еще с весны 1917 г. примирительных камерах, подчиненных профсоюзам.

Осуществленная большевиками национализация банков заставила предпринимателей сворачивать производство. Постановление Витебского губернского Совета о национализации недвижимости привело к прекращению домостроения, а это, как отмечалось на февральском заседании Совета ФЗК, обрекает «рабочую массу кирпичных заводов на голодную смерть» [6, с. 877].

Теряли средства к существованию печатники газет, закрытых большевиками, а также

работники закрытых за непризнание советской власти учреждений по обслуживанию фронта. В их числе оказался и Западнофронтный комитет ВЗС. 17 декабря на заседании СНК Западной области было постановлено признать «деятельность ВЗС на Западном фронте прерванной», а всю собственность передать в исключительное распоряжение СНК [6, с. 573].

16 января 1918 г. Витебский губернский Совет, кроме прочего, постановил: «Военно-промышленный комитет как организацию, которая способствует усилению спекулятивных целей капиталистов, а не защищает интересы трудящегося населения, распустить» [6, с. 785].

Итак, по причине закрытия оборонных предприятий, сокращения многочисленных учреждений (ВЗС, ВСГ, ВПК), а также вследствие начавшейся демобилизации армии рынок рабочей силы значительно возрос. Одновременно из-за уменьшения военных заказов, недостатка сырья и т. д. ухудшилась занятость кадровых рабочих. В конце ноября в Минске в ЦБПС поступали сведения о возрастающей безработице в связи с сокращением производства в некоторых отраслях работы и возвращением солдат с фронта. По этой причине 14 января Гомельский Совет решил «объявить возможно шире о том, что в Гомеле началась сильная безработица и приезжим на получение работ рассчитывать не приходится». Такая же ситуация сложилась в Могилеве и других городах Беларуси [6, с. 777–778, 851, 877]. В этой связи во властных и профсоюзных кругах актуализировался вопрос об открытии общественных столовых. Его решению способствовали национализированные финансы, помещичьи имения, а также конфискованные запасы продовольствия. Но в условиях начавшейся гражданской войны большевики были не в состоянии решать продовольственную, как и иные хозяйственные проблемы, без опоры на насилие.

Заключение. В результате революционных событий 1917 г. в Беларуси ее ведущие отрасли экономики претерпели значительные количественные и качественные изменения в сторону ухудшения. Если продовольственно-фуражный потенциал сельского хозяйства в послефевральский период еще был в состоянии удовлетворить известные потребности армии и местного населения, то после Октябрьского переворота основная масса сельхозпродуктов осталась у крестьянства, не пожелавшего поставлять их ни армии, ни городу. К этому же времени большое количество имений с живым и мертвым инвентарем, собранным урожаем и иными ценностями были разграблены и лишены возможности возобновить сельскохозяйственное производство. Уцелевшие от погромов хлебные магазины были

национализированы Советской властью, а экономии перешли в пользование батраков. Крестьяне в своей массе так и не получили вождельной помещичьей собственности, кроме той, что удалось захватить во время ее грабежа. Причем по большевистским меркам часть крестьян как мелких собственников стала представлять собой враждебную Советской власти силу. В отличие от царского и Временного правительства, уделявших значительное внимание сельскому хозяйству в государственных и общественных интересах, большевики рассматривали его преимущественно как средство удержания власти.

Влияние революционных событий Февраля на промышленность Беларуси было менее заметным, нежели чем на сельское хозяйство. Причинами того были ее слабая зависимость от потребностей фронта и местного рынка. Демократизация общественной жизни несколько улучшила положение трудящихся, но не повлияла на появление новых рабочих мест. В отличие от крестьян, рабочий класс четче представлял себе пути общественного развития страны и

полностью поддерживал политику Временного правительства. Октябрьский переворот в Беларуси в целом ухудшил положение промышленности и ее рабочего класса. Развал армии, помимо прочего, прекратил поступление военных заказов, а вместе с тем резко сократил занятость рабочих мест. Репрессивная политика большевиков в отношении враждебного им руководства организаций по обслуживанию фронта привела к прекращению деятельности многотысячных предприятий ВЗС, ВСГ, ВПК и др. С другой стороны, объявленная Советской властью национализация предприятий не вызвала у трудящихся должного интереса и также не стимулировала подъема производства. Наконец, из-за недалекой внутренней и внешней политики большевиков впервые за долгие годы войны в городах возникла безработица, усиленная продовольственным кризисом. Отчасти поглотить излишек трудовых ресурсов могло сельское хозяйство, но и оно, как отмечалось выше, претерпевало трудности как объективного, так и большей частью субъективного характера.

Литература

1. Фих Б. М. Аграрная революция в Белоруссии (1917–1920 гг.). Минск: Вышэйшая школа, 1966. 414 с.
2. История рабочего класса Белорусской ССР. В 4 т. Т. 2. Рабочий класс БССР в годы Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма (1917–1937) / под ред. М. П. Костюка [и др.]. Минск: Наука и техника, 1985. 488 с.
3. Эканамічная гісторыя Беларусі: курс лекцый / В. І. Галубовіч [і інш.]; пад агул. рэд. В. І. Галубовіча. Мінск: Экаперспектыва, 1993. 288 с.
4. Петриков П. Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е – начало 2000-х годов). Минск: Беларуская навука, 2007. 292 с.
5. Крестьянское движение в 1917 г. / под ред. М. Н. Покровского, Я. А. Яковлева. М.; Л.: Госиздат, 1927. 442 с.
6. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: док. и материалы. Победа социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. – март 1918 г.): в 2 т. Минск: Госиздат БССР, 1957. Т. 2. 1096 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 243.
8. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 168.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2679. Оп. 1. Ед. хр. 9.
10. НАРБ. Ф. 628. Оп. 1. Ед. хр. 3.
11. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 148.
12. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 268.
13. 1917 год в деревне. М.: Госиздат, 1929. 360 с.
14. Известия Витебского революционного совета. 1917. 9 дек.

References

1. Fikh B. M. *Agrarnaya revolyutsiya v Belorusii (1917–1920 gg.)* [Agrarian revolution in Belorussia (1917–1920)]. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 1966. 414 p.
2. *Istoriya rabocheho klassa Belorysskoi SSR. V 4 t. T. 2. Rabochii klass BSSR v gody Velikoy Oktyabrskoy socialisticheskoy revolutsii i postroeniya socializma (1917–1937)* [History of the working class of the Belarusian SSR. In 4 vol. Vol. 2. The working class of the BSSR during the great October socialist revolution and the construction of socialism (1917–1937)]. Ed. by M. P. Kostuk [et al.]. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1985. 488 p.
3. *Ekanamichnaya gistorya Belarusi: kurs lektsiy* [Economic history of Belarus. Course of lectures]. Ed. by V. I. Galubovich [et al.]. Minsk, Ecaperspektiva Publ., 1993. 288 p.

4. Petrikov P. T. *Ocherki noveyshey istoriografii Belarusi (1990-e – nachalo 2000-kh godov)* [Essays of modern historiography history of Belarus (1990s – early 2000s)]. Minsk, Belaruskaya nauka Publ., 2007. 292 p.

5. *Krest'yanskoye dvizheniye v 1917 g.* [Peasant movement in 1917]. Ed. by M. N. Pokrovskiy, Y. A. Yakovleva. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1927. 442 p.

6. *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Belorussii: dok. i materialy. Pobeda sotsialisticheskoy revolyutsii i uprocheniye Sovetskoy vlasti v Belorussii (oktyabr' 1917 g. – mart 1918 g.)* [The great October socialist revolution in Belarus: doc. and materials. The victory of the socialist revolution and the consolidation of Soviet power in Belarus (October 1917 – March 1918)]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1957. Vol. II. 1096 p.

7. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I. 3. F. 243.

8. NARB. Fund 60. I. 3. F. 168.

9. National Historical Archives of Belarus. Fund 2679. I. 1. F. 9.

10. NARB. Fund 628. I. 1. F. 3.

11. NARB. Fund 60. I. 3. F. 148.

12. NARB. Fund 60. I. 3. F. 268.

13. *1917 god v derevne* [1917 in the village]. Moscow, Gosizdat Publ., 1929. 360 p.

14. *Izvestiya Vitebskogo revolyucionnogo soveta* [News of the Vitebsk revolutionary Soviet], 1917, December, 9.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 28.10.2019

УДК 323.1(474.5)(=161.3)«1918/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АСНОЎНЫЯ КІРУНКІ ДЗЕЙНАСЦІ
БЕЛАРУСКАЙ ДЫЯСПАРЫ Ў ЛІТВЕ (1918–1939 ГГ.)**

У артыкуле разглядаюцца адукацыйныя, дабрачынныя, культурныя, палітычныя праекты беларускай дыяспары ў Літве як асноўныя кірункі дзейнасці нацыянальнай супольнасці. Аўтар у дэталю апісвае характарыстыкі культурных і адукацыйных цэнтраў у Літве ў міжваенны перыяд, сярод якіх «Беларуская хатка», Беларускі дзіцячы садок, Беларускі народны тэатр. Асаблівае значэнне нададзена Беларускаму Цэнтру ў Коўна як асноўнаму выдавецкаму цэнтру беларусаў замежжа. Аўтар падрабязна разглядае ролю Беларускага культурна-асветніцкага таварыства для сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі беларусаў. У даследаванні апісана дзейнасць беларускай студэнцкай арганізацыі Універсітэта Вітаўта Вялікага. Прааналізаваны праблемы працы Беларускага таварыства Чырвонага Крыжа. Значная ўвага надаецца Беларускаму народнаму ўніверсітэту як праграме дадатковай адукацыі дарослых. Аўтар прыходзіць да высноў, што беларусы Літвы вылучаліся сваім высокім узроўнем грамадскай актыўнасці. На аснове сучасных навуковых даследаванняў можна сцвярджаць, што дзейнасць адукацыйных, культурных і грамадскіх арганізацый дыяспары была важным механізмам для развіцця нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў замежжа.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара, беларуская эміграцыя, Літва, студэнцкая арганізацыя, адукацыя, культурны праект.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**THE MAIN SPHERES OF ACTIVITY
OF THE BELARUSIAN DIASPORA IN LITHUANIA (1918–1939)**

The article is dedicated to the educational, charitable, cultural and political projects of the Belarusian diaspora in Lithuania as the main spheres of the activity of the national community. The author in details describes the characteristic of the cultural and educational centers in Lithuania during the inter-war period, such as “Belarusian hut”, Belarusian Kindergarden, Belarusian Folk Theater. Special emphasis is made on the Belarusian Centre in Kaunas as the main publishing centre of the Belarusians abroad. The author in details describes the role of Belarusian cultural and education association for the social and psychological adaptation of the Belarusians. The Belarusian student’s organization of the University of Vytautas Magnus in Kaunas are described in the research. The article is dedicated to the problems of Belarusian Red Cross. It pays the special attention to Belarusian People’s University as the adult supplementary education program. The author comes to the conclusion about the high level of the public activity of the Belarusians in Lithuania. According to the contemporary researches, the educational, cultural and public organizations of the diaspora were the main mechanism for the development of the national identity among the Belarusians abroad.

Key words: Belarusian diaspora, Belarusian emigration, Lithuania, student’s organization, education, cultural project.

Уводзіны. Гісторыя беларускай дыяспары ў Літве неразрыўна звязаная з працэсамі станаўлення дзяржаўнасці і гісторыяй дамінуючага этнасу. Пасля абвясчэння незалежнасці Літвы прэзідэнт А. Сметона і яго ўрад імкнуліся на міжнародным узроўні дабіцца прызнання суверэнітэту. У 1921 г. заходнія краіны яшчэ не гарантавалі прызнанне Літвы de jure, аднак у выніку сур’ёзнай дыпламатычнай работы літоўская дзяржаўнасць была падтрымана Ватыканам, ЗША, Іспаніяй, Галандзіяй і інш. 20 снежня 1922 г. Літву прызналі 4 краіны Антанты (Францыя, Англія, Італія, Японія) [1, с. 161]. Літоўская дзяржава стала паўнапраўнай краінай Еўропы.

Значная роля ў эканамічных і палітычных аспектах дзяржаўнага будаўніцтва Літвы ў міжваенны час належала літоўскім эмігрантам, якія масава вярталіся на радзіму ў першыя гады незалежнасці. Рээмігранцкі рух дазволіў ураду прыцягнуць дадатковыя капіталы. Асаблівую матэрыяльную падтрымку метраполіі змаглі арганізаваць літоўцы ЗША. Рээмігранты стваралі банкі, прамысловыя прадпрыемствы, засноўвалі свой бізнэс. Літоўская дыяспара фінансавала палітычныя партыі і арганізацыі. Асаблівае значэнне ў Літве надавалася ролі нацыянальных меншасцей. Улада краіны ў міжваенны перыяд намагалася трымаць нацыянальнае пытанне пад сваім кантролем.

Асноўная частка. Станаўленне літоўскай дзяржаўнасці аказала непасрэдна ўплыў на ўздым актыўнасці беларускай дыяспары ў пачатку 1920-х гг., аднак у другой палове дзесяцігоддзя беларуская супольнасць Літвы згубіла сваю ініцыятыўнасць. Слабая арганізатарская праца беларусаў у канцы 1920-х гг. рэзка крытыкавалася на старонках прэсы. У часопісе «Бюлетэнь таварыства беларускай школы» выказвалася наступная думка: «Неарганізаванасць беларускае меншасці была прычынаю таго, што беларусы ў Літве не стварылі для сябе ніводнае культурна-асветнае арганізацыі і не дабіліся адчыненьня беларускіх пачатковых і сярэдняй школы. Гэта ўсё адчыняла шырокае поле для пашырэння сярод беларусаў чужых уплываў, часам вельмі варожых нацыянальнаму адраджэнню Беларусі» [2, с. 10]. Сітуацыя каардынальна змянілася ў пачатку 1930-х гг., калі адбылося ажыўленне арганізацыйнай актыўнасці беларускай дыяспары Літвы, што праявілася ў новых адукацыйных, творчых і палітычных праектах.

Адной з галоўных мэт для беларускай супольнасці стала кансалідацыя дыяспары. Нямаю спадзяванняў ўскладалася на 3'езд беларускіх меншасцей (Першы беларускі кангрэс меншасцей), які праходзіў 26 лютага 1933 г. у Коўна [3, с. 6]. У рабоце з'езду прымала ўдзел 60 дэлегатаў. Аднак дыскусіі дэлегатаў прадэманстравалі, што ў асяроддзі дыяспары працягваліся міжасабовыя канфлікты (група К. Дуж-Душэўскага супраць групы С. Якавіюка). Дэлегаты з'езду стварылі Беларускі нацыянальны камітэт у Літве, які бясплатна займаўся пытаннямі юрыдычнай дапамогі беларусам, абараняючы іх правы.

Колькасць беларусаў Літвы ў міжваенны час вызначыць складана. Дзяржаўны перапіс насельніцтва, які праводзіўся ў 1923 г., памеры беларускай дыяспары занізіў. Пры вызначэнні нацыянальнасці жыхароў Літвы спецыялісты абпіраліся на веравызнанне, што давала няпоўныя звесткі. У такіх падліках частку беларусаў-каталікоў адносілі да палякаў, а частку беларусаў-праваслаўных лічылі рускімі. Беларускае насельніцтва Літвы перыядычна ўздымала пытанне абароны сваіх нацыянальных правоў, аднак не заўсёды вынікова. Напрыклад, беларусы мястэчка Еўе (зараз літоўскі горад Вевіс) выступалі з ініцыятываў стварэння беларускай школы на базе існуючай літоўскай пачатковай школы [4, с. 360]. Над праектам установы працавала Міністэрства асветы Літвы, але просьбу беларускай супольнасці адхіліла. Прадстаўнік міністэрства выехаў у Еўе і па прычыне фармальнага запісаў у пашпартах грамадзян палічыў, што колькасць беларускага насельніцтва там недастатковая для стварэння нацыянальнай установы.

У 1920-я гг. актыўную дзейнасць у Літве праводзілі Літоўска-беларускае таварыства (заснаванае ў 1925 г.), Беларускі Цэнтр (створаны 1 красавіка 1923 г. па ініцыятыве Міністэрства замежных спраў Літвы пасля ліквідацыі Міністэрства беларускіх спраў) [5], Беларускае таварыства Чырвонага Крыжа.

Беларускі Цэнтр вызначыўся сваёй паспяховай выдавецкай дзейнасцю, яго супрацоўнікі рыхтавалі да друку падручнікі на беларускай мове, навуковую літаратуру, займаліся выданнем часопіса «Крывіч». Адным з кіраўнікоў Беларускага Цэнтра ў Літве быў В. Ластоўскі, які ў 1927 г. выехаў у Савецкую Беларусь. Цэнтрам таксама кіраваў К. Дуж-Душэўскі, яго супрацоўнікамі былі В. Барысовіч, А. Матач. Арганізацыя мела сталую фінансавую падтрымку Міністэрства замежных спраў Літвы. Адным з самых удалых выдавецкіх праектаў Беларускага Цэнтра стала «Гісторыя крыўскай (беларускай) кнігі» В. Ластоўскага, якая выйшла з друку ў 1926 г. У 1928 г. Беларускі Цэнтр у Літве пачаў рыхтаваць артыкулы для літоўскай прэсы. Члены арганізацыі актыўна выступалі з лекцыямі па беларусказнаўству на радыё, аказвалі маральную і матэрыяльную дапамогу беларусам Літвы. За 10 год існавання Беларускага Цэнтра было арганізавана больш за 150 лекцый, а ахвяраванні і пазыкі беларускаму насельніцтву склалі каля 3500 літаў [6, с. 2.]. Дабрачынныя акцыі і беспрацэнтныя пазыкі спрыялі сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі беларусаў у Літве, дапамагалі асобам наладзіць свой побыт.

Беларуская дыяспара ў Літве мела свае адметныя рысы, якія вылучалі яе з ліку іншых супольнасцей замежжа. Напрыклад, менавіта ў Літве была створана буйная нацыянальная суполка Чырвонага Крыжа. Членамі ініцыятыўнай групы сталі выбітныя грамадскія дзеячы замежжа. Статут Беларускага таварыства Чырвонага Крыжа быў прыняты на агульных сходах 15 і 25 красавіка 1921 г. у Коўна [7]. Структура таварыства з'яўлялася тыповай для грамадскіх арганізацый Літвы. Улічваючы добрачынны характар дзейнасці Чырвонага Крыжа, статут меў некалькі адметных дадатковых пунктаў. Напрыклад, у параграфу 11 падкрэслівалася: «Сябрамі Таварыства ня могуць быць грамадзяне, апарочаныя па суду» [8]. Падобныя фармуліроўкі тлумачацца тым, што члены Чырвонага Крыжа павінны былі арганізоўваць акцыі па зборы сродкаў, а гэта праца павінна была праводзіцца асобамі шчырымі і адказнымі, якія выклікалі давер у асяроддзі дыяспары. Асноўнымі задачамі Беларускага таварыства Чырвонага Крыжа была арганізацыйная работа, накіраваная на матэрыяльную і маральную падтрымку нацыянальнай супольнасці замежжа. У Статуце нават разглядаліся

меры дапамогі беларусам у выпадку іх рээміграцыі.

Беларускае таварыства Чырвонага Крыжа ў Літве ў пачатку 1920-х гг. стала асноўнай дабрачыннай арганізацыяй замежжа, якая ў хуткім часе пачала каардынаваць дзейнасць суполак у іншых краінах свету. Асабліваю дапамогу Чырвоны Крыж накіроўваў асобам з дыягназам туберкулёз, які быў сур'ёзнай праблемай у міжваенны час. Напрыклад, Чырвоны Крыж у 1922 г. у Чэхаславакіі правёў медыцынскае абследаванне 1923 студэнтаў, з якіх 72% хварэлі туберкулёзам [9, с. 21]. У выніку акцыі дабрачынная арганізацыя змагла дапамагчы асобным студэнтам лячэннем ў спецыяльных санаторыях. У працягу пасяджэння кіраўніцтва Чырвонага Крыжа № 3 ад 27 мая 1921 г. пазначалася, што арганізацыя дэлегавала права на збор дабрачынных грашовых ахвяраванняў пэўным сваім прадстаўнікам у Германіі, Чэхаславакіі, Латвіі і ЗША [10]. Значныя сумы для развіцця Чырвонага Крыжа накіроўвала Берлінская місія.

Беларускае таварыства Чырвонага Крыжа ў Літве плённа займалася арганізацыяй збору ахвяраванняў, вопраткі і прадуктаў для патрэб дзяцей, хворых, старых, інвалідаў. Члены суполкі на міжнародных канферэнцыях і кангрэсах ладзілі дабрачынныя акцыі для патрэб Чырвонага Крыжа. У якасці прыкладу можна прывесці ўдзел прадстаўніка аддзялення І. Цвікевіча ў Беларускай нацыянальнай нарадзе, якая адбылася 26–30 верасня 1921 г. у Празе [11]. Член кіраўніцтва таварыства І. Цвікевіч у рамках дзейнасці нарады разгарнуў працу па зборы сродкаў для галадаючых. Пра выніковыя зборы працы можна зрабіць выснову, абапіраючыся на працякі мерапрыемства, у якіх падкрэсліваўся ўдзел прадстаўніка Беларускага Чырвонага Крыжа.

Таварыства выступала з ініцыятывамі на міжнародным узроўні. Напрыклад, у 1921 г. афіцыйна была вынесена прапанова для абмеркавання адкрыцця Беларускага аддзялення Чырвонага Крыжа ў Канстанцінопалі. У афіцыйным лісце ад 27 жніўня 1921 г. беларусы Літвы рабілі абгрунтаванне сваёй ініцыятывы і прапанавалі канкрэтную кандыдатуру на пасаду кіраўніка аддзялення – гэта «беларускі доктар Пясоцкі» [12]. Неабходнасць дзейнасці суполкі Чырвонага Крыжа тлумачылася значнай колькасцю беларусаў у Канстанцінопалі, якія мелі вострую патрэбу ў медыцынскай дапамозе. Сапраўды, частка беларускіх эмігрантаў патрапіла ў Турцыю з фарміраваннямі белай арміі, якая ў гады грамадзянскай вайны адступала ў Канстанцінопаль.

Працякі пасяджэння кіраўніцтва Беларускага таварыства Чырвонага Крыжа сведчаць, што ў дзейнасці аддзялення прымалі актыўны ўдзел такія вядомыя грамадскія дзеячы, як

П. Мядзёлка, І. Цвікевіч, Я. Варонка. У кіруючыя органы дабрачыннай арганізацыі ўваходзілі Н. Ліпоўскі, А. Галавінскі, В. Боеў і інш. Старшынёй таварыства ў 1921 г. быў абраны Я. Варонка, а скарбнікам – П. Мядзёлка. Няма сумніваў, што знакамітая беларуская настаўніца Паўліна Вікенцьеўна Мядзёлка адказна і рупліва выконвала абавязкі скарбніка Чырвонага Крыжа.

Грамадскія дзеячы, якія ўзначальвалі таварыства, не маглі абмінуць вострыя палітычныя пытанні і нацыянальныя супярэчнасці міжваеннага часу. Члены арганізацыі выказвалі сваю незадаволенасць тым фактам, што польскі Чырвоны Крыж аказвае дапамогу толькі каталікам Заходняй Беларусі. Беларускаму таварыству было прынята рашэнне падключыць сродкі масвай інфармацыі, каб несправядлівае стаўленне да праваслаўных беларусаў зрабіць публічным фактам. Грамадскія дзеячы Літвы намагаліся праз міжнародныя арганізацыі аказаць уплыў на дыскрымінацыйнае стаўленне польскіх улад у дачыненні жыхароў Заходняй Беларусі.

У 1930-я гг. узнік шэраг новых беларускіх арганізацый у Літве. У 1933 г. быў створаны Хаўрус беларусаў Літвы і Літоўска-беларускае таварыства. Беларускае культурна-асветніцкае таварыства ў Коўна ўзнікла 27 лютага 1932 г. Нацыянальныя арганізацыі імкнуліся да кансалідацыі Беларускай супольнасці Літвы.

Культурна-асветніцкае таварыства распачало сваю дзейнасць па ініцыятыве С. Якавіюка, А. Матача, С. Дзядзевіча, К. Плескачэўскай, арганізацыя хутка павялічылася прыблізна да 1000 членаў з ліку беларусаў Коўна, жыхароў беларускіх вёсак і мястэчак у Літве [13]. Адною з асноўных мэт таварыства стала пашырэнне роднай мовы і развіццё нацыянальнай культуры ў асяроддзі Беларускай дыяспары, таму надпіс на штандары арганізацыі выразна дэманстраваў яе сутнасць: «Жыве мова – жыве народ». Беларускае культурна-асветніцкае таварыства значную ўвагу надавала збіранню і сістэматызацыі Беларускага фальклору, развіццю нацыянальнага аматарскага тэатра, дадатковай адукацыі дарослых у выглядзе спецыяльных цыклаў лекцый. У Статуце арганізацыі дакладна пазначалася: «На абавязках Сяброу Т-ва ляжыць збіранне беларускіх народных твораў, запісванне малодняў і словаў беларускіх песняў і збіранне рознага гістарычнага і этнаграфічнага матэрыялу» [14]. Членамі арганізацыі маглі стаць беларусы, якія напісалі заяву і атрымалі дзве рэкамендацыі. Умовы ўключэння новых членаў былі стандартнымі для афіцыйна зарэгістраваных грамадскіх арганізацый.

Адметным і нетыповым адукацыйным праектам беларусаў Літвы стаў Беларускі дзіцячы садок у Коўна пры Культурна-асветніцкім таварыстве,

які распачаў сваю працу 12 лютага 1933 г. Пра ўрачыстае адкрыццё ўстановы 19 лютага 1933 г. былі апублікаваны матэрыялы на старонках беларускай эмігранцкай прэсы: «Дзеці выступілі з прыгожа апрацаванай праграмай, у якую уваходзілі: балет “Жыцьцё матылёчка”, беларускі народны танец – “Лявоніха” і дэклімацыя. Пастаноўка, дэкарацыі і касцюмы распрацаваны былі гр. М. Чэркас, словы для балетнай п’есы напісала гр. Анна Матач, а музыку для балета напісаў Антон Матач» [15, с. 287]. Запатрабаванасць у рабоце дзіцячага садка была выклікана ў першую чаргу эканамічнымі прычынамі. Матулі імкнуліся падпрацоўваць, а дзіцячы садок вызваляў пэўны час для іх працы. Дзейнасць установы мела нацыянальны характар, дзяцей выхоўвалі на беларускіх традыцыях.

Работу Беларускага дзіцячага садка кантралявала Гарадская ўправа г. Коўна. Кіравала ўстановай вядомая і таленавітая настаўніца М. Чэркас, якая лічылася спецыялістам у дашкольным выхаванні. Установа дзейнічала выключна на сродкі бацькоў і дабрачынныя ахвяраванні беларускай супольнасці Літвы. У 1933 г. дзіцячы садок наведвала 15 дзяцей, а ў 1934 г. колькасць дзяцей павялічылася да 20 [16]. Асноўнымі праблемамі дзіцячага садка ў Коўна былі матэрыяльныя цяжкасці, бо беларусы Літвы не мелі вялікіх прыбыткаў. Ужо з канца 1933 г. прэса пачала пісаць пра складанае матэрыяльнае становішча ўстановы (часопіс «Беларуская школа ў Латвіі») і пра пагрозу згортвання праекта. Беларускі дзіцячы садок так і не атрымаў сталай дзяржаўнай фінансавай падтрымкі.

Таварыства паспяхова ажыццяўляла педагогічную, культурную і творчую дзейнасць, развіваючы свае асобныя праекты. З дазволу Міністэрства асветы Літвы 22 студзеня 1933 г. Беларускім культурна-асветніцкім таварыствам быў адчынены перасоўны Беларускі народны ўніверсітэт [17, с. 6] у памяшканні клуба «Беларуская хатка». Беларускі народны ўніверсітэт не даваў сваім слухачам вышэйшай адукацыі, у рамках праекта ладзіліся цыклы лекцый па беларусазнаўству.

Вышэйшых навучальных устаноў беларускай дыяспары ў міжваенны час не было, хаця беларусы неаднаразова выступалі з ініцыятывай стварэння ўніверсітэтаў. Ідэі адкрыцця нацыянальнай установы адукацыі разглядаліся ў Чэхаславакіі, Літве, Італіі, аднак так і не былі рэалізаваныя. Беларусы Літвы мелі праект стварэння нацыянальнай настаўніцкай семінары ў Коўна, але вышэйшую навучальную ўстанову заснаваць не змаглі.

Беларускі народны ўніверсітэт як праект дадаткавай адукацыі дарослых меў сталую падтрымку з боку беларусаў замежжа. На ўрачыстым адкрыцці ўніверсітэта 22 студзеня 1933 г. у памяшканні

клуба «Беларуская хатка» выступалі беларусы Літвы, Латвіі, былі зачытаныя прывітальныя тэлеграмы ад беларускіх грамадскіх дзеячоў Чэхаславакіі і Латвіі. Распачаў мерапрыемства кіраўнік праекта А. Матач. Прэса апісвала ўрачыстае адкрыццё Беларускага народнага ўніверсітэта наступным чынам: «Далей прамаўляў бургамістр м. Коўна, інжэнэр Граўрочнас і праф. Біржышка, якія у сваіх прамовах абяцалі з свайго боку падтрымаць Універсітэт і спадзяваліся, што беларуская прасветная праца ў Літве пойдзе на карысць ліцьвіноў і беларусаў, а таксама узмацуе добрыя адносіны між дзвюма гістарычна звязанымі народамі» [18, с. 288]. Сапраўды, курсы для дарослых спрыялі развіццю беларуска-літоўскага ўзаемадзеяння.

Адукацыйны праект для дарослых Беларускага народнага ўніверсітэта ў Літве стаў пашырэннем і запатрабаваным. У першы вучэбны год сваёй дзейнасці курсы мелі ўжо 42 слухача [19]. Спецыяльна для праграмы Беларускага народнага ўніверсітэта былі распрацаваны курсы лекцый па гісторыі, беларускай мове, беларускай літаратуры, геаграфіі. Міністэрства асветы Літвы кантралявала дзейнасць установы. Свой першы педагогічны вопыт у Беларускім народным ўніверсітэце набывалі студэнты-беларусы Універсітэта Вітаўта Вялікага ў Коўна. Цыклы лекцый як курсы для дарослых ладзілі ў Коўна і населенных пунктах Літвы, дзе кампактна пражывалі беларусы.

У беларускім асяроддзі Літвы сваёй грамадскай актыўнасцю вылучаліся студэнты, якія набывалі адукацыю ва Універсітэце Вітаўта Вялікага ў Коўна. Моладзь у 1933 г. стварыла студэнцкую арганізацыю «Аб’яднанне», якая пачала ладзіць канцэрты і вечарыны з мэтай папулярызацыі беларускай народнай культуры. Адметнасцю «Аб’яднання» стала паспяхова і плённая работа ў галіне міжнароднай дзейнасці. Арганізацыя займалася вырашэннем эканамічных праблем студэнтаў, што спрыяла іх сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі, а таксама інтэграцыі ва ўніверсітэцкі асяродак.

Колькасць студэнтаў-беларусаў ва ўніверсітэце г. Коўна не была вялікай, аднак яны вылучаліся сваёй свядомай грамадскай пазіцыяй і нацыянальнымі перакананнямі. У 1932/1933 навучальным годзе агульны кантынгент студэнтаў ва Універсітэце Вітаўта Вялікага складаў 4554 чал., з якіх 13 асоб вызначалі сябе беларусамі ў анкетах [20, с. 3]. Асноўную частку моладзі ўніверсітэта прадстаўлялі літоўцы (3066 чал.), таксама там вучыліся яўрэі, палякі, рускія, беларусы, немцы, латышы.

Кіраўніцтва «Аб’яднання» было абрана на агульным сходзе, які адбыўся 12 лютага 1933 г. У склад Прэзідыўма ўвайшлі: Д. Рудзь (старшыня),

Г. Чэркас (намеснік старшыні), А. Ус (скарбнік), А. Зэйгліш (сакратар) [21, с. 3]. На сходзе разглядаліся бягучыя пытанні студэнтаў-беларусаў, была абрана Рэвізійная Камісія. Моладзь як найбольш дынамічная частка дыяспары актыўна ўключылася ў культурна-асветніцкую працу. У якасці прыкладу можна прывесці музычна-літаратурную вечарыну літоўска-беларускага збліжэння, якую члены «Аб'яднання» паспяхова правялі 3 чэрвеня 1933 г. у памяшканні клуба «Беларуская хатка» [22, с. 3]. Пра ўдалыя мерапрыемствы беларускага студэнцтва Літвы неаднаразова публікавала матэрыялы віленская прэса.

Паспяховым кірункам дзейнасці беларусаў Літвы сталі музычныя і тэатральныя праекты. Культурна-асветніцкае таварыства ў чэрвені 1932 г. заснавала Беларускі народны тэатр з пастаяннай тэатральнай трупай у г. Коўна. Мастацкім кіраўніком творчага калектыву была Караліна Плескачэўская, спецыяльна для пастановак Антон Матач арганізаваў хор тэатра [23]. Спектаклі-канцэрты ковенскай тэатральнай студыі выклікалі пазітыўныя водгукі глядачоў, таму акцёраў і спевакоў спецыяльна запрашалі для выступленняў на літоўскім радыё. Беларускі народны тэатр у сваім рэпертуары ўлічваў густы глядачоў. Асаблівай папулярнасцю карысталіся драматычныя творы В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Аляхновіча, Ул. Галубка.

Культурным і адукацыйным цэнтрам беларусаў у Коўна стаў клуб «Беларуская хатка»

(знаходзіўся ў Коўна на вул. Крашэўскага, 34). У асяроддзі дыяспары склалася традыцыя святкавання ўгодкаў стварэння клуба. На вечарынах выступалі беларускія паэты Літвы, рабіліся тэатральныя пастаноўкі, музычныя выступленні. Творчай спадчынай дыяспары стала паэзія беларускай студэнткі Л. Раманейка, дзяўчына рэгулярна выступала на вечарынах клуба «Беларуская хатка» з дэкламацыйнай сваіх вершаў.

Для развіцця інтэлектульнага патэнцыялу дыяспары ствараліся кнігарні і бібліятэкі. Студэнцкая моладзь Коўна стымулявала адукацыйную і навуковую актыўнасць. У 1933 г. быў створаны Беларускі адзел пры кнігарні «Кнуга» [24, с. 5]. Асноўную частку калекцыі аддзела складалі беларускія выданні, якія можна было набыць у кніжнай краме. Спецыяльна для малазабяспечаных асоб у кнігарні была створана бібліятэка. Культурна-асветніцкае таварыства ў 1933 г. таксама заснавала бібліятэку-чытальню.

Заклучэнне. Такім чынам, асноўнымі кірункамі дзейнасці беларусаў Літвы ў міжваенны перыяд сталі іх культурныя, адукацыйныя, дабрачынныя і палітычныя праекты. Беларускія арганізацыі, курсы, тэатры праводзілі мерапрыемствы з мэтай захавання нацыянальнай ідэнтычнасці і культурнай адметнасці беларусаў у літоўскім грамадстве. Рэалізацыя адукацыйных і дабрачынных праектаў беларусаў Літвы спрыяла індывідуальнай адаптацыі асоб у складаны перыяд станаўлення літоўскай дзяржаўнасці.

Літаратура

1. Эйдінтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. Вильнюс: Eugrimas, 2013. 318 с.
2. Беларусы у Літве // Бюлетэнь Таварыства Беларускае Школы. 1932. № 1. С. 10.
3. Зезд беларускае меншасці у Літве // Родны край. 1933. № 7. С. 6.
4. Адраджэнец. Беларуская меншасць у Літве усё яшчэ не атрымала ніводнай беларускай школы // Беларуская школа ў Латвіі. 1933. № 7. С. 360–362.
5. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 4.
6. Беларускія арганізацыі у Літве // Беларуская Крыніца. 1933. № 22. С. 2–3.
7. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 171. Арк. 5.
8. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 171. Арк. 7.
9. Czechoslovak Help to the Russian and Ukraine emigration. Prague: Ministry for Foreign Affairs, 1924. 140 p.
10. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 171. Арк. 18.
11. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 171. Арк. 18.
12. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 171. Арк. 13.
13. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 3.
14. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 1 зв.
15. К. Ез. Беларускае жыццё ў Літве // Беларуская школа ў Латвіі. 1933. № 2. С. 286–287.
16. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 10 зв.
17. У Літве // Родны край. 1933. № 7. С. 6.
18. Гусарэвіч У. Адчыненне Беларускага Народнага Універсітэту ў Літве // Беларуская школа ў Латвіі. 1933. № 2. С. 287–288.
19. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 10 зв.
20. М. К. Студэнты Літоўскага Універсітэту // Беларуская Крыніца. 1933. № 4. С. 3.
21. Агульны сход беларускай арганізацыі «Аб'яднаньне» // Беларуская Крыніца. 1933. № 10. С. 3.

22. Культурная хроніка // Беларуская крыніца. 1933. № 26. С. 3.
23. БДАМЛМ. Ф. 3. Воп. 1 Спр. 30. Арк. 3.
24. Беларускі Адзел пры кнігарні «Кнуга» // Родны край. 1933. № 2. С. 5.

References

1. Eydintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamoshaytis M. *Istoriya Litvy* [History of Lithuania]. Vilnius, Eugrimas Publ., 2013. 318 p.
2. Belarusians in Lithuania. *Byuleten' Tavarystva Belaruskay Shkoly* [Newsletter of Belarusian School Association], 1932, no. 91, p. 10 (In Belarusian).
3. Congress of the Belarusian minority in Lithuania. *Rodny kray* [The Native Land], 1933, no. 7, p. 6 (In Belarusian).
4. Adradzhenets. Belarusian minority has not received any Belarusian school yet. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1933, no. 15, p. 6 (In Belarusian).
5. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 30. L. 4.
6. Belarusian organizations in Lithuania. *Belaruskaya krynitsa* [The Belarusian Source], 1933, no. 22, pp. 2–3 (In Belarusian).
7. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 171. L. 5.
8. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 171. L. 7.
9. *Chechoslovatskaya pomoshch russkoy i ukrainskoy emigratsii* [Czechoslovak Help to the Russian and Ukraine emigration]. Prague, Ministry for Foreign Affairs Publ., 1924. 140 p.
10. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 171. L. 18.
11. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 171. L. 18.
12. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 171. L. 13.
13. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 30. L. 3.
14. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 30. L. 1 rot.
15. K. Ez. Belarusian life in Lithuania. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1933, no. 2, pp. 286–287 (In Belarusian).
16. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 30. L. 10 rot.
17. In Lithuania. *Rodny kray* [The Native Land], 1933, no. 7, p. 6 (In Belarusian).
18. Gusarevich U. Opening of the Belarusian National University in Lithuania. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1933, no. 2, p. 286–287 (In Belarusian).
19. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 30. L. 10 rot.
20. M. K. Students of the Lithuanian University. *Belaruskaya krynitsa* [The Belarusian Source], 1933, no. 4, p. 3 (In Belarusian).
21. General meeting of the Belarusian organization “Unification”. *Belaruskaya krynitsa* [The Belarusian Source], 1933, no. 10, p. 3 (In Belarusian).
22. Cultural chronicle. *Belaruskaya krynitsa* [The Belarusian Source], 1933, no. 26, p. 3 (In Belarusian).
23. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 30. L. 3.
24. Belarusian department in Bookstore “Knyga”. *Rodny Kray* [The Native Land], 1933, no. 2, p. 5 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Senior Lecturer, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Пасмыніў 10.09.2019

УДК 355.123

В. В. Ляховский

Белорусский государственный университет

**НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПРОЕКТЫ. ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1919–1925 ГГ.**

Статья посвящена внешнеторговой деятельности политических институтов Белорусской Народной Республики в эмиграционный период деятельности (1919–1925). Проанализированы финансовые источники деятельности белорусских эмиграционных представительств в Германии и странах Балтии. Подробно освещено коммерческое сотрудничество белорусских эмигрантов с немецкой внешнеторговой фирмой «IWEG».

Ключевые слова: Белорусская политическая эмиграция, внешнеторговая и коммерческая деятельность, военно-политическая миссия БНР в странах Балтии и Финляндии, представительства БНР в Берлине, Каунасе и Гданьске (Данциге), фирма «IWEG».

U. V. Lakhouski

Belarusian State University

**UNSUCCESSFUL PROJECTS. FOREIGN TRADE ACTIVITIES
OF BELARUSIAN POLITICAL EMIGRATION IN 1919–1925**

The article is devoted to the foreign trade activities of political institutions of the Belarusian People's Republic during the emigration period of activity (1919–1925). The financial sources of the activity of Belarusian emigration missions in Germany and the Baltic countries are analyzed. The commercial cooperation of Belarusian emigrants with the German foreign trade company IWEG is described in detail.

Key words: Belarusian political emigration, foreign trade and commercial activities, the military-political mission the Belarusian People's Republic in the Baltic countries and Finland, the BPR representative offices in Berlin, Kaunas and Danzig (Gdansk), company IWEG.

Введение. Эффективная внешнеторговая деятельность является важной составляющей устойчивого развития любого суверенного государства. Беларусь как субъект международного права состоялась в 1991 г., но фундамент государственности Беларуси формировался не в одночасье, а на протяжении почти всего XX ст. В этом контексте важно проанализировать внешнеторговую деятельность белорусских эмигрантов за рубежом в 1919–1925 гг., непосредственно связанных с политическими институтами БНР. Сторонниками политической независимости Беларуси уже тогда были сделаны попытки разработать собственную концепцию внешнеторгового курса страны; через участие в коммерческих сделках последние стремились получить необходимые финансовые ресурсы для реализации своих политических инициатив, культурно-просветительских и издательских проектов. Тема, связанная с внешнеторговой деятельностью зарубежных представительств БНР, до сих пор слабо освещена в исторической литературе [1–6]. Анализируя и сопоставляя уже известные факты, вводя в научный оборот новые документальные источники, в данной статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы: во-первых, имелся ли у белорусских политиков, связанных с БНР, некий продуманный план действий по осуществлению собственной

внешнеторговой политики деятельности за рубежом, и во-вторых, обладали ли последние необходимым опытом и компетентностью для ведения коммерческих дел?

Основная часть. Вынужденный исход в политическое изгнание правительства БНР в начале 1919 г. значительно ухудшил финансовое положение последнего. Это могло поставить крест на тех инициативах и проектах, которые белорусская эмиграция намеревалась осуществить за рубежом: создание постоянно действующих белорусских представительств в Лиге Наций и в столицах соседних и ведущих странах мира; организация книгопечатания как на белорусском, так и на иностранных языках; издание своей периодики, открытие высших и средних учебных заведений для молодых белорусских эмигрантов, формирование научных центров по изучению политической и социальной ситуации в Беларуси, СССР, Европе и в других регионах мира.

Денежная проблема для руководства БНР усугубилась с ликвидацией в конце 1918 г. Белорусской торговой палаты в Киеве, которая долгое время являлась фактически единственным источником пополнения бюджета БНР [7, с. 96]. Помощь подоспела от украинских союзников. Директория УНР на просьбу белорусов о кредите постановила в феврале 1919 г. ассигновать

последним денежную субсидию в размере 4 млн. украинских карбованцев. Часть денег (100 тыс. карбованцами и 900 тыс. российских рублями) были переданы руководству БНР «живой» наличностью через курьера [2, с. 174], 3 млн. австрийских крон были переведены на счет БНР в один из банков Вены, а более 1,6 млн. немецких рейхсмарок – на счет в Berliner Reichsbank [1, кн. 1, т. 1, с. 334].

Однако с самого начала возникла проблема по обналичиванию той части украинского кредита, которая по безналичному расчету была переведена в банки Вены и Берлина. Выяснилось, что снять эти деньги невозможно, так как по требованию советского правительства Германия и Австрия заморозила в своих банках все украинские активы. Все дальнейшие попытки обналичить заблокированные деньги оказались безуспешными [8, 9]. Это сильно ударило по жизнеспособности белорусских национальных организаций не только за кардоном, но и на территории самой Беларуси.

Финансовое положение белорусских зарубежных представительств существенно улучшилось только после подписания межправительственного соглашения Литовской Республики и БНР 11 ноября 1920 г. Согласно этому договору Рада народных министров (РНМ) БНР признавалась законным представителем белорусского народа со статусом «правительства в изгнании», а действующее в Каунасе Консульство БНР получило дипломатический иммунитет. Надеясь на белорусскую поддержку в борьбе Литвы с Польшей за Виленский край, официальный Каунас не только сохранил в своем штате Министерство белорусских дел, но и взял на себя обязательства по финансированию эмиграционного правительства БНР, а также белорусских зарубежных представительств в Германии и Турции [10]. Ссылаясь на данные, представленные А. Цвикиевичем, за 1920–1922 г. литовское правительство выделило эмиграционному правительству БНР 2 млн. немецких марок [11, л. 28].

Вместе с тем руководство БНР искало и другие источники по финансированию своих инициатив. Относительно удачными оказались его «филателистические проекты». Еще в августе 1919 г. РНМ БНР поддержала предложение министра белорусских дел при правительстве Литвы Я. Воронко о выпуске «державных белорусских почтовых и гербовых марок». Это был скорее частный коммерческий проект бывшего премьер-министра БНР, при успешной реализации которого последний обязался передать правительству БНР половину вырученной прибыли [1, кн. 1, т. 1, ч. 418]. Но правительство Литвы заблокировало данную инициативу.

Куда более успешным оказался «марочный» бизнес главы Белорусской военно-дипломатиче-

ской миссии в Латвии, Эстонии и Финляндии К. Езовитова, которому удалась его инициатива по выпуску в 1920 г. массовой серии белорусских марок «Асобны атрад БНР» (номиналом в 5, 10, 15, 50 копеек и 1 рубль). Вырученные средства планировались для финансирования отряда генерала С. Булак-Балаховича, который намеривался перейти на службу БНР. Удалось даже погасить значительную часть этих марок через почтовую контору в Мариенбурге (современный город Алуксне на северо-востоке Латвии). Последние находились фактически в незаконном обороте в Латвии еще несколько месяцев. К. Езовитов не ограничился малым: он смог заинтересовать белорусскими марками европейских филателистов. По некоторым сведениям, при содействии местных еврейских коммерсантов он выслал в Берлин на реализацию крупную партию белорусской филателии, которая оценивалась примерно в 200 тыс. немецких марок [12, с. 72].

Небольшим, но важным источником для пополнения доходной части БНР в эмиграционный период стали консульские сборы за получение заграничных паспортов и виз БНР. Так, с 1 ноября 1920 г. по 20 апреля 1921 г. за счет консульских сборов Представительство БНР в Каунасе получило за выдачу заграничных паспортов доход в свыше 128 тыс. немецких марок [13]. Интересно, что в большинстве случаев заявителями на получение этих паспортов были не этнические белорусы, а преимущественно еврейские эмигранты из бывшей Российской империи. Были редкие случаи эмиграции белорусских крестьян не только в США, но и в Южную Америку. При выезде на постоянное место жительства в Новый Свет эмигранты обменивали белорусские документы на «паспорта Нансена», выдаваемые Лигой Наций, тем самым получая официальный беженский статус и право беспрепятственного въезда в желаемую страну.

Фактов, когда заграничные паспорта БНР получали лица «не по назначению», было немало. Так, в 1923 г. литовской криминальной полицией были выявлены случаи выдачи белорусских заграничных паспортов бывшим белогвардейским офицерам, большинство из которых не являлись уроженцами Беларуси [14, л. 91–92]. Такие же факты имели место в деятельности Представительства БНР в Стамбуле в 1921 г. Был также выявлен случай служебных злоупотреблений со стороны представителя БНР в Данциге некоего А. Курляндского, который превратил выдачу белорусских заграничных паспортов в источник пополнения личных доходов, присваивая себе большую часть консульских сборов [14, л. 28].

К концу 1923 г. почти все зарубежные представительства БНР или самораспустились, или

были упразднены компетентными органами тех государств, где они находились [15, л. 97–98]. И только Миссия БНР в Берлине продолжала функционировать до 1925 г., продавая заграничные паспорта «виртуальной державы». В июне 1924 г. глава указанного представительства А. Боровский обратился к председателю правительства БНР А. Цвикевичу: «Как я уже Вам сообщал в своем коротком письме <...>, паспортный отдел при Миссии по требованию немцев в начале мая пришлось закрыть. С меня взята подписка, что я, под страхом высылки из Германии, больше выдавать паспортов не буду. Немецкий штемпель и паспортные бланки были забраны. Между тем грамадзяне продолжают от времени до времени заходить и просят о документах. Нельзя ли было бы прислать мне почтой, заказным, в отдельных пакетах штук по 10 – в общем до 100 штук, подписанных паспортных бланков <...>. Закажите также каучуковый штемпель на русском языке, по образцу нашей медной печати (отпечаток прилагаю). Пришлите мне этот штемпель. В особо уважительных случаях я буду заполнять здесь бланки, но местом выдачи будет значиться Ковно. Таким образом, мое обязательство не было бы нарушено и особо нуждающиеся эмигранты (главным образом в Южную Америку) могли бы на основании наших паспортов получать нansenовские» [15, л. 133–133об]. За время своего существования Берлинская миссия БНР выдала свыше 2 тыс. заграничных паспортов несуществующего государства (!) [16, л. 318].

Были ли у эмиграционного правительства БНР иные возможности наладить собственную коммерческую деятельность для добывания финансовых средств, необходимых не только для безбедного проживания за границей, но и для реализации своих политических и культурных проектов? Архивные документы свидетельствуют, что были. Еще в 1920 г. глава Миссии БНР в Данциге И. Лурье представил правительству БНР заманчивое предложение об акционной закупке под 5-летний кредит и достаточно низкие проценты запасов военной амуниции и медикаментов, оставшиеся в Европе после ухода американских войск с последующей их выгодной перепродажей. Но тогдашний белорусский премьер А. Луцкевич попросту проигнорировал это предложение [17]. Также не нашла должной поддержки другая инициатива И. Лурье по созданию на выгодных условиях Белорусской торговой палаты в Копенгагене [18]. «Скарбница» БНР так и не пополнилась, а многие интересные с финансовой точки зрения проекты так и не были реализованы и остались только на бумаге.

Работа правительства БНР по поиску новых финансовых средств активизировалась в конце

1920 г., когда во главе кабинета стоял В. Ластовский. По его инициативе в Берлин был направлен новый министр торговли и промышленности М. Житловский, которому было дано задание «разморозить» украинский кредит в Berliner Reichs-Bank и организовать немецко-белорусский товарообмен [19]. До сих пор не выявлены документы, подтверждающие или опровергающие результативность миссии Житловского. Свидетельств, которые проясняют ситуацию в этой истории, пока не выявлены. Данный вопрос требует дополнительного исследования. На наш взгляд, старый украинский кредит так и не был получен правительством БНР. Коммерческая активность каунаского кабинета В. Ластовского была связана не с украинскими деньгами, а с финансовыми субсидиями литовского правительства в рамках Договора от 11 ноября 1920 г. Эти деньги выделялись правительству БНР не только в знак его политической солидарности с Литвой по «виленскому вопросу». Литовская сторона была также крайне заинтересована в боевой деятельности белорусских партизан БНР, которые при финансовой поддержке официального Каунаса до 1923 г. вели активные боевые действия против польских властей на литовско-белорусском пограничье. Что же касается налаживания торговых связей с немецкими компаниями, то тут все оптимистические ожидания были развеяны уже при первой деловой сделке.

В хронологическом порядке эта история развивалась следующим образом. В начале 1921 г. Берлинскую миссию БНР возглавил бывший уполномоченный от Центрбелсоюза (кооперативная организация потребительских обществ Беларуси, которая активно взаимодействовал с БНР) А. Боровский. Он был уполномочен правительством БНР подписать торговое соглашение с нюрнбергской фирмой «IWEG» (Internationale Waren Exportund Import-Gesellschaft m. b. h. mit beschränkter Haftung) на поставку для сельских кооперативов Западной Беларуси сельскохозяйственных и промышленных товаров. Данное соглашение было согласовано и подписано еще В. Ластовским, а с его последствиями уже вплотную столкнулся новый премьер А. Цвикевич. Острая неприязнь членов бывшего и нового состава РНМ БНР подчеркивает тот факт, что старым правительством после своей отставки не были переданы новому составу кабинета важнейшие отчетные финансовые документы, связанные с торговыми операциями «IWEG». Для выяснения объективной картины, которая сложилась по данному контракту, была создана специальная комиссия, в которую вошли В. Захарко (председатель), А. Валькович и Л. Заяц. В своем рапорте шеф Берлинской миссии БНР А. Боровский отмечал, что ему изначально

было непонятно, почему немецкая компания пошла на такой риск, подписывая соглашение с эмигрантским правительством БНР на поставку больших партий товаров для крестьянских хозяйств. Оказалось, что немецкие коммерсанты слабо ориентировались в белорусских политических и экономических реалиях. К тому же руководство «IWEG», заключая эту сделку, хотело избавиться от дорогостоящих и неликвидных товаров, которыми был переполнен рынок Германии. Немцы даже предоставили правительству БНР кредит на закупку большой партии папирос, сигар и свечей [20, с. 305]. В 1922 г. в течение короткого времени из Нюрнберга в Каунас в запломбированных вагонах поступило 2300 комплектов мужской выходных костюмов, 1200 рабочих костюмов, 5000 пар женских туфель, 300 пар разной другой обуви, 12 000 метров фланели, десятки мужских пальто, прочей галантереи, а также обещанные плуги, молотки, топоры и вилы без черенков, бороны, пилы, серпы, ведра и другие хозяйственные изделия. Позднее прибыло еще 6 млн. папирос и более 700 тыс. кубинских сигар. Руководство БНР начало осознавать, что стало жертвой собственной некомпетентности. Оно еще надеялись, что литовское правительство, учитывая что данные товары предназначены для западнобелорусских сельских обществ, не будет взимать ввозные таможенные пошлины и плату за транзит. А Цвикевич и члены его кабинета рассчитывали, что для поставляемых товаров им будут предоставлены временные таможенные склады («Ведь мы говорили, что эти товары мы перевозим через Литву транзитом, только временно задерживая их в Каунасе») [19, с. 306].

Однако белорусская сторона не получила от правительства Литвы ожидаемых таможенных преференций и транзитных льгот. Из-за обострения польско-литовских отношений западнобелорусский рынок для товаров, которые белорусским эмиграционным правительством предназначались местными сельскохозяйственным товариществам и кооперативам, оказался закрытым. Из-за высокой цены и плохого качества товаров белорусская сторона понесла большие финансовые потери. Пришлось платить огромные денежные неустойки. Нереализованную часть товаров нужно было за свой счет возвращать немецким посредникам. В результате в январе 1923 г. торговое соглашение

с немецкой компанией было расторгнуто. Последствия данной сделки еще долго сказывались на материальном положении немногочисленной белорусской эмиграции. В августе 1924 г. А. Боровский писал А. Цвикевичу из Берлина в Каунас: «Я уже Вам писал, что с меня требовали деньги за переданные Вам образцы. К сожалению, до сей поры Вы не прислали ни денег, ни образцов хотя бы. Фирма подала на меня в суд и в результате вся мебель, пишущая машина и мое пианино опечатаны. Пока удалось небольшим взносом отложить продажу до 30 августа, но что будет дальше, не знаю, ибо у меня никакого заработка и живу я сейчас на то, что зарабатывает моя жена. Если есть хоть малейшая возможность, то пришлите хотя бы 100 марок пока и неиспользованные образцы» [15, л. 133об].

Заключение. Дело «IWEG» стало, пожалуй, последней попыткой правительства БНР реализовать свою собственную коммерческую деятельность. Этот чувствительный коммерческий провал обострил и без того сложные межличностные отношения среди членов правительства БНР. С осени 1924 г. вся деятельность руководства БНР окончательно свелась к примитивной дипломатии: посылкой протестных меморандумов на адрес Лиги Наций и европейских правительств. А. Цвикевич тогда же написал: «Факт тот, что уже ровно год, как правительство не имеет буквально никакого бюджета: нет денег не только на важнейшие поездки-встречи, но даже и на оплату квартиры, корреспонденции и прочего. Члены правительства уже как год живут на случайные поступления, все время живя в долг» [14, л. 327–328]. Продолжающиеся по инерции дипломатические демарши уже давно потеряли смысл и актуальность. Говорить о существовании какой-то выработанной экономической стратегии у руководства БНР, к сожалению, не приходится. Зачастую вся внешнеторговая деятельность БНР в период вынужденной эмиграции сводилась к натужным поискам денег для физического выживания на чужбине членов правительства и зарубежных представительств БНР. Провозглашенные лозунги о независимости Беларуси превзошли тогда организационные возможности и людские ресурсы белорусского национального движения. Все это в конце концов привело к политическому фиаско БНР. Но не самой идеи вольной и независимой Беларуси...

Литература

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / уклад. С. Шупа. Вільня; Мінск; Нью-Йорк; Прага, 1998. Т. 1. У 2-х кн. 1727 с.
2. Сакалоўскі, У. Надзвычайная дыпляматычная місія БНР у Нямеччыне // Спадчына. 1998. № 1. С. 164–180.
3. Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР у Нямеччыне (1919–1925) // АРСНЕ. 2009. № 3. С. 7–128.

4. Тихомиров А. В. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. [Электронный ресурс] // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. № 4. URL: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=525&Itemid=53 (дата обращения: 12.05.2019).

5. Паўлава Т. Я. Знешнепалітычная дзейнасць і дыпламатыя БНР у 1918 г. // Беларускі гістарычны часопіс. 2000. № 1. С. 24–28.

6. Паўлава Т. Я. Асноўныя напрамкі знешнепалітычнай дзейнасці БНР // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2001. S. 76–86.

7. Ляхоўскі У. В. Роля М. Доўнар-Запольскага ў наладжванні знешнегандлёвых адносін Беларусі і Украіны ў 1918 г. // Рэчыцкі край: да 150-годдзя з дня нараджэння Мітрафана Доўнара-Запольскага: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Гомел. дзярж. ун-т ім. Ф. Скарыны, Рэчыц. райвыканкам; уклад.: А. Б. Доўнар, В. М. Лебедзева; навук. рэд. В. Ф. Голубеў. Мінск: Беларуская навука, 2019. С. 86–104.

8. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 26–27.

9. БГАМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 282. Л. 13–13об.

10. Ляхоўскі У. В. Беларуская і украінская «карты» ў палітыцы ковенскага ўраду Літвы ў 1920-я гг. // Спадчына. 2002. № 5–6. С. 92–100.

11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 26–39.

12. Ліцкевіч А. Беларуская віртуальная рэспубліка // Беларуская думка. 2008. № 3. С. 68–73.

13. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 11–21.

14. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 315–328.

15. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 91–133.

16. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 26–39.

17. Лісты Антона Луцкевіча з часу Парыжскай мірнай канферэнцыі [Электронный ресурс] // ARCHE. 2006. № 10. URL: <http://arche.bymedia.net/2006-10/lazko610.htm> (дата обращения: 11.06.2019).

18. Герасимова, И. Белорусская проблема и еврейство в деятельности И. Лурье – руководителя Белорусского пресс-бюро в правительстве БНР в 1920–1922 гг. [Электронный ресурс] // Беларусь у XX стагоддзі. 2002. Вып. 1. URL: <http://www.homoliber.org/ru/xx/xx0201.html> (дата обращения: 11.06.2019).

19. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. Мінск: Юніпак, 2012. Т. 2. С. 305–306.

References

1. *Archivy Bielaruskay Narodnay Respubliki* [Archives of the Belarusian People's Republic]. Comp. S. Shupa. Vilnius, Minsk, New York, Praga, 1998. Vol. 1. In 2 books. 1727 p.

2. Sakalouski U. Emergency diplomatic mission of BPR in Germany. *Spadchyna* [Legacy], 1998, no. 1. pp. 164–180 [In Belarusian, Russian, German and other languages].

3. Sakalouski U. Emergency mission of BPR in Germany (1919–1925). *Arche*, 2009, no. 3, pp. 7–128 [In Belarusian].

4. Tikhomirov A.V. Problems of Belarusian-German relations in 1914–1925. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Belarusian journal of international law and international relations], 2002, no. 4. Available at: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=525&Itemid=53 (accessed 12.05.2019).

5. Paulava T. Ja. Foreign policy and diplomacy of BPR in 1918. *Bielaruski historychny chasopis* [Belarusian historical journal], 2000, no. 1, pp. 24–28 (In Belarusian).

6. Paulava T. Ja. Main directions of foreign policy activity of BPR. *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 2001. Pp. 76–86 (In Polish).

7. Liakhouski U. V. The role of M. Dovnar-Zapolsky in the establishment of foreign trade relations between Belarus and Ukraine in 1918. *Rechytski kraj: da 150-hoddzia z dnia naradzennia Mitrafana Dounara-Zapolskaha: zb. navuk. art.* [Rechitsa region: to the 150th anniversary of the birth of Mitrofan Dovnar-Zapolsky: collection of scientific articles]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. Pp. 76–94.

8. Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art (BSAMLK). Fund 3. I. 1. F. 155. L. 26–27.

9. BSAMLK. Fund. 3. I. 1. F. 282. L. 13–13rot.

10. Liakhouski U. V. The Belarusian and Ukrainian maps in the policy of the Lithuanian government in the 1920s. *Spadchyna* [Legacy], 2002, no. 5–6, pp. 92–100 (In Belarusian).
11. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). F. 325. Inv. 1. File 19. L. 26–39.
12. Litskievich A. Belarusian virtual republic. *Belaruskaya dumka* [The Belarusian idea], 2008, no. 3, pp. 68–73 (In Belarusian).
13. NARB. Fund 325. I. 1. F. 153. L. 11–21.
14. NARB. Fund 325. I. 1. F. 217. L. 315–328.
15. NARB. Fund 325. I. 1. F. 9. L. 91–133.
16. NARB. Fund 325. I. 1. F. 49. L. 26–39.
17. Anton Lutskevich's letters from the time of the Paris peace conference. *Arche*, 2006, no. 10. Available at: <http://arche.bymedia.net/2006-10/lazko610.htm> (accessed 11.06.2019).
18. Gerasimova I. The Belarusian problem and Jewry in the activities of I. Lurie – head of the Belarusian press bureau in the government of the BPR in 1920–1922. *Belarus' u XX stogoddi* [Belarus in the 20th century], 2002, issue 1. Available at: <http://www.homoliber.org/ru/xx/xx0201.html> (accessed 11.06.2019).
19. *Biellarus' u palitysy susednikh i zakhodnikh dzyarzau (1914–1991 gg.): zbornik dakumentau i materyyalau* [Belarus in the policy of neighboring and western countries (1914–1991 gg.): collection of documents and materials]. In 4 vol. Minsk, 2012. Vol. 2. Pp. 305–306 [In Belarusian and Russian].

Информация об авторе

Ляховский Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры таможенного дела. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 20, Республика Беларусь). E-mail: prysynak@gmail.com

Information about the author

Lakhouski Uladzimir Viktaravich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (20, Leningradskaya str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: prysynak@gmail.com

Поступила 10.09.2019

УДК 378(476-25)(091)(093)

Л. И. Мосейчук

Белорусский государственный университет

**ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ
В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 20-Е ГГ. XX В.**

Состояние перманентного обновления белорусского образования актуализирует значение историко-педагогического опыта, анализ которого мог бы быть использован в современном университетском строительстве. В этой связи особую актуальность приобретает изучение образовательных форм и методов, применяемых на первых этапах становления высшего образования Беларуси.

В представленной работе проведен анализ семинарских занятий, проводимых на гуманитарных отделениях Белорусского государственного университета. Показано, что при изучении таких дисциплин, как психология, генетическая социология и теория права, эти виды практических занятий использовались в следующей последовательности: просеминары, семинары, коллоквиумы.

Ключевые слова: семинарские занятия, коллоквиум, университет, учебные планы, аудиторные занятия, история образования.

L. I. Maseichuk

Belarusian State University

**ORGANIZATION OF SEMINAR LESSONS
IN THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN THE 20S YEAR 20TH CENTURY**

The state of renewal of Belarusian education actualizes the importance of historical and pedagogical experience, the analysis of which could be used in modern university construction. Therefore, the study of educational forms and methods used in the early stages of the establishment of higher education in Belarus is becoming important.

The article analyzes the seminars conducted at the humanitarian departments of the Belarusian State University. It is proved: when studying such disciplines as psychology, genetic sociology and theory of law, these types of practical exercises were used in the following sequence: pro-seminars, seminars, colloquiums.

Key words: seminars, colloquium, university, educational plans, auditory lessons, history of education.

Введение. Развитие университетского образования Республики Беларусь связано в первую очередь с историей становления Белорусского государственного университета (далее – БГУ). Открытие 30 октября 1921 г. первого высшего учебного заведения страны породило множество дискуссионных вопросов, связанных как с методикой преподавания, так и со способами проведения занятий.

Преподаватели «старой школы» принесли с собой в новый пролетарский университет систему, хорошо зарекомендовавшую себя в университетах Российской империи. Привыкшие к определенной форме обучения студентов, они предполагали, что классический вариант распределения лекций и практических занятий сохранится и получит свое дальнейшее развитие в новом университете. Однако отказ от «буржуазных пережитков», стремление к новым революционным преобразованиям привели к тому, что на протяжении 20-х – начале 30-х гг. XX в. образовательный процесс не был четко структурирован. Формы занятий варьировались, учебное

расписание было нестабильно и в первые годы бессистемно. Это было связано с рядом причин: нехваткой учебных помещений, загруженностью преподавателей, которые были вынуждены приезжать в г. Минск для прочтения курса из других городов, с бытовой необустроенностью студенческой молодежи. Тем не менее два вида занятий всегда присутствовали в учебном расписании – это лекция и семинар. На лекционных занятиях преподаватели использовали в первую очередь свои разработки, не всегда опубликованные, но имеющие одобрение в научном университетском сообществе или нуждающиеся в практической «обкатке» в аудитории. Лекционный курс мог только ориентировать студентов в самых общих чертах в той или иной научно-теоретической области, тогда как на семинарских (практических) занятиях достаточно подробно разбирались отдельные вопросы этого курса, рассматривалась методика работы.

В данной работе хотелось бы более подробно остановиться на анализе семинарских занятий как основной формы практической работы

высшего учебного заведения как сто лет назад, так и в наши дни.

Основная часть. При анализе документов, содержащих информацию об использовании методического инструментария, таких как учебные планы, годовые отчеты профессорско-преподавательского состава, объяснительные записки, прилагаемые к спецкурсам и пр., выделяются такие виды практических занятий, как просеминары и коллоквиумы. Причем при изучении таких дисциплин, как психология, генетическая социология и теория права, эти виды практических занятий использовались в следующей последовательности: просеминары, семинары, коллоквиумы.

В современной образовательной системе Республики Беларусь семинарские занятия не разделяются на собственно просеминарские и семинарские. Под одним понятием семинарское занятие используются два вида семинаров: семинар в форме докладов и сообщений и семинар-диспут в вопросно-ответной форме. Семинар-диспут имеет и особую цель – формирование оценочных суждений, утверждение мировоззренческих позиций.

Просеминар, как показывает само название, – занятие, подготавливающее, подводящее к семинару. Просеминары в БГУ проводились на первых курсах правового, социально-исторического и этнолого-лингвистического отделений, а также на рабфаке [1, л. 10]. Основная образовательная цель, преследуемая преподавателями на просеминарах, – научить студента, как ни странно это прозвучит, отвечать. Ответ на вопрос должен был быть развернутым, аргументированным, с четкой авторской позицией и, по возможности, оценочным. Для этого, по мнению профессора С. М. Василейского, студентов необходимо ознакомить со спецификой самостоятельной работы с тематической литературой, источниками, методикой работы над ними [2, л. 86]. Такого же мнения придерживался и ассистент кафедры общей теории и права М. И. Гутковский. Своих студентов первого курса на таких занятиях он учил работать с несколькими источниками, а также излагать отобранный материал в соответствии с темой и поставленной целью [3, л. 18–18 об.]. Профессор русской истории Д. А. Жаринов неоднократно подчеркивал, что задачей просеминаров является детальное ознакомление слушателей с разными авторскими позициями «по одному и тому же вопросу» [2, л. 110]. Особое внимание студентов обращалось на недопустимость плагиативного подхода при решении научных проблем.

Также на просеминарах преподаватели разбирали со студентами спорные или трудные

вопросы, возникшие во время прочтения лекций, могли рассматриваться темы, не получившие лекционного освещения. При подробном рассмотрении отдельных вопросов лекционного курса студентам объясняли методику работы, показывали подходы к разработке тех или иных вопросов. Кроме того, на просеминарах студенты писали рефераты на определенные темы, чтение и обсуждение которых проходило под руководством руководителя просеминара [3, л. 23].

Более серьезные учебные и воспитательные задачи решались на семинарах на II–III курсах. Семинары предполагали уже самостоятельную работу студентов над заданной преподавателем темой и выступление с докладом. При написании доклада студенты должны были использовать работы нескольких авторов, в той или иной степени затрагивающих изучаемый вопрос. На семинарах студент должен был зачитать доклад, ответить на вопросы своих товарищей и преподавателя. Темы читались в порядке плана [3, л. 18].

По форме проведения семинарские занятия представляли собой развернутую беседу по плану, заранее сообщенному студентам, или небольшие доклады студентов с последующим их обсуждением участниками семинара. Метод докладов предполагал обмен мнениями по ним и дискуссию по выдвинутым спорным положениям, т. е. момент живой беседы. Так проводили свои семинарские занятия профессор кафедры тавароведения Г. А. Каплан [3, л. 22], преподаватели-ассистенты Ф. И. Гавзе [3, л. 22] и В. О. Вертука [4, л. 5].

Специальные семинары на IV–V курсах должны были вырабатывать у студентов исследовательский подход к материалу. Высшей ступенью практических занятий считались диспуты или коллоквиумы, на которых студенты должны были уметь аргументированно защитить свою точку зрения или столь же аргументированно выступить оппонентом докладчика. На такого рода занятиях студентов ориентировали на групповую работу с использованием специальных приемов (например, моделирование ситуаций).

В своем отчете за 1923/1924 учебный год ассистент Ф. И. Гавзе так описывает семинарские занятия на правовом отделении БГУ: «<...> Занятия велись в форме бесед со студентами <...> все изученные нами нормы права применяли к практическим примерам, казусам, которые придумывались на месте студентами или предлагались мной» [3, л. 23].

Однако поиск новых образовательных технологий, методик и форм организации учебной деятельности привел к повсеместному применению

в БГУ бригадно-лабораторного метода. Просеминары, семинары и коллоквиумы теряли в таких условиях «преемственность».

Заключение. Таким образом, общепринятая в современной высшей школе лекционно-семинарская система получила свое развитие в первые

годы деятельности Белорусского государственного университета.

Преподаватели, проводя семинарские занятия, старались неформально подходить к их организации, о чем свидетельствуют многочисленные документы.

Литература

1. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 81.
2. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 41.
3. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 87.
4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 86.

References

1. NARB. Fund 205. I. 1. F. 81.
2. NARB. Fund 205. I. 1. F. 41.
3. NARB. Fund 205. I. 1. F. 87.
4. NARB. Fund 205. I. 1. F. 86.

Информация об авторе

Мосейчук Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории России. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Information about the author

Maseichuk Liudmila Ivanovna – PhD (History), Researcher, the Department of History of Russia. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Поступила 02.09.2019

УДК. 94(470)(476):323.1

А. А. Райченко

Белорусский государственный технологический университет

**НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В БССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ. XX В.**

В данной статье исследуется проблема реализации идеи белорусской государственности во второй половине 20-х гг. XX в. Раскрываются основные причины как внутреннего, так и внешнего характера, которые привели к постепенному свертыванию политики белорусизации в БССР, переходу сначала к жестко централизованным, а после и к тоталитарным способам управления как в республике в частности, так и целом в СССР. Анализируется эволюция взглядов республиканской советско-партийной элиты на понимание проблемы национально-государственного строительства в БССР и влияния на эту эволюцию центрального партийного руководства СССР. Раскрываются положения основных правовых документов того времени и в первую очередь конституции БССР 1927 г., в которых по-новому определяются характер и формы воплощения белорусской государственности на советской основе, а также вскрываются причины поворота советского руководства в деле национально-государственного строительства в БССР в сторону догматического марксизма. Делается предположение, на каких проблемах собиралось сосредоточить свое внимание руководство БССР, вынужденное к концу 1920-х г. значительно поступиться своими полномочиями в пользу центральных органов СССР.

Ключевые слова: государственность, БССР, СССР, конституция, суверенитет, нация.

A. A. Raichonak

Belarusian State Technological University

**NATIONAL-STATE CONSTRUCTION IN THE BSSR
IN THE SECOND HALF OF 1920s**

This article explores the problem of implementing the idea of Belarusian statehood in the second half of the 1920s. The main reasons of both internal and external nature are revealed, which led to the gradual curtailment of the policy of Belarusization in the BSSR, the transition to rigidly centralized, and then to totalitarian methods of governance in the republic in particular and in the USSR as a whole. The evolution of the views of the republican Soviet-party elite on the understanding of the problem of nation-state building in the BSSR and the influence on this evolution of the central party leadership of the USSR is analyzed. The provisions of the main legal documents of that time and, first of all, the 1927 Constitution of the BSSR are revealed, in which the nature and forms of the embodiment of Belarusian statehood on a Soviet basis are determined in a new way, as well as the reasons for the turn of the Soviet leadership in the national-state case are revealed construction in the BSSR towards dogmatic Marxism. An assumption is made on what problems the leadership of the BSSR was going to focus, forced by the end of the 1920s, to give up significantly its powers in favor of the central organs of the USSR.

Key words: statehood, BSSR, USSR, constitution, sovereignty, nation.

Введение. Вторая половина 20-х г. XX ст. характеризуется постепенной трансформацией подходов в реализации национальной политики в СССР, что не могло не сказаться на взаимоотношениях центра и республиканских правительств. Эти изменения были вызваны несколькими обстоятельствами как внутреннего, так и внешнего характера. К внутренним следует отнести внутрипартийную борьбу за власть, развернувшуюся после смерти Ленина и приведшую в конце концов к победе группировки Сталина и как следствие его видения перспектив национально-государственного строительства в СССР, что по существу означало возврат к идеям автономизма. Сюда же следует отнести политику индустриализации и коллективизации, проводившуюся в то время

в стране и приведшую в конце концов партийное руководство к идее сверхцентрализации государственного управления в СССР. Во внешнеполитическом положении СССР также произошли значительные изменения. В первую очередь стало окончательно понятно, что перспективы Мировой революции откладываются на неопределенное время, кроме того, деятельность Коминтерна привела к обострению отношений между СССР и странами Запада, который склонен был рассматривать ее как подрывную.

Основная часть. Временное поражение коммунистов в Китае, на победу которых Коминтерн возлагал надежды как на продолжение мировой революции, а также разрыв отношений с Англией были восприняты в СССР как начало

подготовки к открытой агрессии со стороны западных государств.

На пленуме ЦК КП(б)Б, который состоялся 20–22 июня 1927 г., речь шла о растущей опасности иностранной интервенции, в связи с чем предлагалось усилить борьбу с внутренней оппозицией (Троцким, Зиновьевым, Каменевым и др.) По сути эти настроения появились прологом к дальнейшему усилению борьбы с национально-демократическим направлением белорусского национального движения.

Предпосылки этого процесса были заложены раньше. Уже в октябре 1925 г. в тезисах доклада ЦК КП(б)Б о белорусском движении за кордоном белорусской эмиграции была дана следующая характеристика: «авантюристская, продажная по своей сути белорусская эмиграция, безусловно, все же представляет реальную угрозу для развития здорового национального и революционного движения в указанных странах, а также для деятельности полпредств, часто вынужденных опираться на нее для осуществления своих задач» [1, л. 451]. В отношении к ней предлагалось или перетаскивать ее для работы на территорию республики, или отказаться от всякого сотрудничества.

В следующем году на пленуме ЦК КП(б)Б, проходившем 12–15 марта, была принята специальная резолюция «О работе среди интеллигенции», в которой в частности говорилось: «В рядах белорусской интеллигенции по обе стороны границы, отмечаются за последний период, наряду с приближением части ее к Советской власти и идеям коммунизма, дальнейшая кристаллизация национал-демократических настроений и идей. Поскольку настроения обеих частей белорусской интеллигенции (закордонной и здешней), вызываемого, разумеется, совершенно различной социально-политической обстановкой, находятся в известном взаимодействии, их возможно и нужно рассматривать в единой связи» [2, с. 314]. Как видно, в данном контексте национал-демократизм преподносится как совсем негативное явление, которое по идейному содержанию противостоит коммунистическому пониманию идеи белорусского государственности. Кроме того, фактически вся белорусская интеллигенция обвиняется в национал-демократизме. Далее, после характеристики основных процессов среди белорусской интеллигенции даются основные «симптомы» национал-демократизма: 1) отрицание диктатуры пролетариата; 2) ориентация на крестьянство; 3) стремление влиять на государственный аппарат; 4) белорусский шовинизм по отношению к национальным меньшинствам. Характеризуя основные группы белорусского интеллигенции, определяется и такая группа: «активно враждебная, маскирующаяся

зачастую показной советской лояльностью» [2, с. 315].

Несмотря на то, что в национализме упрекается и еврейская, и русская, и польская интеллигенция, далее в постановлении отмечается: «...максимальное политическое значение в масштабе БССР имеют позиции белорусской интеллигенции, как наиболее активной, многочисленной и связанной с основными массами крестьянства» [2, с. 316].

Процесс поиска внутреннего врага и нагнетание военной истерии с 1927 г. становится неотъемлемой частью общественной жизни БССР. В закрытом письме ЦК КП(б)Б всем членам КПБ(б) о международном положении, которое было разослано в июне 1927 г., говорилось: «Международная ситуация в настоящее время характеризуется усиленной подготовкой империалистов к войне против СССР.

...Осложнение нашего положения, активные действия империалистов, рост международной реакции против нас и рабочего класса всего мира вызывают усиленное организационное оформление антисоветской общественности внутри Союза Советских Республик.

...Приграничность нашего положения в случае войны настоятельно требует от каждого члена партии в первую очередь быть подготовленным к войне.

...Организация атак, взрывов, поджогов, террористических актов в отношении ответственных работников СССР, усиление шпионской деятельности империалистов, рассчитанных на подрыв нашей мощи изнутри, требуют в настоящее время со стороны парторганизаций большего внимания к Государственному политическому управлению и максимуму поддержания всей партии, рабочего класса работе ГПУ» [3, л. 73].

Опираясь на все вышесказанное, можно отметить, что, начиная с этого времени, постепенно создаются предпосылки для широкой борьбы с так называемым национал-демократизмом, которая развернулась в ближайшие годы и привела к уничтожению значительной части белорусской интеллигенции, что, в свою очередь, положило конец всяческим дискуссиям относительно путей развития белорусского государственности.

В это же время происходит окончательное закрепление советского понимания идеи белорусского государственности. Этапным в этом смысле является 1927 г. В этот год произошел VIII Всебелорусский съезд Советов и принятие им же второй Конституции БССР.

Но и в это время наблюдаются определенные колебания в понимании белорусского государственности в правящих кругах БССР. Так, в речи председателя ЦИК БССР А. Г. Червякова

на 4-й сессии ЦИК БССР 7-го созыва о международном положении от 18 января 1927 г. говорилось: «Советская Белоруссия увеличила свою территорию, число населения, расширила базу для своего экономического и культурного строительства. Советская Белоруссия есть часть Советского Союза, который является единственным государством, государством добровольной связи между советскими республиками» [4].

Но в Конституции БССР, которая была утверждена 11 апреля 1927 г., идея белорусской государственности была закреплена в несколько ином виде.

Как видно из Конституции, победил, скорее не без давления центрального руководства РКП(б), догматический марксистский подход, определявший БССР как государство диктатуры пролетариата, хотя представителями различных белорусских кругов поднимался вопрос о замене лозунга «диктатуры пролетариата» на лозунг «диктатуры трудового народа», поскольку пролетариат в Беларуси остался непоколебимым в этом вопросе.

Можно предположить, что эта норма была введена под давлением центрального руководства СССР, так как непонятно, почему данное положение отсутствует в конституции РСФСР 1925 г. и есть в Конституцию БССР 1927 г.

Во-первых, как известно, образование СССР и принятие его Конституции требовало внесения соответствующих изменений в конституции союзных республик. Так, новая конституция РСФСР была принята уже в 1925 г., а новая белорусская – только в 1927 г. Исследователи истории и права Беларуси В. А. Круталевич и И. А. Юхо объясняют это тем, что разработка новой конституции началась еще в марте 1924 г. на VI Всебелорусском чрезвычайном съезде Советов, «но проект Конституции БССР, подготовленный в 1924–1925 гг., что закреплял широкие полномочия высших органов республики, был отклонен. В начале 1927 г. по решению Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Беларуси была образована конституционная комиссия, которая и подготовила нужный проект Конституции, который был одобрен Бюро ЦК КП(б)Б» [5, с. 158].

Но если рассматривать процессы, которые проходили в то время в Беларуси, как комплекс государственно-национального творчества, то несмотря на проигрыш на государственном направлении, на национально-культурном уровне борьба еще продолжалась, что нашло отражение и в Конституции БССР 1927 г. Так, в ней содержатся статьи 22 и 24 часть «б», которые не только не имеют аналогов в Конституции РСФСР, но по своему духу соответствуют предыдущему процессу национального возрождения.

Статья 22 фактически закрепляет ведущую роль за белорусским языком, что дает основания полагать, что в 1927 г. у руководства БССР, несмотря на борьбу с «белорусским шовинизмом», не наблюдалось стремлений к свертыванию политики белорусизации, так как иначе не имело смысла специально закреплять за белорусским языком статус языка, предпочтительного для общения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями.

Возможно, еще больший интерес имеет часть «б» статьи 24, в которой говорится, что: «К исключительной компетенции Всебелорусского съезда Советов принадлежит:

...б) решение, в соответствии с Конституцией Союза Советских Социалистических Республик, вопросов об изменении границ Белорусской Советской Социалистической Республики».

По нашему мнению, это свидетельствует, что территориальный вопрос в это время тоже считался окончательно решенным. И хотя, как показалось время, вопрос о восточных границах больше не поднимался, можно предположить, что именно это направление имело в виду. Тому есть определенные подтверждения. Во-первых, в рассматриваемое время ВКП(б) уже отказалась от идеи перманентной революции. Во-вторых, была также свернута подготовка восстания в Западной Беларуси. И первое, и второе хорошо было известно руководству БССР, а рассчитывать как-то иначе изменить западную границу в то время не представлялось возможным. Кроме того, в статье идет речь о Конституции СССР, и логичней предположить, что имеется в виду изменение границ именно в данном государстве. Следует также учитывать тот факт, что, как известно, не все те земли, на которые претендовала БССР, были включены в ее состав во время укрупнений 1924 и 1926 гг. Как свидетельствуют архивные документы, руководство БССР не считало процесс формирования территории завершенным.

Но кулуарные переговоры – это одно, а закрепление в конституции механизма изменения границ – это фактически начало данного процесса, и если бы в стране не установилась тоталитарная система, неизвестно, как далеко он мог бы зайти.

В плоскости развития идеи белорусской государственности вышесказанное означает, что вынужденное поступиться государственным суверенитетом руководство БССР сконцентрировало свое внимание на тех направлениях, где национально-государственное творчество было еще возможно. Это культурное возрождение и собирание белорусских этнографических земель. В 1927 г. руководство БССР не считало необходимым сворачивать данные процессы.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что в период второй половины 20-х г. XX в. в национально-государственном строительстве БССР наблюдались противоречивые тенденции. С одной стороны, начался процесс постепенной ликвидации тех небольших признаков государственного суверенитета, которые имелись у союзных республик, с другой стороны, процесс белорусизации и территориальной

консолидации виделся руководством БССР как еще не до конца завершённый. В этой связи вынужденное поступится частью своих полномочий в пользу центрального руководства СССР, оно видело свою миссию в продолжении культурной работы, широко развернувшейся еще в начале 1920-х гг., а также в закреплении белорусской государственности на советской основе.

Литература

1. НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 6.
2. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 1. 1918–1927. Минск, 1983. 526 с.
3. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 67.
4. Звезда. 1927. 20 января.
5. Круталевич В. А., Юхо І. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.). Мінск: Беларуская навука, 2000. 238 с.

References

1. NARB. Fund 4. I. 3. F. 6.
2. *Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov i plenumov TsK.* [The Communist Party of Belarus in the resolutions and decisions of the congresses and plenums of the Central Committee] Vol. 1. 1918–1927. Minsk, 1983. 526 p.
3. NARB. Fund 4. I. 21. F. 67.
4. *Zvyazda* [Star]. 1927. January, 20.
5. Krutalevich V. A., Yukho I. A. *Gistoryya dzyarzhavy i prava Belarusi (1917–1945 gg.)* [History of state and law of Belarus (1917–1945)]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2000. 238 p.

Информация об авторе

Райченко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: raichonak@belstu.by

Information about the author

Raichonak Aliaksandr Aliaksandravich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: raichonak@belstu.by

Поступила 12.09.2019

УДК 94(476)

І. А. Андарала

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**СТАН ШКОЛЬНОЙ АДУКАЦЫІ Ў БЕЛАРУСІ
Ў ГОД ВЫЗВАЛЕННЯ РЭСПУБЛІКІ АД НЯМЕЦКІХ ЗАХОПНІКАЎ**

У артыкуле на аснове вывучэння архіўных матэрыялаў даецца характарыстыка стану школьнай адукацыі рэспублікі напярэдадні канчатковага вызвалення рэспублікі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Разглядаюцца ўмовы і цяжкасці, якія суправаджалі аднаўленне сеткі школ, іх матэрыяльна-тэхнічнай базы, арганізацыю вучэбнага працэсу, закранаецца праблема забеспячэння школ настаўніцкімі кадрамі.

Ключавыя словы: адукацыя, школа, матэрыяльная база, вучэбны працэс, педагагічныя кадры.

I. A. Andarala

Belarusian State Technological University

**STATE OF SCHOOL EDUCATION OF BELARUS IN THE YEAR OF LIBERATION
OF THE REPUBLIC FROM GERMAN CAPTURES**

Based on the study of archival materials, the article describes the state of school education in the republic just before the final liberation of the republic from the Nazi invaders. We consider the conditions and difficulties that accompanied the renewal of the network of schools, their material and technical base, the organization of the educational process, and the problem of providing schools with teaching staff.

Key words: education, school, material base, educational process, teaching staff.

Уводзіны. У гэтым годзе Беларусь адзначыла 75-ю гадавіну з дня канчатковага вызвалення сваёй тэрыторыі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Каб у поўнай меры ацаніць поспехі, дасягнутыя нашай краінай за гэты гістарычны перыяд, неабходна вярнуцца ў тыя далёкія 1940-я гады, калі пачыналася і адбывалася пасляакупацыйнае аднаўленне фактычна поўнаасцю разбуранай народнай гаспадаркі і сацыякультурнай сферы. Сказанае ў поўнай меры адносіцца і да сістэмы школьнай адукацыі рэспублікі, якая сёння аб'ядноўвае 3067 устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з кантынентам 994,5 тысячы навучэнцаў.

Трэба адзначыць, што працэс пасляакупацыйнага аднаўлення школьнай адукацыі і яе стан напярэдадні поўнага вызвалення рэспублікі ад нямецкіх захопнікаў у пэўнай ступені знайшоў сваё асвятленне ў юбілейных нарысах, прысвечаных развіццю народнай адукацыі БССР за гады савецкай улады. Яны належалі пярэму кіраўнікоў асветы рэспублікі І. М. Ільюшыну [1], П. В. Саевічу [2], С. А. Умрэйку [3] і былі напісаны з мэтай прапаганды поспехаў агульнаадукацыйнай школы. Гэтыя працы пранікнуты палітычнымі ідэямі, якія ў гатовай форме спускаліся «зверху» і не падлягалі крытыцы. Аўтары асноўную ўвагу засяроджваюць на адлюстраванні дзейнасці партыйных арганізацый і ўладных структур па кіраўніцтве агульнаадукацыйнай школай. У публікацыях прыводзяцца самыя агульныя звесткі аб пасляакупацыйным аднаўленні і развіцці школьнай адукацыі: колькасць школ, навучэнцаў у іх, поспехі ў ажыццяўленні ўсенавуча, аб'ём сродкаў, выдзеленых на развіццё школьнай адукацыі.

Фактычны матэрыял падаецца ў мажорным тоне, без глыбокага аналізу, тэарэтычных абагульненняў і высноў.

Асноўная частка. За перадваеннае дзесяцігоддзе ў Беларусі была створана і паспяхова функцыянавала дастаткова разгалінаваная сістэма агульнай сярэдняй адукацыі. Яна ўключала тры тыпы агульнаадукацыйных школ: пачатковую школу – 4 гады навучання, няпоўную сярэдняю – 7 гадоў і сярэдняю – 10 гадоў. Напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны, у 1940/41 навучальным годзе, сетка школьнай адукацыі, якая пашырылася ў 1939 годзе за кошт школ далучаных да рэспублікі заходніх абласцей, налічвала 13 043 школы. З іх пачатковых – 9229; сямігадовых – 2841; сярэдніх – 973. Ва ўсіх тыпах школ навучалася 1 826 129 вучняў. У I–IV класах – 1 281 363; V–VII – 455 847; VIII–X – 88 919 чалавек. Школы мелі адносна добрую матэрыяльную базу: былі забяспечаны школьнай мэбляй, абсталяванымі спецыяльнымі кабінетамі, вучэбна-нагляднымі дапаможнікамі, пры кожнай школе функцыянавала бібліятэка з кніжнымі фондамі ад 500 (у пачатковай школе) да 5000 кніг (у сярэдняй школе). Навучальны працэс у школах забяспечвалі 60 724 настаўнікі, большасць з якіх мела сярэдняю і вышэйшую педагагічную адукацыю [4, л. 186].

У выніку вайны і за гады жорсткай акупацыі сістэма школьнай адукацыі рэспублікі панесла вялікія матэрыяльныя і кадравыя страты. Так, у Мінскай вобласці з працаваўшых да пачатку вайны 1621 школы 771 была ўзарвана або спалена, астатнія разбураны, знішчана ўсё гаспадарчае і вучэбнае абсталяванне школ, падручнікі і наглядныя

дапаможнікі. У Бягомльскім раёне гэтай вобласці нямецкія акупанты поўнасцю знішчылі ўсе 84 школьныя будынкі, у Пleshчаніцкім раёне – 54 будынкі з 61 [5, л. 167].

У Гомельскай вобласці з 846 будынкаў школ было знішчана 508, спалена 70 тысяч парт, 37 тысяч класных дошак, абсталяванне 177 хімічных і фізічных кабінетаў, 1,5 мільёна тамоў вучэбнай і мастацкай літаратуры [6, л. 62].

У Палескай вобласці з 1003 школ, якія функцыянавалі перад пачаткам вайны, былі спалены і разбураны 604. Школьныя будынкі, якія ўцалелі, знаходзіліся ў паўразбураным стане – адсутнічалі падлогі, вокны, дзверы. Абсталяванне школ, бібліятэкі, вучэбна-наглядныя дапаможнікі, падручнікі былі знішчаны. У Лельчыцкім і Капаткевіцкім раёнах вобласці наогул не ўцалела ні адна школа [7, л. 279].

Падобная сітуацыя назіралася і ў іншых абласцях. У цэлым па рэспубліцы было поўнасцю спалена і разбурана 6808 будынкаў школ, або больш за 50% даваеннай колькасці [4, л. 184]. Уцалелыя будынкі патрабавалі істотнага рамонту, неабходна было поўнасцю ўзнавіць школьную маёмасць, абсталяванне кабінетаў, бібліятэкі, падручнікі.

Акрамя матэрыяльнага, агульнаадукацыйнай школе рэспублікі быў нанесены істотны кадравы ўрон. Многія з настаўнікаў, якія знаходзіліся на акупіраванай тэрыторыі, былі расстраляны, павешаны, вывезены на працу ў Германію. Аб маштабах рэпрэсій у дачыненні да настаўнікаў яскрава сведчыць той факт, што толькі ў Баранавіцкай вобласці фашысты знішчылі 248 настаўнікаў і 83 вывезлі ў Германію [7, л. 12]. У Свідзельскім раёне ад рук захопнікаў загінула 50 настаўнікаў [6, л. 94].

Да аднаўлення фактычна поўнасцю разбуранай школьнай гаспадаркі рэспубліка прыступіла ўжо восенню 1943 года, калі толькі пачалося вызваленне ўсходніх раёнаў ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў, а на большай частцы тэрыторыі вяліся актыўныя баявыя дзеянні. Партыйным і савецкім кіраўніцтвам краіны і рэспублікі аднаўленне школьнага навучання разглядалася як неад’емная ўмова нармалізацыі ўсяго жыцця на вызваленай тэрыторыі і як стратэгічная задача ідэалагічнага, гаспадарчага і абароннага значэння. Аб гэтым сведчыць прынятая 1 студзеня 1944 года сакрэтная пастанова СНК СССР і ЦК ВКП(б) «Аб бліжэйшых задачах Саўнаркома БССР і ЦК КП(б)Б», якая абавязвала партыйна-савецкае кіраўніцтва Беларусі «аднавіць у 1944 годзе ў вызваленых раёнах сетку пачатковых і сярэдніх школ, ахапіць навучаннем усіх дзяцей школьнага узросту» [8, с. 37].

Першымі аднаўляць дзейнасць агульнаадукацыйных школ пачалі вызваленыя раёны Палескай, Магілёўскай і Гомельскай абласцей. Перад партыйна-савецкім кіраўніцтвам і аддзелаў народнай адукацыі гэтых абласцей і вызваленых раёнаў

была пастаўлена задача правесці ўлік дзяцей школьнага ўзросту, аператыўна адрамантаваць школьныя будынкі і прыстасаваныя для іх памяшканні, укамплектаваць школы педагогічнымі кадрамі і неадкладна пачаць вучэбныя заняткі.

Магілёўскі абласны аддзел народнай адукацыі пачаў сваю дзейнасць па арганізацыі школьнага навучання ўжо ў кастрычніку 1943 года, калі было поўнасцю вызвалена толькі 8 раёнаў вобласці [6, л. 2].

У Гомельскай вобласці першымі аднавілі сваю дзейнасць школы Добрушкага, Церахаўскага і Свяцілавіцкага раёнаў. На 15 лістапада 1943 года ў Добрушскім раёне працавала 11 пачатковых школ з кантынентам навучэнцаў 1639 чалавек, Церахаўскім раёне – 15 школ (13 пачатковых і 2 няпоўныя сярэднія школы), у Свяцілавіцкім раёне – 10 пачатковых школ [9, л. 43].

У Палескай вобласці падрыхтоўка да школьнага навучання пачалася ў лістападзе 1943 года [3, л. 20]. Праз два месяцы, у снежні 1943 года, заняткі пачаліся ў школах Брагінскага, Камарынскага і Хойніцкага раёнаў [6, л. 34].

Па меры вызвалення тэрыторыі ад нямецкіх захопнікаў да аднаўлення школьнай адукацыі неадкладна прыступалі іншыя вобласці рэспублікі. Так, Бражэзаская і Пушкоўская школы Лёзненскага раёна Віцебскай вобласці пачалі сваю дзейнасць ужо на другі дзень пасля выгнання захопнікаў [6, л. 11].

Галоўнай праблемай, якая стрымлівала аднаўленне школьнага навучання ў першыя пасляакупацыйныя месяцы, была фактычна поўная адсутнасць школьных памяшканняў. Яе рашэнне ўскладнялася па прычыне інтэнсіўных работ, якія вяліся на вызваленай тэрыторыі рэспублікі, па адбудове прамысловых аб’ектаў, сельскай гаспадаркі, транспарту, што патрабавала значных матэрыяльных, людскіх і фінансавых рэсурсаў. Як следства, цяжар работ па будаўніцтве і рамонтце школьных памяшканняў ляжыўся на плечы настаўнікаў, вучняў і іх бацькоў, якія прыкладалі вялікія намаганні, каб забяспечыць мінімальныя ўмовы для арганізацыі вучэбных заняткаў. Яны рамантавалі, абсталёўвалі, бялілі школьныя памяшканні, збіралі падручнікі, выраблялі мэблю, нарыхтоўвалі дровы. Пэўную дапамогу ў аднаўленні школьнага фонду аказвалі вайсковыя фарміраванні. Напрыклад, у Чавускім раёне вайскоўцы пабудавалі для школы будынак на шэсць пакояў [6, л. 48].

У гарадской мясцовасці аднаўленне школьнай адукацыі стрымлівалася яшчэ і па прычыне таго, што ўцалелыя будынкі школ былі заняты дзяржаўнымі арганізацыямі, устаноўмі, шпіталямі, ваеннымі часцямі. Спробы органаў адукацыі вярнуць памяшканні для выкарыстання па прызначэнні натыкаліся на супраціўленне тых структур, якія ў іх размяшчаліся. Працэс вяртання

школьным установам памяшканняў, якія ім належалі, палепшыўся толькі пасля прыняцця 5 сакавіка 1944 года пастановы СНК СССР «Аб парадку вяртання школьных памяшканняў, якія выкарыстоўваюцца не па прызначэнні».

Улічваючы становішча рэспублікі з аднаўленнем школьнага фонду, СНК СССР у складаных умовах ваеннага часу, згодна са сваёй пастановай ад 18 лютага 1944 года, выдаткаваў НКА БССР на правядзенне ў 1944 годзе капітальных работ па аднаўленні школьнай гаспадаркі 15 мільёнаў рублёў [10, л. 7], а ў красавіку гэтага ж года дадаткова яшчэ 5 мільёнаў рублёў на аднаўленне школьнай адукацыі ў Палескай, Гомельскай і Віцебскай абласцях [10, л. 30].

Намаганнямі мясцовых уладаў, раённых аддзелаў народнай адукацыі, грамадскасці да вясны 1944 года на вызваленай тэрыторыі рэспублікі ўдалося часткова аднавіць сетку агульнаадукацыйных навучальных устаноў і пачаць у іх вучэбныя заняткі. Але ў цэлым, як адзначалася ў загадзе народнага камісара асветы рэспублікі Е. І. Уралавай ад 8 сакавіка 1944 года «Аб ходзе аднаўлення школ у вызваленых раёнах БССР», у гэтай справе меліся істотныя недахопы [11, л. 168]. Па прычыне адсутнасці будаўнічых матэрыялаў, кваліфікаванай працоўнай сілы і транспарту капітальныя работы па школьным будаўніцтве ў рэспубліцы, нягледзячы на наяўнасць фінансавых сродкаў, не былі распачаты. Будаўнічыя работы вяліся толькі гаспадарчым спосабам і ў нязначным аб'ёме [4, л. 315].

Яшчэ адным стрымліваючым фактарам аднаўлення школьнай адукацыі быў дэфіцыт настаўніцкіх кадраў. Для забеспячэння вучэбнага працэсу ў школах, якія распачалі сваю дзейнасць на вызваленай тэрыторыі рэспублікі ў 1943/44 навучальным годзе, патрабавалася 12 329 чалавек, а ў наяўнасці было толькі 7513 настаўнікаў [12, л. 6]. Найбольш востра гэта праблема адчувалася ў заходніх абласцях рэспублікі. Так, у Палескай вобласці не хапала 1030 настаўнікаў [12, л. 4]. З прычыны іх адсутнасці ў вобласці не працавала 60 школ [13, л. 25].

Тым не менш, нягледзячы на ўсе складанасці, да канца 1943/44 навучальнага года ў вызваленых раёнах рэспублікі ўдалося аднавіць работу значнай колькасці школ і арганізаваць у іх вучэбныя працэсы для большай часткі дзяцей школьнага ўзросту.

Так, у чэрвені 1944 года ў вызваленых раёнах Магілёўскай вобласці працавалі 432 пачатковыя школы, 85 няпоўных сярэдніх і 16 сярэдніх школ. З іх 168 пачатковых школ размяшчаліся ў прыстасаваных будынках, у тым ліку зямлянках. Вучобай было ахоплены 53 626 чалавек: у I–IV класах – 42 030, у V–VII класах – 10 380 і ў VIII–X класах – 1216 вучняў. На жаль, 4465 дзяцей школьнага ўзросту так і засталіся неахопленымі вучобай у школе. У асноўным гэта былі жыхары спаленых вёсак, а таксама тых, хто не мог наведваць школу па прычыне адсутнасці вопраткі і абутку [6, л. 48].

У Палескай вобласці на канец 1943/44 навучальнага года аднавілі дзейнасць 332 школы. З іх: пачатковых – 268, сямігадовых – 58, сярэдніх – 6. Агульная колькасць навучэнцаў у іх складала 31 051 чалавек з 43 849 дзяцей школьнага ўзросту, якія падлягалі абавязковаму навучанню. Па розных прычынах (адсутнасць школьных памяшканняў, настаўнікаў, вопраткі і абутку ў дзяцей і інш.) 12 798 чалавек, або 29% ад агульнай колькасці дзяцей школьнага ўзросту, не наведвалі школу [6, л. 33].

У цэлым па рэспубліцы, па даных наркамсветы, у канцы 1943/44 навучальнага года ў рэспубліцы працавала 1458 школ з агульнай колькасцю навучэнцаў 147 092 чалавекі, у тым ліку 1146 пачатковых – з кантынгентам навучэнцаў 122 271 чалавек, 267 сямігадовых – 22 798 чалавек і 45 сярэдніх – 2489 чалавек [4, л. 325].

Пры аднаўленні сеткі школ у першы паслякупацыйны год органы народнай адукацыі на месцах зыходзілі галоўным чынам з неабходнасці арганізацыі работы пачатковых школ для дзяцей 8–13 гадовага ўзросту. Таму большасць (78%) аднавіўшых да канца 1943/44 навучальным года школ складалі сельскія пачатковыя школы. Яны, як правіла, размяшчаліся ў часткова адрамантаваных або прыстасаваных памяшканнях, у сялянскіх хатах, а часам нават у зямлянках і бліндажах. Прыстасаваныя для школ памяшканні не адпавядалі элементарным патрабаванням школьнай гігіены, мелі нязначныя памеры, земляныя падлогі, дрэннае асвятленне. Заняткі праводзіліся без вучэбных планаў, вучэбных праграм, падручнікаў, пісьмовых прыналежнасцяў. Напрыклад, у школах Магілёўскай вобласці кожны вучань малодшых класаў атрымаў на вучэбны год 2 сшыткі, старшых класаў – 4 сшыткі [6, л. 49]. Сур'ёзнай праблемай з'яўлялася дрэннае ацяпленне школьных памяшканняў. У зімовы перыяд у школах было холадна і вучням даводзілася вучыцца ў верхнім адзенні. Многія школы па прычыне адсутнасці дроў вымушаны былі нават прыпыніць вучэбныя заняткі.

Паколькі школьныя ўстановы аднаўлялі сваю дзейнасць па меры вызвалення тэрыторыі рэспублікі, то ў многіх раёнах вучэбны год пачаўся значна пазней за верасень. Як правіла, у гэтых школах новы праграмны вучэбны матэрыял не вывучаўся. На ўроках паўтаралася тое, што вывучалася ў даваенныя гады. У выніку, з агульнай колькасці працаваўшых у 1943/44 навучальным годзе школ праграмны матэрыял па вучэбных дысцыплінах быў засвоены толькі ў 586 школах [4, л. 327]. Испыты, што праводзіліся вясной 1944 года ў школах Брагінскага, Камарынскага і Хойніцкага раёнаў, паказалі, што ва ўмовах адсутнасці падручнікаў, вучэбна-наглядных дапаможнікаў, нізкай кваліфікацыі настаўнікаў засвоіць праграмны матэрыял на належным узроўні школьнікам

не ўдалося. Па гэтай прычыне іспыты ў многіх школах былі адменены [6, л. 35].

Заклучэнне. Ні ў якім разе не падвяргаючы сумненню маштабнасць і значнасць працы, праведзенай у рэспубліцы ў першы паслякупацыйны год па аднаўленні школьнай адукацыі, трэба адзначыць, што да заканчэння 1943/44 навучальнага года пытанні аднаўлення школьнай гаспадаркі, ахопу навучаннем усіх дзяцей школьнага узросту, забеспячэння школ педагогічнымі кадрамі так і засталіся нявырашанымі. Большасць

сельскіх пачатковых школ працягвала размяшчацца ў неадрамантаваных і непрыстасаваных памяшканнях. Адсутнасць матэрыялаў і вытворчай базы не дазволілі арганізаваць, як планавалася, выданне падручнікаў, выраб школьнай мэблі і пісьмовых прылад. 20 965 дзяцей школьнага ўзросту на канец навучальнага года так і не прыступілі да вучобы [4, л. 326]. Значная колькасць школ на вызваленай тэрыторыі не змагла аднавіць сваю работу па прычыне адсутнасці настаўніцкіх кадраў.

Літаратура

1. Ільюшын І. М., Умрэйка С.А. Народная асвета ў Беларускай ССР. Мінск: Вуч.-пед. выд-ва МА БССР, 1957. 357 с.
2. Саевіч П. В. Народное образование БССР за 30 лет. Минск: Госиздат БССР, 1948. 47 с.
3. Умрэйка С. А. 30 год савецкай школы ў БССР // Савецкая школа. 1949. № 1. С. 3–11.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 21.
5. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 30.
6. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 29.
7. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 34.
8. Освобожденная Беларусь. Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1. Сентябрь 1943 – декабрь 1944 / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2004. С. 34–39.
9. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 27.
10. НАРБ. Ф. 42. Воп. 6. Спр. 1.
11. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 32.
12. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 22.
13. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 28.

References

1. Il'yushin I. M., Umreyka S. A. *Narodnaya asveta u Belaruskay SSR* [National education in Belarusian SSR]. Minsk, Vuch.-ped. vyd-va MA BSSR Publ., 1957. 357 p.
2. Sayevich P. V. *Narodnoye obrazovaniye BSSR za 30 let* [National education of BSSR for 30 years]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1948. 47 p.
3. Umreyka S. A. 30 years of soviet school in BSSR. *Savetskay shkola* [Soviet school], 1949, no. 1, pp. 3–11 (In Belarusian).
4. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 4п. I. 17. F. 21.
5. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 30.
6. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 29.
7. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 34.
8. *Osvobozhdenaya Belarus'. Dokumenty i materialy. V 2 kn. Kn. 1. Sentyabr' 1943 – dekabr' 1944* [Liberated Belarus. Documents and materials. In 2 books. Book 1. September 1943 – December 1944]. Comp.: V. Adamushko [et al.]. Minsk, 2004. Pp. 34–39.
9. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 27.
10. NARB. Fund 4п. I. 6. F. 1.
11. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 32.
12. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 22.
13. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 28.

Інфармацыя пра аўтара

Андарала Ігар Аляксандравіч – кандыдат педагогічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: aia77@mail.ru

Information about the author

Andarala Igar Alexandrovich – PhD (Pedagogics), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic Belarus) E-mail: aia77@mail.ru

Паступіў 09.09.2019

УДК 338.43 «1976/1985»(476)

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1976–1985 ГГ.

В статье анализируется процесс комплексного преобразования аграрного сектора. Изучены направления технологического и технического перевооружения сельского хозяйства, политехнизации сельской общеобразовательной школы, учебные характеристики системы подготовки кадров новых механизаторских профессий, культурно-бытовое преобразование белорусской деревни. Выявлены взаимосвязь этих процессов и их влияние на изменение социально-демографической ситуации, прекращение оттока из сел в города молодого трудоспособного населения. Сделаны выводы о результативности комплексного подхода при решении всего спектра задач развития агропромышленного комплекса в условиях научно-технической революции. Определены причины недостаточной эффективности работы по ряду направлений.

Ключевые слова: автоматизация, интенсификация, политехнизация, межхозяйственная кооперация, всеобуч, материальное стимулирование, социальное переустройство.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

IMPLEMENTATION OF A COMPREHENSIVE APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE BELARUSIAN SSR IN 1976–1985

The article analyzes the process of complex transformation of the agricultural sector. Studied directions of technological and technical re-equipment of agriculture, Polytech-the organization of rural secondary schools, educational system characteristics training new machine operators occupations, and social-economic transformation of the Belarusian village. Interrelation of these processes and their influence on change of a social and demographic situation, the termination of outflow from villages to the cities of the young able-bodied population are revealed. Conclusions about the effectiveness of the integrated approach in solving the full range of problems of development of agriculture in the conditions of scientific and technological revolution. The reasons of insufficient efficiency of work in a number of directions are defined.

Key words: automation, intensification, Politechnical, interfarm cooperation, education, financial incentives, social reconstruction.

Введение. Советская экономика развивалась на плановой основе в рамках административной системы хозяйствования. Период реализации десятого и одиннадцатого пятилетних планов развития Белорусской ССР (1976–1985 гг.) был связан с задачами превращения республики в район высокоразвитого сельскохозяйственного производства, перевода земледелия и животноводства на промышленную основу и резкой интенсификации аграрного труда. При этом впервые в планах отчетливо проявился принцип комплексного подхода к решению проблем села и увязывание задачи достижения нового экономического роста производства с программами общего социального переустройства белорусской деревни.

Основная часть. Главным звеном в комплексе принимаемых партийно-хозяйственным руководством БССР мер был курс на кардинальное изменение технической и энергетической базы сельского хозяйства и превращения аграрного труда в разновидность индустриального.

В этой связи необходимостью становился переход от механизации наиболее трудоемких процессов к комплексной механизации целых отраслей сельскохозяйственного производства.

В исследуемый период складывались благоприятные предпосылки для решения этой задачи. Три четверти капитальных вложений, направляемых в сельское хозяйство республики, шли на его техническое перевооружение. В поставках машин селу все больший удельный вес занимали высокоскоростные автомобили, энергонасыщенные тракторы, комплексы машин в виде законченных поточных линий. Одновременно расширялись количество рабочих машин и оснастка техники всевозможными агрегатами, позволявшими исключать ручной труд в растениеводстве.

К 1984 г. были полностью механизированы посев и уборка зерновых, междурядная обработка пропашных культур, на 89% механизировано сенокошение, на 99,5% – копка картофеля, на 85% – сев и посадка овощей [1, с. 32].

Предметом особого внимания стала механизация животноводства как наиболее трудоемкой отрасли сельского хозяйства. В республике строились крупные комплексы и фермы, на которых была возможна автоматизация всех производственных процессов, осуществлялись реконструкция и техническое перевооружение старых, мелких ферм. В 1984 г. в помещениях с комплексной механизацией содержалось 71% поголовья свиней, 79% – птицы, на 93% механизирована подача вод на фермах крупного рогатого скота, более 80% коров переведено на машинное доение [1, с. 39].

Результатом технического переоснащения сельскохозяйственного производства стала устойчивая тенденция к повышению индустриальных характеристик аграрного труда и расширение сферы приложения технической квалификации. Актуальным стал вопрос обеспечения агропромышленного комплекса рабочими кадрами, обладающими новой технологической культурой и являющимися социальным резервом ускорения научно-технического прогресса. Особую остроту кадровой проблеме придавали отрицательные моменты в миграционных процессах. В отдельных хозяйствах и целых районах БССР масштабы и темпы оттока из села молодого населения стали превышать экономически целесообразные их размеры.

Партийное, советское и хозяйственное руководство республики определило следующий комплекс мер по решению данной проблемы: повышение роли сельской общеобразовательной школы в ориентации учащихся на сельскохозяйственные профессии; изменение содержания и организации подготовок механизаторских кадров в сети сельских профтехучилищ; распространение новых знаний и умений среди сельских тружеников через курсы всеобуча; перестройка сельских поселений, связанная с улучшением условий труда и быта людей, созданием в колхозах и совхозах необходимой социальной инфраструктуры.

В рамках реализации этих мер проводилась разносторонняя и достаточно масштабная работа. Политехнизация общеобразовательной школы обогатилась новыми формами, связанными с получением школьниками профессии в обязательном порядке, соединением обучения с производительным и общественно полезным трудом всех возрастных групп. В деле трудового воспитания сельской молодежи объединялись усилия учебных заведений, трудовых коллективов, общественности и семьи. Была налажена шефская помощь школам со стороны хозяйств по укреплению материально-технической базы трудового обучения, создана сеть стационарных лагерей труда и отдыха, организован производительный труд

самых школьников в составе трудовых объединений, сформирована сеть межшкольных учебно-производственных комбинатов, накоплен опыт популяризации в среде молодежи сельскохозяйственных профессий.

Получили распространение парады новой техники, праздник первой борозды, посвящение в хлеборобы, вечера чествования потомственных колхозных династий, тематические молодежные вечера. Лучшими результатами выделялись Мостовский, Столинский, Рогачевский, Шарковщинский районы. В 1983 г. в республике насчитывалось 380 сельских школ, в которых имелись все условия для углубленного производственно-трудового обучения [2, с. 13].

Наиболее перспективной формой подготовки технически грамотных рабочих кадров села были определены средние сельские профессионально-технические училища (ССПТУ). Начиная с 1976 г. проводилась значительная по масштабам и темпам программа их строительства и реконструкции. В сентябре 1984 г. все сельские профтехучилища были преобразованы в средние и включены в агропромышленные объединения. При этом проходила техническая модернизация и совершенствование их базы, исходя из требования: для каждой профессии – учебная мастерская, для каждого предмета – учебный кабинет или лаборатория, а также из учета норм технической эстетики и научной организации труда. Новая техническая база постепенно становилась реальной основой обучения молодежи принципиально новым профессиям, связанным с контрольно-измерительными приборами и автоматикой, а также профессиям широкого профиля, совмещенным и сложным.

Заметные усилия в вопросах совершенствования качества подготовки в СПТУ были направлены на повышение квалификации и профессионального мастерства инженерно-педагогических кадров училищ. Действовали курсы переподготовки работников СПТУ, функционировала сеть теоретических семинаров, школ политехнического и экономического образования, школ молодых мастеров, практиковалось изучение преподавателями и мастерами опыта лучших производственников непосредственно в хозяйствах. В рассматриваемый период произошло значительное пополнение педагогических кадров сельских ПТУ выпускниками инженерно-технических и педагогических вузов республики. В 1985 г. в СПТУ 94,6% преподавателей имели высшее образование [3].

Определенное количество квалифицированных рабочих кадров для села готовили курсы, организуемые непосредственно в хозяйствах и при отделениях Госкомсельхозтехники. Курсовая сеть была максимально приближена

к месту жительства людей, помогала охватить учебной всех желающих с учетом возраста, семейного положения, здоровья и четко ориентировалась на решение текущих проблем хозяйства, а также аграрного сектора в целом.

В 1980-х гг. подготовку механизаторов по широкому спектру новых профессий и повышение их квалификации вели 1 межрайонный и 6 областных хозрасчетных учебных комбината, 117 учебных пунктов районных объединений сельхозтехник, широкая сеть классов и кабинетов в колхозах и совхозах республики. Насущным требованием повышения эффективности курсового обучения была его связь с непосредственным внедрением индустриальных технологий и передовых приемов труда в сельскохозяйственное производство.

В рамках организационных и учебно-методических поисков в этом направлении результативными оказались формы обучения на базе полностью механизированных передвижных учебных классов для водителей, классов-цехов для подготовки специалистов животноводческих комплексов, наставничество, связь теоретического обучения с практикой прогрессивных технологий в передовых в этом отношении хозяйствах. Поиски повышения качества курсовой учебы привели к тому, что в областях начала осуществляться известная специализация учебной сети, связанная с переподготовкой механизаторов для работы на тракторах К-701, КСК-100, КПС-5Г, Е-280, Е-301.

Положительно влияло на подготовку кадров новых квалифицированных профессий для агропромышленного комплекса усиление взаимосвязи политехнизации школьного обучения с перестройкой обучения в системе профтехучилищ и курсов. Такая взаимосвязь обеспечивала преемственность профессиональной подготовки и закладывала основы единой системы непрерывного образования.

Однако ведомственная разобщенность учебной сети в изучаемые годы не была преодолена. На качество учебно-воспитательного процесса негативно отражались несогласованность планов подготовки квалифицированных кадров в их количественном соотношении и по новым специальностям, отсутствие единого методического руководства, формализм в профориентационной работе, недооценка воспитательного потенциала трудовых объединений школьников и учебной практики учащихся профтехучилищ.

Закрепление подготовленных квалифицированных кадров на селе, создание стабильных профессиональных рабочих коллективов были в прямой зависимости от эффективных форм организации и стимулирования их труда, создания

достойных условий проживания и отдыха в белорусской деревне.

Главной организационной формой механизаторского труда в полеводстве выступала производственная бригада с постоянными звеньями конечной продукции. С 1977 г. началась работа по распространению поточно-группового метода использования уборочных и транспортных средств, создания соответствующих механизированных постоянных и временных отрядов. Новая организация труда позволяла занимать каждого работника максимально с учетом его квалификации и практического опыта, ослабить зависимость заработка людей от технического состояния машин, улучшить рабочий режим, повысить производительность труда.

В животноводстве внедрялись коллективные формы обслуживания животного стада на основе технологического разделения труда, определяемого группированием животных по половозрастным признакам, продуктивности и т. д. Наибольшую эффективность и наилучшие режимы работы и отдыха животноводов обеспечивали поточно-цеховая технология и бригадно-звеньевая организация труда с введением двухциклического распорядка рабочего дня [4, с. 14].

Рационализация форм работы механизаторов и животноводов дополнялась улучшением условий по ее месту. С 1976 г. в республике была развернута программа строительства и реконструкции ремонтных мастерских и машинных дворов с комплексами необходимых сооружений, бытовыми помещениями, кабинетами по технике безопасности и комнатами для проведения технической учебы. Партийные, хозяйственные и советские органы проводили общественные смотры-конкурсы по обеспечению лучшей организации условий труда и отдыха механизаторских кадров, на лучший машинный двор, смотры красных уголков животноводческих ферм. Состояние ремонтно-эксплуатационной базы заметно улучшилось в Гомельской, Гродненской, Брестской областях.

В хозяйствах появились машинные дворы, где помимо производственных строений имелись сектора культурно-бытового обслуживания, диспетчерские пункты, душевые комнаты и комнаты медицинского обслуживания.

Важнейшим средством привлечения и закрепления на селе профессионально грамотных рабочих кадров выступает достойная оплата труда.

В рассматриваемый период были предприняты меры по значительному увеличению среднемесячной заработной платы рабочих совхозов и оплаты отработанного человеко-дня колхозников. В их числе общее повышение тарифных ставок, введение надбавок и ежегодных оплачиваемых отпусков в зависимости от стажа непрерывной

работы по специальности в данном хозяйстве, установление доплат к заработку в размере 10% лицам, имеющим звание «Мастер животноводства». Проводилось совершенствование внутриколлективных распределительных отношений, усиление общей направленности форм и методов материального стимулирования на конечные результаты труда. Распространенная в сельском хозяйстве индивидуальная сдельно-премиальная форма оплаты, зависящая в основном от объема выполненных работ, не стимулировала их качество и окончательные итоги. Поэтому в одиннадцатой пятилетке в сельскохозяйственном производстве Белорусской ССР начинается внедрение коллективного подряда и аккордно-премиальной оплаты труда. Несмотря на ряд трудностей и сложностей, в период 1981–1983 гг. просматривалась общая тенденция к усилению коллективного подряда, на котором в 1983 г. работало 3630 подразделений в земледелии и животноводстве с количеством занятых 53 225 человек [5, с. 56].

Существенное место в планах развития аграрного сектора экономики занимали вопросы социального переустройства деревни. С учетом перспектив развития конкретных хозяйств, экономической целесообразности, возможностей межхозяйственной кооперации была развернута программа строительства объектов жилищного, коммунального, культурно-бытового назначения, совершенствования планировки, застройки и благоустройства сельских населенных пунктов, укрепления материально-технической базы строительной индустрии.

В республике утвердился метод региональной застройки, при котором ускоренное развитие получают несколько населенных пунктов, становящихся опорными культурно-бытовыми центрами отдельных регионов. Одновременно велись работы по общему благоустройству, озеленению, капитальному ремонту жилого фонда и повышению уровня культурно-бытового обслуживания в остальных поселениях.

В целом по республике только за 1976–1980 гг. в сельской местности было построено 111 тыс. квартир, 209 комбинатов бытового обслуживания, 345 общеобразовательных школ на 176,3 тыс. ученических мест, детских дошкольных учреждений на 40,4 тыс. мест, клубов и домов культуры на 43,6 тыс. мест, автоматизировано телефонных станций емкостью 791 тыс. номеров, проложено 5,3 тыс. км дорог с твердым покрытием, газифицировано 436,6 тыс. квартир [6, с. 47, 48]. Значительное количество населенных пунктов было преобразовано в красивые и благоустроенные поселки.

За одиннадцатую пятилетку на селе было построено около 6 млн. м² жилья, 9,4 тыс. км дорог

с твердым покрытием, продолжилось инженерное обустройство населенных пунктов [7]. При этом был опробован и хозяйственный способ строительства, когда колхозы и совхозы создавали собственные постоянные строительные бригады.

Изменение облика белорусских сел и деревень, самого быта колхозников и рабочих совхозов определило некоторые демографические сдвиги. Если в целом по республике к концу рассматриваемого периода все еще происходил экономически нецелесообразный отток людей в города, то в хозяйствах с высоким уровнем жилищно-бытового и культурного строительства профессиональные рабочие кадры закреплялись, создавались стабильные трудовые коллективы. Такой пример демонстрировали в первую очередь те колхозы и совхозы, в которых велось экспериментально-показательное строительство.

Анализ выполнения планов переустройства труда и быта сельских тружеников показал наличие недостатков этой работы и нерешенных проблем. Не всегда правильно и умело происходил переход на новые формы организации и оплаты труда. Не соблюдался принцип добровольности, не хватало разъяснительной работы, не учитывались психологические моменты при формировании новых производственных структур в коллективе.

Социально-культурное и бытовое строительство на селе столкнулось со слабостью строительной индустрии, проблемой нерентабельности большого числа хозяйств, отсутствием у них свободных денежных средств, а также практики межхозяйственного кооперирования. Сказывалась и консервативность мышления, когда приоритетными считались производственные объекты, а ввод в строй объектов социального характера мог переноситься на значительные сроки. В силу сказанного сохранялась неудовлетворенность части молодежи условиями их быта и отдыха.

Выводы. Таким образом, в 1976–1985 гг. экономические показатели количественного роста сельскохозяйственного производства получили социальное измерение и были поставлены в зависимость от качества жизни тружеников села. Вытеснение физически тяжелого, монотонного, малопривлекательного ручного труда, развитие прогрессивных технологий и достижение нового профессионального уровня работников сельского хозяйства оценивалось с позиции улучшения общей демографической ситуации, формирования перспективной социально-профессиональной структуры населения.

Вопросы коммунально-бытового и культурного переустройства на селе стали предметом постоянного внимания и контроля со стороны партийного, советского, хозяйственного руководства

республики. Несмотря на наличие нерешенных проблем, реализация комплексного подхода ко всему спектру задач имела положительные результаты. Были заложены организационные и учебно-методические основы для обеспечения производства новыми специальностями агропро-

мышленного комплекса, заметно возросла индустриализация сельскохозяйственных работ, осуществлена широкая программа ликвидации раздробленности населенных пунктов и преобразования сельского быта, взяты под контроль миграционные процессы.

Литература

1. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1984 году: стат. ежегодник. Минск: Наука и техника, 1985. 115 с.
2. Сельские учебно-производственные комбинаты. Минск: Асвета і адукацыя, 1984. 83 с.
3. Настаўніцкая газета. 1985. 7 верасня.
4. Сельское хозяйство Белоруссии. 1983. № 4.
5. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1983 году: стат. ежегодник. Минск: Наука и техника, 1984. 139 с.
6. Коммунист Белоруссии. 1983. № 11.
7. Знамя Юности. 1986. 31 января.

References

1. *Narodnoye khozyaystvo Belorusskoy SSR v 1984 godu: stat. ezhegodnik* [The national economy of the Belarusian SSR in 1984: stat. yearbook]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1985. 115 p.
2. *Sel'skiye uchebno-proizvodstvennyye kombinaty* [Rural training and production plants]. Minsk, Asveta i adukatsyya Publ., 1984. 83 p.
3. *Nastaunitskaya gazeta* [Teacher's newspaper], 1985, September, 7.
4. *Sel'skoye khozyaystvo Belorussii* [Agriculture of Belarus], 1983, no. 4.
5. *Narodnoye khozyaystvo Belorusskoy SSR v 1984 godu: stat. ezhegodnik* [The national economy of the Belarusian SSR in 1984: stat. yearbook]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1984. 139 p.
6. *Kommunist Belorussii* [Communist of Belarus], 1983, no. 11.
7. *Znamya Yunosti* [Flag of Youth], 1986, January, 31.

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: iackush@yandex.ru

Information about the author

Yakush Nadzeshda Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iackush@yandex.ru

Поступила 10.09.2019

УДК 94(73)«17»:930(47)«1985/1991»

Н. А. Гурченко

Белорусский государственный университет

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII В. (1985–1991 ГГ.)**

В данной статье рассмотрены проблемы Американской революции XVIII в. в интерпретации советских историков 1985–1991 гг. Была предпринята попытка систематизации и анализа советской научной литературы, посвященной истории основания Соединенных Штатов. Автор поставил перед собой цель проанализировать тенденции в развитии советской американистики в указанный период, рассмотреть основные итоги работы специалистов в данной области. Как известно, эпоха «перестройки» характеризуется радикальными переменами в общественно-политической и научной жизни страны. На протяжении указанного периода происходила плюрализация методологии, исследователи были заняты поиском новых подходов к истории США. Особенностью советской исторической американистики был ее консерватизм, изменения в данной области науки происходили довольно медленно и начались относительно поздно. В связи с двухсотлетним юбилеем американской конституции 1787 г. выходили труды, посвященные истории политической борьбы вокруг создания, принятия и ратификации федеральной конституции Соединенных Штатов. Издавались и биографии американских политических деятелей того времени. Также советских исследователей интересовали такие проблемы, как роль афроамериканцев в деле основания США, сущность и роль лоялизма в годы Войны за независимость, развитие русско-американских отношений в XVIII в.

Ключевые слова: Американская революция, Война за независимость, историография, США, СССР.

N. A. Gurchenko

Belarusian State University

**SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE AMERICAN REVOLUTION
IN THE 18TH CENTURY (1985–1991)**

In this article there were reviewed problems of the American Revolution in the 18th century according to interpretation of soviet historians in 1985–1991. It was made an to systematize and analyse soviet historical literature devoted to history of the US foundation. The author had an aim to analyze tendencies in development of soviet American studies in this period and take a review of the main results in this area. It's known that epoch of "perestroika" is characterized by radical changes in socio-political and scientific life of the country. During this period it pluralization of methodology had happened, the researches were involved into searching for new approaches to the history of the USA. Conservatism was the feature of soviet historical American studies, changes in this kind of science were going on quiet slow and started relatively late. In connection with 200-years anniversary of the American Constitution in 1787 there were published works on the history of political struggle around creation, adoption and ratification of federal Constitution of the United States. Some biographies of American eminent personalities of that time were published. Soviet researchers were also interested in such problems as role of the African Americans in foundation of the USA, the loyalism entity and its role during the Revolution War, the development of Russian and American relationship in the 18th century.

Key words: the American Revolution, the Revolution War, historiography, the USA, the USSR.

Введение. С приходом к власти М. С. Горбачева в Советском Союзе начались изменения в политической, экономической и идеологической сферах, которые не могли не затронуть и историческую науку. На протяжении данного периода советские исследователи начали постепенно двигаться в сторону разнообразия теоретико-методологических подходов. Изменения затронули также американистику, советские исследователи истории США начали все чаще обращаться к опыту заокеанских коллег. Росло

советско-американское научное сотрудничество. Переломным в развитии американистики стал 1989 г., когда редакцию «Американского ежегодника» возглавил Н. Н. Болховитинов, который начал привлекать к публикации не только советских, но также и зарубежных авторов.

Основная часть. Во второй половине 1980-х гг. продолжали свою деятельность сектор США и Канады Института всеобщей истории АН СССР, Институт США и Канады АН СССР, Ленинградское отделение Института

истории СССР (ЛОИИ) АН СССР, лаборатория истории США при кафедре новой и новейшей истории МГУ, МГИМО, ЛГУ, региональные вузы. В Секторе всеобщей истории ЛОИИ была образована Группа по изучению истории США во главе с А. А. Фурсенко, также в Ленинграде действовала общегородская Группа по изучению истории США, ученым секретарем которой был В. А. Ушаков [1, с. 176].

В связи с 200-летием со дня принятия американской Конституции 1787 г. начали издаваться работы, посвященные развитию конституционного строя США. Книга «Конституция США: политико-правовой комментарий» (1985) [2] является первым подобным изданием в СССР. В ней дается правовой, политический и исторический комментарий положений Конституции США, ее изменений. Авторы положительно относятся к данному историческому документу, однако главной задачей издания было «показать расхождение между Конституцией США и реальностями американской политической практики» [2, с. 15].

В другой книге «США: конституция и права граждан» (1987) [3] рассматривались истоки американской концепции прав и свобод граждан в колониальный период, процесс принятия Конституции 1787 г. и Билля о правах. Критиковался первоначальный отказ включить Билль о правах в текст Конституции.

В третьей главе коллективной монографии «Черные американцы в истории США» (1986) [4] А. А. Зотов рассматривает экономическое, социально-политическое положение в колониях накануне Войны за независимость, классовый и национальный состав населения. Получили освещение такие проблемы, как положение рабов во время Американской революции XVIII в., «черный лоялизм», а также участие негров в освободительной борьбе североамериканских колоний.

В книге А. А. Зотова «США: негры и война за независимость, 1775–1783» (1988) [5] получила рассмотрение негритянская проблема в связи с Войной за независимость. На основе широкого круга источников было освещено рабство накануне освободительной войны, участие рабов и свободных негров в борьбе североамериканских колоний за независимость, «черный лоялизм», идеологическая борьба вокруг института рабства, корни расизма и аболиционизма, влияние революции на институт рабства в США. А. А. Зотов писал: «Существование неординарных, а порой и кардинальным образом расходившихся взглядов среди членов в континентальном конгрессе на отношение к участию негров в войне, да и на будущее всей системы рабовладения, отражало различные подходы к проблеме

разных слоев и социальных групп американского общества. Плантаторско-работорговому блоку удалось на определенное время добиться изоляции негров от революционной борьбы белых колонистов. Негры были исключены из континентальной армии. Но эта политика, поставившая лидеров движения перед угрозой военного поражения и послужившая причиной так называемого “черного лоялизма”, потерпела провал. Негритянская проблема серьезно повлияла на расстановку классовых сил в ходе революции. Развитие событий заставило руководство освободительного движения призвать сначала свободных негров, а потом и рабов в армию, что способствовало укреплению единого фронта революционеров и ускорило победу в войне за независимость, а затем привело к уничтожению рабства на Севере и создало историческую перспективу для его последующего уничтожения. Компромисс буржуазии с плантаторами-рабовладельцами, сохранивший систему плантационного рабства на Юге, привел к тому, что основным содержанием последующей 80-летней истории США стала ожесточенная борьба между рабовладельческим Югом и промышленным Севером за экономическую и политическую гегемонию в масштабах всей страны» [5, с. 191–192].

В монографии В. А. Ушакова «Американский лоялизм» (1989) [6] на основе широкого круга источников и литературы рассмотрены основные этапы истории лоялизма, его идеология, социальный состав, цели. В. А. Ушаков пишет: «В 60–80-е гг. XVIII в. происходило идейное и политическое размежевание американского общества. Многие фермеры, работники, ремесленники, мелкая буржуазия в городах и представители имущих верхов – купцы, судовладельцы, плантаторы и земельные спекулянты, предприниматели, а также священники, юристы, врачи, учителя и другие группы интеллигенции выступили в защиту своих интересов, против ужесточавшегося колониального курса Великобритании. Однако не все население принимало активное участие в развернувшейся борьбе. Ее накал в колониях был далеко не одинаковым, американцы втягивались в борьбу постепенно. Часть же американского общества – лоялисты, или так называемые тори, не участвовали в акциях патриотов, зачастую противились им, соблюдали верность королю и правительству и по-прежнему считали колонии неотъемлемой частью Британской империи. После начала военных действий немало лоялистов сражалось на стороне метрополии. Патриоты и лоялисты особенно отчетливо разграничились в годы войны за независимость США, но формирование двух противоборствующих лагерей началось задолго

до разрыва между Великобританией и ее американскими владениями» [6, с. 3–4].

В научно-популярном очерке В. В. Согрина «Джефферсон. Человек, мыслитель, политик» (1989) было дано новое прочтение биографии Т. Джефферсона, американского мыслителя и государственного деятеля, звездным часом которого стала Американская революция XVIII в., когда как раз происходило становление его «как личности и мыслителя» [7, с. 4]. Не умаляя значения Т. Джефферсона как исторической личности, В. В. Согрин обращает внимание на то, «что, исповедуя неизменно принцип равных естественных прав всех людей, сам он, подобно Вашингтону, Мэдисону и другим лидерам буржуазно-плантаторской республики, был работодателем» [7, с. 6].

В 1987 г. была издана книга сотрудника ИВИ АН СССР П. П. Черкасова «Генерал Лафайет. Исторический портрет», в которой рассказываются этапы биографии героя Американской и Французской революций XVIII в. и Июльской революции 1830 г. «Девятнадцатилетним юношей в 1777 г. он примкнул к освободительному движению тринадцати североамериканских провинций, борющихся против английского колониального гнета, став генералом повстанческой армии» [8, с. 3].

В 1991 г. П. П. Черкасов издал очерк «Генерал Лафайет. Политическая биография», которая радикально отличалась от предыдущих работ советских историков о маркизе Лафайете, герое Американской и Французской революций XVIII вв. Автор отмечает негативную оценку данного исторического деятеля в советской историографии и положительную в «буржуазной». Он объясняет это тем, что К. Маркс мимоходом сделал небольшое замечание по поводу деятельности Лафайета, которое советские историки 1920-х гг. возвели в абсолют, передав тем самым негативное отношение к данной личности следующим поколениям советских исследователей, которые не занимались исследованием биографии героя Войны за независимость. При этом П. П. Черкасов замечает, что советские американисты относились к Лафайету несколько мягче, чем франковеды. Это было обусловлено, по предположению автора, негативным отношением к Лафайету таких деятелей Французской революции XVIII в., как М. Робеспьер, Марат, Дантон, которые давали ему различные уничижительные прозвища, такие как «мнимый патриот» или «враг свободы» [9]. В своей работе П. П. Черкасов попытался пересмотреть позиции как советских, так и зарубежных исследователей маркиза Лафайета. При написании работы были использованы мемуары и переписка генерала Лафайета, работы зарубежных и советских авторов.

К 500-летию открытия Америки Н. Н. Болховитинов подготовил монографию «Россия открывает Америку. 1732–1799» (1991) [10], в которой получили рассмотрение русско-американские отношения во время Американской революции XVIII в., отношение к молодой республике русской общественности и в особенности А. Н. Радищева, которому посвящена отдельная глава. При рассмотрении отношения петербургского двора к событиям в Северной Америке автор приходит к выводу, что «русское правительство в своем отношении к войне США за независимость не руководствовалось в то время принципом легитимизма и не рассматривало американцев лишь как “мятежников” и “бунтарей” против законного монарха». В Санкт-Петербургском дворе считали, что «отделение колоний от метрополии не только не противоречит интересам России, но даже ей выгодно в части торговых ее интересов» [10, с. 54]. Тем не менее Россия отказалась признавать независимость Соединенных Штатов и устанавливать с ними дипломатические отношения, ограничившись политикой «вооруженного нейтралитета», которая, впрочем, была на руку американцам.

При анализе отношения русской общественности к Американской революции XVIII в. в сравнении с Французской Н. Н. Болховитинов отмечает, что первая не представляла большой угрозы для правящих кругов России, так как Соединенные Штаты располагались далеко за океаном, в отличие от Франции. Историк добавляет: «Для понимания причин более или менее объективной оценки событий Американской революции в русской печати следует учитывать и сохранение в 70–80-е годы XVIII в. некоторых остатков “либерализма” Екатерины II, “маскированных” уродливые формы крепостного строя в России» [10, с. 94].

Иных позиций придерживались передовые круги российского общества. Американской революцией восхищался А. Н. Радищев, которой посвятил оды «Вольность» и «Путешествие из Петербурга в Москву». Оценивая данные труды, Н. Н. Болховитинов пишет: «Без преувеличения можно сказать, что по глубине анализа событий и идей Американской революции, богатству мыслей и яркости изложения соответствующие места в оде “Вольность” и “Путешествии из Петербурга в Москву” Радищева могут быть отнесены к наиболее выдающимся откликам современной мировой литературы на Американскую революцию XVIII в. Характерно также, что по важнейшим вопросам освободительного движения А. Н. Радищев занимает последовательную и твердую позицию и находится, выражаясь современным языком, в авангарде мирового прогресса» [10, с. 127–128].

Изменения в общественной жизни Советского Союза конца 1980-х гг. затронули и советскую американистику. Однако они проникли в эту область довольно поздно. Во второй половине 1980-х гг. образовался разрыв между стремительно изменяющимися тенденциями общественной жизни и консерватизмом подходов в изучении истории США и исторической науки в целом. Это объясняется тем, что наука не могла перестраиваться так же быстро, как публицистика. Ее реформирование требовало некоторого времени, которое было необходимо для переосмысления материала и подходов. Главным реформатором американистики стал Н. Н. Болховитинов, который в конце 1980-х гг. возглавил «Американский ежегодник». Ему удалось превратить журнал в научное издание международного уровня, соответствующее современным академическим требованиям [11, с. 25–26].

Критикуя догматически понимаемый марксизм, Н. Н. Болховитинов подчеркивает и позитивные моменты в исследовании сквозь призму исторического материализма истории США, которая в Новое время развивалась «в общем и целом в соответствии с законами капиталистической формации» [12, с. 4]. Автор отстаивает мысль, высказанную им еще в начале 1970-х гг.,

о внутриформационном характере Американской революции XVIII в., не соглашаясь с господствовавшей в СССР концепцией, называвшей данную революцию «буржуазной». Н. Н. Болховитинов проводит четкие различия между европейскими буржуазными революциями XVII–XVIII вв. и Войной за независимость США, которая была направлена «не против феодальной системы как таковой, а лишь против ее отдельных сторон, против препятствий на пути свободного развития капитализма» [12, с. 5].

Заключение. Таким образом, к 1991 г. завершился советский период развития российской исторической американистики. Эпоха 1985–1991 гг., именуемая «перестройкой», принесла новые веяния в историческую науку. Хотя американистика была одной из наиболее консервативных отраслей исторической науки в СССР, тем не менее перемены произошли и здесь. В данный период советские историки интересовались конституционной историей Соединенных Штатов, американским лоялизмом, становлением русско-американских отношений, издавались биографии таких известных борцов за независимость Америки, как Т. Джефферсон и генерал Лафайет, а также труды на такие темы, как роль афроамериканцев в революционной войне, фермерское восстание Даниэля Шейса.

Литература

1. Возгрин В. Е., Смолин А. В. К 65-летию профессора В. А. Ушакова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2013. Вып. 1. С. 175–177.
2. Мишин А. А., Власихин В. А. Конституция США: политико-правовой комментарий. М.: Международные отношения, 1985. 336 с.
3. США: конституция и права граждан / под ред. И. А. Геевского (отв. ред.), В. А. Власихина, С. А. Червонной. М.: Мысль, 1987. 315 с.
4. Черные американцы в истории США: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. I (1526–1917). 256 с.
5. Зотов А. А. США: негры и война за независимость, 1775–1783. М.: Наука, 1988. 192 с.
6. Ушаков В. А. Американский лоялизм / отв. ред. А. А. Фурсенко. М.: Наука, 1989. 221 с.
7. Согрин В. В. Джефферсон. Человек, мыслитель, политик. М.: Наука, 1989. 280 с.
8. Черкасов П. П. Генерал Лафайет. Исторический портрет. М., 1987. 176 с.
9. Черкасов П. П. Лафайет: политическая биография. М.: Мысль, 1991. 376 с.
10. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. М.: Международные отношения, 1991. 304 с.
11. Комиссаров Б. Н. Ас отечественной американистики (к 70-летию академика Н. Н. Болховитинова) // Русское открытие Америки: сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 8–33.
12. Болховитинов Н. Н. Советская американистика на перепутье: старые догмы и новые подходы // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 3–12.

References

1. Vozgrin V. Ye, Smolin A. V. To 65-years anniversary of professor V. A. Ushakov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], ser. 2, 2013, issue 1, pp. 175–177 (In Russian).
2. Mishin A. A., Vlasihin V. A. *Konstitutsiya SShA: politiko-pravovoi kommentariy* [The United States Constitution: Political-legal Comment]. Moscow, Mezhdunarodnyie otnosheniya Publ., 1985. 336 p.
3. *SShA: konstitutsiya i prava grazhdan* [The USA: The Constitution and the Rights of the Citizens]. Ed.: I. A. Geevskii, V. A. Vlasihin, S. A. Chervonnaya. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 315 p.

4. *Chernyye amerikantsy v istorii SShA. Tom I (1526–1917)* [The Black Americans in History of the USA. Vol. I (1526–1917)]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 256 p.
5. Zotov A. A. *SShA: negry i voyna za nezavisimost', 1775–1783* [The USA: Negroes and the War of Independence, 1775–1783]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 280 p.
6. Ushakov V. A. *Amerikanskiy loyalism* [American Loyalism]. Ed. A. A. Fursenko. Moscow, Nauka Publ., 1989. 221 p.
7. Sogrin V. V. *Dzhefferson. Chelovek, myslitel', politik* [Jefferson. The Man, the Thinker, the Politician]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 280 p.
8. Cherkasov P. P. *General Lafayyet. Istoricheskiy portret* [General Lafayette. The Historical Portrait]. Moscow, 1987. 176 p.
9. Cherkasov P. P. *Lafayyet: politicheskaya biografiya* [Lafayette: The Political Biography]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 376 p.
10. Bolkhovitinov N. N. *Rossiya otkryvayet Ameriku. 1732–1799* [Russia Discovers America. 1732–1799]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1991. 304 p.
11. Komissarov B. N. The Ace of the American Studies in his country (To 70-years Anniversary of the Academician N. N. Bolkhovitinov). *Russkoye otkrytiye Ameriki* [Russian Discovery of America]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, pp. 8–33 (In Russian).
12. Bolkhovitinov N. N. Soviet American Studies on the Crossroads: The Old Dogmas and the New Treatments. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1991, no. 7–8, pp. 3–12 (In Russian).

Информация об авторе

Гурченко Николай Анатольевич – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: hurchenka@gmail.com

Information about the authors

Gurchenko Nikolay Anatolyevich – PhD student, the Department of Modern and Contemporary History. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: hurchenka@gmail.com

Поступила 14.03.2019

УДК 94(87)"199"

И. И. Дубонос

Белорусский государственный университет

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1990-Х ГГ. В ВЕНЕСУЭЛЕ
(АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)**

В статье рассматриваются мнения американских исследователей по социально-экономическому кризису 1990-х гг. в Венесуэле. Автор характеризует различные школы, направления в описании причин, характера и итога кризиса, его связи с процессами в политических элитах Венесуэлы, указывает на достоинства и недостатки различных подходов и их актуальность в условиях тех социально-экономических вызовов, перед которыми стоит сегодняшняя Венесуэла.

Автором статьи выделяются два взаимоисключающих подхода, характерных для современной венесуэлистики. В рамках первого, восходящего к идеям исследователей Д. Хеллингера, Э. Ландера, Л. А. Фиерро и др., истоки социального кризиса видятся в кризисе экономическом, а того – в ошибочной экономической модели, реформировать которую не давало венесуэльское общество. Альтернативный подход, ярко выраженный в работах Д. Г. Левина, источником проблем видит саму политическую систему, в которой кризисные явления проявились еще в середине 1980-х гг., и сама суть которой (склонность к компромиссам, опора на широкую поддержку населения, коррупция и nepotism) не позволила «малой кровью» разрешить социальные и экономические проблемы. Делается вывод о принципиальной неразрешимости указанного спора в современных условиях.

Ключевые слова: Венесуэла, историография, социально-экономический кризис, боливарианизм, новые левые, неолиберализм, этатизм.

I. Dubanos

Belarusian State University

**ECONOMIC AND SOCIAL CRISIS OF 1990S IN VENEZUELA
(AMERICAN HISTORIOGRAPHY ON SUBJECT)**

The objective of the paper is to consider points of American researchers on economic and social crisis of 1990s in Venezuela. The author describes different schools of thought, different trends in describing reasons, character and outcome of crisis, its ties with the processes in Venezuela's political elites and states advantages and disadvantages of different schools and their actuality in contemporary conditions.

The author denotes two mutually exclusive approaches, that as representative in contemporary studies. The first one, based on works of D. Hellinger, E. Lander, L. A. Fierro, etc., witness sources of social crisis in economic crisis, caused by erroneous model of nation's economy which can not be fixed due to Venezuela's society. Alternative approach, brightly stated by D. Levine, seek the root of problems in political system which entered crisis in mid 1980s with its essence (compromise seeking, reliance on wide popular support, corruption and nepotism) depriving of possibilities to solve social and economic problems cutting out losses. The conclusion of impossibility of final end of this brawl is made.

Key words: Venezuela, historiography, economic and social crisis, bolivarianismo, new left, neoliberalism, statism.

Введение. Венесуэла – одна из наиболее удивительных стран Латинской Америки. Имеющая стабильный и комфортный климат, неисчислимы богатства недр, сравнительно низкую плотность населения, отличающаяся практически полным отсутствием серьезных внутренних «линий разломов», эта страна, казалось бы, предназначена для процветания. В реальности современная Венесуэла стала источником беженцев, страной, где уровень жизни упал до показателей, скорее характерных для Тропической Африки.

Нельзя сказать, что такое состояние типично для Венесуэлы. Как минимум дважды – в начале

1980-х и середине 2000-х гг. – страна была богатейшей в своем регионе и пыталась стать образцом для Латинской Америки, примером успешного «третьего пути». При этом если расцвет боливарианской Венесуэлы происходил на наших глазах, то первый взлет и крах Венесуэлы пришлось на последние годы Советского Союза и практически не известен в нашей науке.

Вместе с тем американские ученые еще в 1990-е гг. изучали первый венесуэльский социально-экономический кризис, связанный с крахом нефтеэтатистской социально-экономической модели (подробная характеристика этой модели и обстоятельств кризиса была сделана

в работе И. И. Дубоноса «Нефтеэкономическая социально-экономическая модель в Венесуэле (1970-е – п. п. 1980-х гг.)» [1]).

Их цель заключалась в определении того комплекса причин, который привел не столько к кризису как таковому (влияние падения цен на нефть здесь никем не оспаривалось), сколько к ограниченности, несвоевременности и недостаточности ответов на кризисные явления со стороны правящих элит, и который, в конечном итоге, привел к падению режима представительной демократии и установлению режима V республики – боливарианской популистской диктатуры.

Таким образом, цель настоящей работы – показать разработанность проблемы социально-экономического кризиса 1990-х гг. в Венесуэле, охарактеризовать основные направления в историографии этого вопроса и сформулировать комплексное понимание характера кризиса.

Основная часть. Несмотря на то, что первые признаки социально-экономического кризиса в Венесуэле начали проявляться еще в середине 1980-х гг., лишь к концу этого десятилетия научное сообщество осознало, что кризис носит глубокий, системный характер.

Так, Э. Люсена в своей опубликованной в 1990 г. статье «Неолиберальная гибкость в Венесуэле» [2] доказывал, что нормализация государственных расходов и меры по стимулированию частной инициативы сумеют вывести страну из затяжного кризиса. Автор при этом не указывал, что считает падение цен на нефть проблемой: проблема не в том, что денег мало – их достаточно, если их правильно тратить.

Несколько более пессимистичной была позиция Дж. Эвелл в написанном ею разделе «Венесуэла после 1930 г.» в VIII томе «Кембриджской истории Латинской Америки» (1991 г.).

Она указывала, что «после 1982 г. венесуэльский экономический рост стал отрицательным, а инвестирование практически прекратилось» [3, с. 986], тем самым окончательно похоронив практику «нефтефикации проблем». Она связывала кризис с тем, что денег от нефтяных доходов стало меньше, чем было необходимо для поступательного развития экономики, которая теперь «сдувалась» в условиях нехватки инвестиций, обеспечиваемых с 1970-х гг. преимущественно государством. Дж. Эвелл указывала, что «реформисты надеются, что они смогут продолжить “сеяние нефти”» [3, с. 790], и видела в повышении цен на нефть единственный выход из кризиса.

Вместе с тем известный исследователь М. Коппедж, разрабатывая партократическую концепцию политической системы Венесуэлы, в своей статье 1994 г. «Перспективы демократического режима в Венесуэле» указал, что политика

«сеяния нефти» столкнулась с двумя политически-индуцированными проблемами – коррупцией и одержимости контролем [4, с. 66].

Коррупция приводила к тому, что средства не доходили до предприятий реального сектора, а также к потере контроля плановых органов за развитием экономики – бюрократический аппарат не действовал в соответствии с интересами государства, но защищал свои позиции, предоставляя государственные фонды тем экономическим агентам, которые были наиболее лояльны проводимой политике, а не тем, которые действительно могли дать отдачу с вложенных средств, – что вело к попыткам обеспечить контроль за счет дальнейшей бюрократизации, что лишь еще больше усугубляло и без того тяжелую ситуацию. Таким образом, М. Коппедж поднял вопрос о принципиальной осуществимости политики «сеяния нефти» в рамках сложившейся в Венесуэле социально-политической системы.

Одновременно с ним Л. Саламанка показал кризис рентистской модели в Венесуэле, указав, что Венесуэла «долгие годы выбирала между необходимостью строительства производящей экономики и более справедливым распределением благ» [5, с. 10]. Венесуэльский автор считал, что рентизм был предопределен стремлением к «справедливости», когда личная инициатива подавлялась налоговым режимом и удушающим контролем государства. Кризис рентизма, таким образом, стал социальным кризисом, так как высвобожденная частная инициатива стала генерировать все более очевидный разрыв между богатством и бедностью.

Свое видение предложил Д. Хеллинггер. Он указывает, что венесуэльская экономическая модель «требует скорее улучшения, нежели отказа от опыта популистской демократии и нефтяного национализма» [6, с. 9]. Под «улучшением» Д. Хеллинггер понимал расширение использования рыночных механизмов, привлечение иностранных инвестиций в нефтяную отрасль, отказ от широких государственных интервенционистских программ [6, с. 7–9].

Несложно заметить, что улучшение по Хеллинггеру является ничем иным, как структурной перестройкой; иначе говоря, он отрицает принципиальную возможность дальнейшего развития в рамках государственно-автаркического капитализма.

Критика рентистской модели экономики, впрочем, стала мейнстримом в середине 1990-х гг. Так, Дж. Л. Маккой и У. К. Смит резко критиковали «модель рантье» [7, с. 126]. Они, изучая венесуэльский кризис в общелатиноамериканском контексте, также предлагали решение, которое в 1990-е гг. виделось универсальным, –

неолиберализм. Государственно-центричную модель они считали не плохой, а не соответствующей требованиям времени: она обеспечила рынок в 1960-е – 1970-е гг., но в новую эпоху превратилась в тормоз экономического развития.

Вместе с тем неолиберальные реформы вызвали серьезные социальные изменения, что привело к появлению ряда работ, изучающих эти изменения и анализирующих их влияние на осуществление экономической политики государства. А. Ангелл и К. Грэхем в написанной в 1995 г. статье «Может ли реформа социального сектора сделать перестройку (adjustment) устойчивой и справедливой» [8] сконцентрировали свое внимание на сопутствующих неолиберальной перестройке экономике социальных изменениях в Чили и Венесуэле.

Они указали, что социальная незащищенность населения возрастает в период осуществления неолиберальных реформ, поскольку «реформы в социальном секторе имеют задержку по сравнению с реформами в других секторах» [8, с. 216], и далее «ирония Венесуэлы в том, что десятилетия нефтяного богатства уничтожили любое ресурсное ограничение на создание социальных сервисов» [8, с. 217]. В результате в случае Венесуэлы «макроэкономическим реформам противостояли массовые народные движения» [8, с. 217], которые были вызваны нежеланием граждан терять привычные социальные гарантии (что являлось необходимым для проведения неолиберальных реформ). Как следствие, экономические реформы вели к социальной нестабильности.

Схожим образом социальный фактор оценивали Э. Ландер и Л. А. Фиерро в своем материале «Влияние неолиберальной перестройки в Венесуэле, 1989–1993» [9]. Они указывали, что «с ограничением институциональных механизмов реакция и сопротивление [неолиберальным реформам] осуществились маргинальным образом» [9, с. 68] и «восстание февраля 1989 г., так называемое “Каракасо” <...> [равно как и] широкая (пусть и пассивная) общественная поддержка попытки переворота в феврале 1992 г. были <...> внеинституциональными ответами <...> на усиливающуюся дезинтеграцию политической системы, которая когда-то казалась исключительной из-за ее стабильности» [9, с. 68].

Им вторил социолог из Теннесси (США) К. Вейланд в своей статье «Крестьяне или банкиры в Венесуэле? Популярность президента и одобрение реформ в Венесуэле, 1989–1993 гг.» [10]. Он, опираясь на разработанную в США социологическую теорию, выделял два типа поведения людей – ориентированных на будущее «банкиров» и ориентированных на прошлое «крестьян» [10, с. 342] – и задавался вопросом,

какое поведение характерно для венесуэльцев. Он пришел к выводу, что венесуэльцы, хотя и ориентированы в будущее, оценивают результаты «президентской деятельности не по макроэкономическим улучшениям, а по микроэкономическому воздействию, которое они оценивают, как неудовлетворительное» [10, с. 352]. К. Вейланд считал, что падение популярности правительством К. А. Переса было вызвано именно таким отношением, когда люди не были готовы жертвовать своим доходом *сейчас* ради выхода из кризиса *потом*. Тем самым он постулировал принципиальную неосуществимость масштабной неолиберальной программы в Венесуэле.

Таким образом, в историографии существовало понимание цугцванга, в котором оказалось правительство Венесуэлы – оно должно было проводить радикальные экономические преобразования в неолиберальном духе, но те вызвали общественное возмущение, что вело к потере популярности правительства, его падению – и цикл повторяется, с новым, пришедшим к власти с популистскими лозунгами правительством. Эту цикличность в развитии Венесуэлы 1990-х гг. верно подметил венесуэльский социолог Ф. Гонсалес в 1997 г., указав, что «[пришедший к власти в 1994 г. Р.] Кальдера (как <...> [К. А.] Перес в период своего второго президентства [1989–1993 гг.]) стал проводить экономическую политику, противоположную тому курсу, который был декларируем им в ходе предвыборной кампании» [11, с. 35–36].

Сложилась интересная ситуация, когда политики приходили к власти, говоря народу то, что он хочет услышать, но делали то, что нужно для спасения национальной экономики в условиях низких цен на нефть. В результате происходила резкая потеря доверия населения к своим избранникам, поскольку люди видели, что те делают совсем не то, что обещают: им обещали лучшую жизнь, а предложили политику «социальной солидарности» [11, с. 41], которая переносила основную тяжесть экономического кризиса на беднейшие слои населения.

По этому поводу представляется небезынтересным процитировать крупнейшего российского исследователя Э. С. Дабагына, который в 1997 г. пронизательно заметил, что «[неолиберальную] модель общество отвергло» [12, с. 76], и далее сделал крайне интересное утверждение, что «страна взяла на вооружение социально-ориентированную неолиберальную модель» [12, с. 76]. «Социально-ориентированный» в одном предложении с «неолиберальный» – это оксюморон, но именно так со стороны выглядела модель, которую пытались строить в Венесуэле в президентство Р. Кальдеры. Неудивительно, что реформы его правительства в итоге

оказались безуспешными, поскольку им не хватало решительности и последовательности; вместе с тем социальная ориентированность не смогла сохранить жизненный уровень населения, и доверие к правительству постоянно падало.

Неслучайно североамериканский исследователь Т. Л. Карл называл эти реформы реформами «стой-иди» и жестко критиковал их за непоследовательность [13, с. 185]. Сегодня в историографии признано, что те слои общества, которые разделяли этатистский идеал, и стали основой социальной поддержки любой оппозиции неолиберальным реформам.

Таким образом, к концу 1990-х гг. в американской венесуэлистике сложилось убеждение, что существующая экономическая модель не способна обеспечить развитие, а внедрению другой модели активно противостоит венесуэльское общество. Особенно ярко этот подход представлен в статье 1998 г. «Уроки экономической реформы в венесуэльской демократии» Б. Ф. Криспа [14]. Он указывал, что в Венесуэле в 1970-е гг. возник автаркический капитализм, среди характеристик которого ключевыми являются две – «сильное присутствие государства» [14, с. 9] и истекающее из него «институционализированное участие» [14, с. 8] экономических агентов в распределении благ. Институционализированное участие экономических агентов подразумевало распределение благ, имеющихся у сильного государства, посредством специфических институтов, в работе которых участвуют представители как экономических агентов, так и государства [14, с. 9–12]. Это вело, в свою очередь, к тому, что государственное финансирование получали те агенты, которые демонстрировали «заинтересованность в защите политического режима и его стратегии развития» [14, с. 13], поскольку в этих институтах роль представителей государства была решающей, так как именно государство предоставляло ресурсы агентам, а не наоборот. В результате экономическая политика утратила механизмы обратной связи, контроля над эффективностью инвестиций, что предопределило глубокий социально-экономический кризис, который нельзя было «нефтефицировать», если говорить словами Дж. Эвелл.

Помимо рассмотренных здесь, схожие идеи примерно в то же время высказали и другие авторы, такие как Г. Филип [15], М. Викториа Мурильо [16] и иные.

У этого подхода нашлись и оппоненты. В частности, Д. Г. Левин в 2002 г. в первом из

своих десяти тезисов указал, что «упадок и коллапс старого порядка не был предопределен <...> характером нефтяной индустрии или “нефтегосударством” (petro state)» [17, с. 253].

Он считал, что экономический кризис был вызван общим изменением мировой экономики, роль Венесуэлы в которой претерпевала определенные изменения в 1990-е гг., и, соответственно, недостатки модели государственного капитализма, существовавшей с 1970-х гг., не могут рассматриваться как причина социально-политического кризиса.

Ему вторила М. Лопес Майя, которая, проанализировав так называемое «Каракасо» – народное восстание февраля 1989 г., – пришла к выводу, что это был «масштабный протест общества, которое не имело адекватных каналов для того, чтобы быть услышанным в коридорах власти» [18, с. 135–136].

Для этих ученых именно политический кризис является первичным, вызвавшим массовые вспышки насилия со стороны общества и не позволившим решить экономические проблемы тогда, когда они только начинались. Позже Д. Г. Левин в соавторстве с К. Ромеро написал статью «Городские движения и бесправие в Перу и Венесуэле» [19]. В ней он пришел к выводу, что с появлением в Венесуэле дееспособной боливарианской политической элиты общественные движения, хотя и не исчезли, превратились в статистов на национальном политическом поле [19, с. 72].

Заключение. Таким образом, в современной венесуэлистике по данному вопросу существуют два взаимоисключающих подхода. В рамках первого истоки социального кризиса видятся в кризисе экономическом, а того – в ошибочной экономической модели, реформировать которую не дает венесуэльское общество. В рамках второго подхода первичным считается политический кризис, который не позволил «малой кровью» разрешить социальные и экономические проблемы. Чтобы дать итоговый ответ, необходимо провести глубокое исследование действий правительств 1980-х гг., которые, если исходить из позиции сторонников Д. Г. Левина, могли провести ограниченные и при этом успешные институциональные реформы в экономической сфере. В случае, если будет доказано, что они имели возможность провести институциональные реформы без коренной ломки социальной системы, позиция Д. Г. Левина и М. Лопес Майи окажется верной. В противном случае более оправданными будут выглядеть идеи Б. Ф. Криспа.

Литература

1. Дубонос И. И. Нефтеэтатистская социально-экономическая модель в Венесуэле (1970-е – п. п. 1980-х гг.) // Сборник работ 70-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского

государственного университета, 15–18 мая 2013 г., Минск: в 3 ч. Ч. 2 / Белорус. гос. ун-т. Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 316–319.

2. Lucena H. La flexibilización neoliberal en Venezuela // *Nueva Sociedad*. 1990. Vol. 110. P. 152–159.
3. Ewell J. Venezuela since 1930 // *The Cambridge History of Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 727–790.
4. Coppedge M. Perspectivas de la gobernalidad democrática en Venezuela // *América Latina Hoy*. 1994. Vol. 8. P. 63–72.
5. Salamanca L. Venezuela. La crisis del rentismo // *Nueva Sociedad*. 1994. Vol. 131. P. 10–19.
6. Hellinger D. Introduction [to the Postbonanza Venezuela] // *Latin American Perspectives*. 1996. Vol. 23. № 3. P. 3–9.
7. McCoy J. L., Smith W. C. Desconsolidación o reequilibrio democrático en Venezuela // *Nueva Sociedad*. 1995. Vol. 140. P. 18–32.
8. Angell A., Graham C. Can Social Sector Reform Make Adjustment Sustainable and Equitable? Lessons from Chile and Venezuela // *Journal of Latin American Studies*. 1995. Vol. 27. No. 1. P. 189–219.
9. Lander E., Fierro L. A. The Impact of Neoliberal Adjustment in Venezuela, 1989–1993 // *Latin American Perspectives*. 1996. Vol. 23. No. 3. P. 50–73.
10. Weyland K. Peasants or Bankers in Venezuela? Presidential Popularity and Economic Reform Approval, 1989–1993 // *Political Research Quarterly*. 1998. Vol. 51. No. 2. P. 341–362.
11. Гонсалес Ф. «Задачи Венесуэлы»: истоки, проблемы, перспективы // *Латинская Америка*. 1997. № 1. С. 34–43.
12. Дабагян Э. С. Неолиберализм и популизм: опыт одной страны (социально-политические аспекты) // *Латинская Америка*. 1997. № 1. С. 68–77.
13. Karl T. L. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. University of California Press, 1997. 364 p.
14. Crisp B. F. Lessons from economic reform in the Venezuelan Democracy // *Latin American Research Review*. 1998. Vol. 33. No. 1. P. 7–41.
15. Philip G., Murillo L. El Estado y el problema de la legitimación democrática en Venezuela bajo el sistema “Punto Fijo” // *Foro Internacional*. 2004. Vol. 44. No. 1 (175). P. 150–169.
16. Victoria Murillo M. Del populismo al neoliberalismo: sindicatos y reformas de mercado en América Latina // *Desarrollo Economico*. 2000. Vol. 40. No. 158. P. 179–212.
17. Levine D. H. The Decline and Fall of Democracy in Venezuela: Ten Theses // *Bulletin of Latin American Research*. 2002. Vol. 21. No. 2. P. 248–269.
18. López Maya M. The Venezuelan “Caracazo” of 1989: Popular Protest and Institutional Weakness // *Journal of Latin American Studies*. 2003. Vol. 35. No. 1. P. 117–137.
19. Levine D. H., Romero C. Movimientos urbanos y desempoderamiento en Peru y Venezuela // *América Latina Hoy*. 2004. Vol. 36. P. 47–77.

References

1. Dubonos I. I. Social and economic model of petrostate in Venezuela (1970-s – early 1980-s). *Sbornik radot 70-y nauchnoy konferentsii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 15–18 maya 2013 g., Minsk: v 3 ch. Ch. 2* [Digest of works of 70-th scientific conference on students and PhD students of the Belarusian State University, 15–18 of May, 2013, Minsk: in 3 ch. Ch. 2]. Minsk, Izd. centr BGU Publ., 2013. Pp. 316–319.
2. Lucena H. La flexibilización neoliberal en Venezuela. *Nueva Sociedad*, 1990, vol. 110, pp. 152–159 (In Spanish).
3. Ewell J. Venezuela since 1930. *The Cambridge History of Latin America*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991. Pp. 727–790.
4. Coppedge M. Perspectivas de la gobernalidad democrática en Venezuela. *América Latina Hoy*, 1994, vol. 8, pp. 63–72 (In Spanish).
5. Salamanca L. Venezuela. La crisis del rentismo. *Nueva Sociedad*, 1994, vol. 131, pp. 10–19 (In Spanish).
6. Hellinger D. Introduction [to the Postbonanza Venezuela]. *Latin American Perspectives*, 1996, vol. 23, no. 3, pp. 3–9.
7. McCoy J. L., Smith W. C. Desconsolidación o reequilibrio democrático en Venezuela. *Nueva Sociedad*, 1995, vol. 140, pp. 18–32 (In Spanish).
8. Angell A., Graham C. Can Social Sector Reform Make Adjustment Sustainable and Equitable? Lessons from Chile and Venezuela. *Journal of Latin American Studies*, 1995, vol. 27, no. 1, pp. 189–219.
9. Lander E., Fierro L. A. The Impact of Neoliberal Adjustment in Venezuela, 1989–1993. *Latin American Perspectives*, 1996, vol. 23, no. 3, pp. 50–73.

10. Weyland K. Peasants or Bankers in Venezuela? Presidential Popularity and Economic Reform Approval, 1989–1993. *Political Research Quarterly*, 1998, vol. 51, no. 2, pp. 341–362.
11. Gonsales F. “Targets of Venezuela”: sources, problems, perspectives. *Latinskaja Amerika* [Latin America], 1997, no. 1, pp. 34–43 (In Russian).
12. Dabagyan E. S. Neoliberalism and populism: experience of one country (social and political aspects). *Latinskaja Amerika* [Latin America], 1997, no. 1, pp. 68–77 (In Russian).
13. Karl T. L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. University of California Press, 1997. 364 p.
14. Crisp B. F. Lessons from economic reform in the Venezuelan Democracy. *Latin American Research Review*, 1998, vol. 33, no. 1, pp. 7–41.
15. Philip G., Murillo L. El Estado y el problema de la legitimación democrática en Venezuela bajo el sistema “Punto Fijo”. *Foro Internacional*, 2004, vol. 44, no. 1 (175), pp. 150–169 (In Spanish).
16. Victoria Murillo M. Del populismo al neoliberalismo: sindicatos y reformas de mercado en América Latina. *Desarrollo Economico*, 2000, vol. 40, no. 158, pp. 179–212 (In Spanish).
17. Levine D. H. The Decline and Fall of Democracy in Venezuela: Ten Theses. *Bulletin of Latin American Research*, 2002, vol. 21, no. 2, pp. 248–269.
18. López Maya M. The Venezuelan “Caracazo” of 1989: Popular Protest and Institutional Weakness. *Journal of Latin American Studies*, 2003, vol. 35, no. 1, pp. 117–137.
19. Levine D. H., Romero C. Movimientos urbanos y desempoderamiento en Perú y Venezuela. *América Latina Hoy*, 2004, vol. 36, pp. 47–77 (In Spanish).

Информация об авторе

Дубонос Игорь Игоревич – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: idubonos@outlook.com

Information about the author

Dubanos Ihar – PhD student, Department of Modern and Contemporary History. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: idubonos@outlook.com

Поступила 01.10.2019

УДК 338.48 (476)

А. А. Зайцев¹, Н. В. Зайцева²¹Военная академия Республики Беларусь²Белорусский национальный технический университет**ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ В БЕЛАРУСИ: ПЕРСПЕКТИВНЫЙ МАРКЕТИНГОВЫЙ ХОД КАК СОЧЕТАНИЕ МИРОВОГО ОПЫТА И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЕАЛИЙ**

Промышленный туризм – явление достаточно молодое и необычное, так как промышленные центры начинают познаваться не только как инфраструктурные и административные, но и как производственный потенциал с современными технологиями. Популяризация промышленного туризма поможет увеличить привлекательность путешествий по стране. Промышленный туризм необходим не только туристической отрасли. Он нужен для привлечения инвестиций и популяризации продукции производителей. Развитие туризма дает возможность наиболее качественного и быстрого развития других секторов экономики, таких как гостиничные услуги, питание, транспортное сообщение и перевозки и т. д.

Ключевые слова: производство, предприятие, промышленность, туризм, маркетинг, промышленный туризм.

A. A. Zaytsev¹, N. V. Zaytseva²¹Military Academy of the Republic of Belarus²Belarusian National Technical University**INDUSTRIAL TOURISM IN BELARUS: A PERSPECTIVE MARKETING STROKE AS A COMBINATION OF WORLD EXPERIENCE AND DOMESTIC REALITIES**

Industrial tourism is a fairly young and unusual phenomenon, since industrial centers are beginning to be recognized not only as infrastructure and administrative, but also as a production potential with modern technologies. Popularization of industrial tourism will help to increase the attractiveness of traveling around the country. Industrial tourism is needed not only in the tourism industry. It is needed to attract investment and popularize manufacturers' products. Tourism development provides an opportunity for the most qualitative and rapid development of other sectors of the economy, such as hotel services, food, transport and transportation, etc.

Keywords: manufacturing, enterprise, industry, tourism, marketing, industrial tourism.

Введение. Промышленный туризм – явление достаточно молодое в своей отрасли. Промышленный или, как иначе его называют, производственный туризм служит хорошей рекламой предприятия и его продукции. Однако нельзя не признать, что организация промышленного туризма – это не только разумный маркетинговый ход, но и достаточно прибыльный и активно развивающийся бизнес.

Основная часть. Основателями данной отрасли были американские компании. Первые экскурсии на промышленное производство были организованы американской компанией Jack Daniel's в 1866 г.

Значительно позже, в 30-х гг. XX ст. подобные экскурсии стали организовываться и в Европе. Объектами изучения стали предприятия пищевой промышленности и автомобилестроения. Но в то время они не пользовались большой популярностью.

Наиболее активное развитие они получили в конце XX в., когда кризис и конкуренция заставили предприятия искать новые маркетинговые ходы к продвижению своей продукции. Это не

только способствовало увеличению продаж своей продукции, но делало данный товар более близким и доступным для потребителя. А деятельность компании становилась наиболее прозрачной и открытой, что имело также немаловажное значение среди конкурентов-производителей. Например, для ознакомления со своим производством 79 лет назад были приглашены на завод Peugeot первые «туристы», позже Франция приглашает посетить знаменитый завод по изготовлению пива Kronenbourg, известного с 1664 г.

Сегодня в развитых странах практически не осталось предприятий, которые не приглашают и не проводят промышленные туры.

В Европе вниманию туристов предоставляют заброшенные соляные и угольные шахты, а также заброшенные судостроительные заводы еще со времен Второй мировой войны [1].

Во Франции 1700 компаний принимают туристов на своих производственных площадках. Лидирует здесь приливная электростанция в Рансе, которая ежегодно принимает 300 000 туристов. А в Англии шоколадную фабрику Кэдберри

посещают 400 000 человек. В Испании общим местом становятся винные туры, во Франции – сырные, в Нидерландах – цветочные [2].

В Германии представители всех автомобильных брендов проводят экскурсии по своим заводам с посещением сборочных конвейеров, покрасочных цехов и цехов по производству двигателей, т. е. посетителям предлагается вниманию весь производственный процесс. Это способствует популяризации определенного бренда, его так называемая производственная прозрачность. Также здесь задействован и психологический аспект в узнаваемости бренда и продукта. Как правило, такие экскурсии бесплатные либо за минимальную стоимость (например, посещение завода BMW). Получение прибыли от билетов при организации промышленных туров здесь не является главной целью производителей. Их главная цель – формирование в сознании потребителей положительного имиджа бренда и в целом предприятия, что намного дороже тех денег, что поступят в казну от продажи билетов [3].

Ряд зарубежных предприятий определили производственный туризм как отдельный бизнес: они создают и реализуют брендовую атрибутику, делают интерактивные программы, которые сочетают с развлекательными мероприятиями [4]. Примером такого развития может служить винный завод «Шабо», что под Одессой (Украина). Здесь рассказывают туристам подробности технологии, интересную историю создания предприятия, создали музей, водят в винные погреба, на виноградники, на дегустацию, открыт фирменный магазин. И все это с высоким уровнем сервиса. Конечно же, это способствует повышению интереса как к предприятию, так и к торговой марке.

Промышленный туризм в нашей стране начал набирать обороты сравнительно недавно. Первопроходцем в данной сфере был всем известный стеклозавод «Неман». Еще в 80-е гг. прошлого века он предложил своим посетителям более подробно ознакомиться со своим производством. Здесь можно узнать о развитии стеклоделия в Беларуси. Также покажут, как выдувают изделия из хрусталя. А затем можно посетить музей, в котором представлены изделия завода за 120 лет, а также заглянуть в фирменный магазин.

В Беларуси сегодня около 50 предприятий открыты для посещения туристами. Наиболее известными среди них являются БелАЗ, «Аливария», у которой есть свой музей, Coca-Cola, проводящая экскурсии для детей, «Молочный мир», одно из первых предприятий республики, которое решило проблему санитарных ограничений для посещений производства. Они сделали

возможным просмотр цехов «за стеклом». Минский тракторный завод разработал маршрут, в котором кроме самого МТЗ и жодинского БелАЗа предусмотрено посещение кондитерского предприятия. Также можно посетить Туровский молочный комбинат, «Коммунарку», завод пластмассовых игрушек «Полесье», «Криницу», фабрики мороженого и глазированных сырков в Борисове, «Белхудожкерамика» и т. д.

На сегодняшний день существует множество достаточно перспективных вариантов развития ряда направлений в туристической индустрии, в том числе и наиболее модных, знакомящих интересующихся и достаточно активных туристов с областью современных технологий. К ним можно отнести и промышленный туризм, который привлекает туристов, интересующихся областью высоких технологий и результатом этих технологий – высококачественным продуктом.

В Республике Беларусь представлены различные виды туристических услуг: культурно-познавательный, спортивный, рекреационный, агроэкотуризм, охотничий, медицинский, промышленный, МТСЕ-туризм, кулинарный и т. д.

Также предлагается множество возможностей по организации отдыха, а также проведения крупных деловых, культурных и спортивных мероприятий. Согласно оценкам большинства современных специалистов, сфера туристических услуг в Беларуси является одним из перспективных секторов экономики и достаточно привлекательной сферой для использования потенциала малого и среднего бизнеса, а также его взаимодействия с представителями крупного бизнеса и государственной властью [5].

Помимо популяризации предприятия и его продукции промышленный туризм имеет колоссальное значение и на государственном уровне. Это не только продуманный маркетинговый ход предприятия, но и продвижение и популяризация имиджа территории, страны, привлечение инвесторов. Развитие туризма дает возможность наиболее качественного и быстрого развития других секторов экономики, таких как гостиничные услуги, питание, транспортное сообщение и перевозки и т. д. Данные факторы положительным образом сказываются и на местном бюджете за счет налоговых поступлений в связи с увеличением товарооборота, развития малого и среднего бизнеса, инвестиционной привлекательности, прямой и косвенной занятости. Развитие промышленного туризма на макроуровне направлено на развитие экономики региона в целом, а не отдельно взятой организации [6]. Таким образом, можно говорить о неоспоримой важности развития промышленного туризма на микро- и макроуровнях.

Производственный туризм может служить инструментом для маркетинга территории, системного сотрудничества местных сообществ по продвижению их интересов, с целью привлечения инвесторов. Ведь в конечном итоге маркетинг – это философия местного развития, которая оказывает необходимую помощь там, где преобладает экономическая депрессия, а выходов из стандартных ситуаций не видно и вовсе [7].

К тому же необходимо учитывать информационный аспект, процесс обмена знаниями, управление коммуникациями имеет немаловажное значение. Ведь «чем выше в системе плотность и интенсивность горизонтальных коммуникаций субъектов, тем больше в ней образуется взаимной информации, подлежащей свободному обмену между участниками, тем больше возникает новых знаний. Постоянное присутствие избытка взаимной информации позволяет системе генерировать инновации интерактивно, поддерживая тем самым источники своего саморазвития» [7].

Положительный эффект от развития данной отрасли туристических услуг очевиден. Но для его существования необходимо наличие качественной инфраструктуры, специалистов, которые не только владеют профессиональными производственными навыками, но и смогут провести интересную и познавательную экскурсию.

Заключение. Таким образом, можно говорить, что развитие и популяризация производственного туризма может являться фактором повышения инвестиционной привлекательности региона. Это относится не только к объектам туристической инфраструктуры. Данный фактор имеет положительное значение в процессе развития производственных отраслей, что в свою очередь скажется на повышении доходов местного бюджета, увеличении процента занятости населения, популяризации товарного бренда, увеличении объемов производимой продукции, повышении качества товаров, создании положительного имиджа компании, каровой политике не только предприятия, но и региона, росте инновационного потенциала и т. д.

Литература

1. Никулина Ю. Н., Трусов С. В. Особенности и тенденции развития промышленного туризма: региональные аспекты [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-tendentsii-razvitiya-promyshlennogo-turizma-regionalnye-aspekty> (дата обращения: 12.02.2019).
2. Визгалов Д. В. Совмещение несовместимого. Промышленный туризм может эффективно работать на благо городов и территорий [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2009. URL: <https://www.livelib.ru/author/504245-denis-vizgalovhttps://www.livelib.ru/author/504245-denis-vizgalov>". (дата обращения: 12.02.2019).
3. Зиновский В. Промышленный туризм – перспективы развития в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://belchemoil.by/news/obshhestvo/kulturnye-meropriyatiya/promyshlennyj-turizm-kak-prodvizhenie-brenda> (дата обращения: 12.02.2019).
4. Акантинов А. Нужны эмоции и интерактив [Электронный ресурс]. URL: <https://probusiness.io/markets/2648-nuzhny-emocii-i-interaktiv-anatoliy-akantinov-o-razvitiy-promyshlennogo-turizma-v-belarusi.html> (дата обращения: 12.02.2019).
5. Никулина Ю. Н. Исследование востребованности и перспектив развития промышленного туризма в регионе: взгляд предприятий [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vostrebovannosti-i-perspektiv-razvitiya-promyshlennogo-turizma-v-regione-vzglyad-predpriyatij> (дата обращения: 12.02.2019).
6. Васюченко Л. П. Некоторые вопросы теории развития сетевых структур // Менеджмент предпринимательской деятельности: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов. Симферополь, 2018. С. 96.
7. Промышленный туризм [Электронный ресурс]. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/prom_tourism.htm (дата обращения: 12.02.2019).
8. Особенности производственного туризма в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/pt-belarus.htm (дата обращения: 12.02.2019).

References

1. Nikulina Yu. N., Trusov S. V. *Osobennosti i tendentsii razvitiya promyshlennogo turizma: regional'nyye aspekty* [Features and development trends of industrial tourism: regional aspects]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-tendentsii-razvitiya-promyshlennogo-turizma-regionalnye-aspekty> (accessed 12.02.2019).
2. Vizgalov D. V. Combining incompatible. Industrial tourism can work effectively for the benefit of cities and territories. *Nezavisimaya Gazeta* [Independent Newspaper]. 2009. Available at: <https://www.livelib.ru/author/504245-denis-vizgalov> (accessed 12.02.2019).

3. Zinovskiy V. *Promyshlennyy turizm – perspektivy razvitiya v Belarusi* [Industrial tourism – development prospects in Belarus]. Available at: <https://belchemoil.by/news/obshchestvo/kulturnye-meropriyatiya/promyshlennyy-turizm-kak-prodvizhenie-brenda> (accessed 12.02.2019).

4. Akantinov A. *Nuzhny emotsii i interaktiv* [We need emotions and interactivity]. Available at: <https://probusiness.io/markets/2648-nuzhny-emotsii-i-interaktiv-anatoliy-akantinov-o-razvitiy-promyshlennogo-turizma-v-belarusi.html> (accessed 12.02.2019).

5. Nikulina Yu. N. *Issledovaniye vostrebovannosti i perspektiv razvitiya promyshlennogo turizma v regione: vzglyad predpriyatij* [Research on the demand and prospects for the development of industrial tourism in the region: a view of enterprises]. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vostrebovannosti-i-perspektiv-razvitiya-promyshlennogo-turizma-v-regione-vzglyad-predpriyatij> (accessed 12.02.2019).

6. Vasyuchenok L. P. Some questions of the theory of the development of network structures. *Materialy XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. prepodavateley, doktorantov, aspirantov i studentov “Menedzhment predprinimatel'skoy deyatel'nosti”* [Management of entrepreneurial activity. Materials of the XVI International scientific-practical conference of teachers, doctoral students, graduate students and students]. Simferopol, 2018. P. 96 (In Russian).

7. *Promyshlennyy turizm* [Industrial tourism]. Available at: http://tourlib.net/statti_tourism/prom_tourism.htm (accessed 12.02.2019).

8. *Osobennosti proizvodstvennogo turizma v Belarusi* [Features of industrial tourism in Belarus]. Available at http://tourlib.net/statti_tourism/pt-belarus.htm (accessed 02.12.2019).

Информация об авторе

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь).

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь).

Information about the authors

Zaytsev Aleksandr Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor, the Department of Military Strategy. Military Academy of the Republic of Belarus (220057, Minsk, Nezavisimosti Ave., 220, Republic of Belarus).

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economics and Law. Belarusian National Technical University (220013, Minsk, Nezavisimosti Ave., 65, Republic of Belarus).

Поступила 10.09.2019

УДК 316.324/.42

В. П. Шалаев

Поволжский государственный технологический университет
(г. Йошкар-Ола, Российская Федерация)

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ НЕЗАПАДНОГО МИРА В ЗАПАДНОМ ПРОЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В центре внимания статьи актуальные проблемы развития современного человека и общества. Сущностным образом исследуется «механика» современных процессов глобализации. Вскрываются внутренние пружины глобализации как глобального проекта западного капитала и бизнеса. Глобализация обосновывается как инструмент культурной и цивилизационной экспансии западного мира на иные страны мира в целях дальнейшего роста западного капитала и бизнеса как превращенной формы общественной жизни народов. В статье анализируются контексты глобального управления, культурной и цивилизационной безопасности стран и народов в глобализованном мире, культурных и цивилизационных статусов стран и народов в глобализованном мире, западофикации мира, инструменты влияния глобального капитала на сознание и поведение человека и др. Автор обосновывает постепенный «закат запада», утрату западом лидирующих и доминирующих статусов в условиях наступающего многополярного мира. Главным методом исследования выступил синергетический подход, позволивший провести критический анализ глобализационных процессов современности как процессов капитализации мира в сложную (гиперсложную) культурную и цивилизационную систему. Синергетический подход позволил сформулировать стратегию дальнейшего развития незападных стран и народов в капитализованном и западофицированном глобализованном мире.

Ключевые слова: глобализация, культурная и цивилизационная колонизация, капитализация мира, мягкие технологии, культурные и цивилизационные статусы, западный и незападный мир, синергетические ресурсы развития.

V. P. Shalaev

Volga State University of Technology
(Yoshkar-Ola, Russian Federation)

SYNERGISTIC RESOURCES OF A NON-WESTERN WORLD IN THE WESTERN PROJECT OF GLOBALIZATION

The focus of the article is on topical problems of development of modern man and society. The “mechanics” of modern globalization processes are being investigated. The internal springs of globalization are analyzed as a global project of western capital and business. Globalization is justified as an instrument of cultural and civilizational expansion of the Western world to other countries of the world. The goal of modern globalization is the further growth of Western capital and business as a transformed form of social life of peoples. The article analyses the contexts of global governance, cultural and civilizational security of countries and peoples in a globalized world, the contexts of cultural and civilizational statuses of countries and peoples in a globalised world, the westernization of the world, the tools of global influence of global capital on human consciousness and behavior and others. The author justifies the gradual “sunset of the west”, the loss of leading and dominant statuses by the west in the conditions of the coming multipolar world. The main method of research was a synergistic approach, which allowed to carry out a critical analysis of globalization processes of modern times, as processes of capitalization of the world into a complex (hypersolid) cultural and civilizational system. The synergistic approach has made it possible to formulate a strategy for the further development of non-Western countries and peoples in a capitalized and West-qualified globalized world.

Key words: globalization, cultural and civilizational colonization, world capitalization, soft technologies, cultural and civilizational statuses, Western and non-Western peace, synergistic resources of development.

Введение. Признанной доминантой современности (культурной и цивилизационной жизни современных народов) сегодня без сомнений стала глобализация и воплощающее ее глобальное общество потребления. Его скрытыми пружинами являются потребности, интересы и цели большого бизнеса. Промышленный, торговый, финансовый капитал, как превращенная форма общественной жизни современных западных народов, к XXI веку вышел за рамки западной цивилизации и культуры и охватил собой планету. Западный капитал стал планетарным явлением и связанное с ним отчуждение мира стало планетарным. Именно этот ставший планетарным западным капитал стал главным идеологом, организатором и двигателем данного планетарного мира. Понимание экономической системы современного общества, сформированной этим капиталом, позволяет нам с уверенностью утверждать его всепроникающее и всеподчиняющее значение. Посредством сформированной системы труда и занятости, политических выборов и права капиталу удалось овладеть социальным ресурсом народов мира. Решающим фактором этого овладения стали освоенные капиталом мягкие технологии управления сознанием и поведением масс [1, 2, 3].

Современные СМИ, масс-медиа, потребительская реклама, массовый кинематограф, вооруженные поддерживаемыми и оплачиваемыми капиталом ценностями либерализма, космополитизма и демократии, стали главным инструментом формирования и управления массовым сознанием и поведением граждан нового мира. Одной из новых и центральных ценностей, внедренных и поддержанных мировым капиталом, стала ценность потребления как счастья. Ядром этой ценности стала материальная, телесная составляющая потребностей. Управляя самыми простыми телесными потребностями человека (в пище, уюте, развлечениях и т. д., связанных с телесными удовольствиями), капитал смог создать реальные массовые основы для развития масштабного массового производства, продаж его продукции и услуг, обеспечив себе рынки сбыта. Скрытая тайна капитала (как говорил К. Маркс), тайна прибыли получила свое системное и устойчивое воплощение. Общество массового производства соединилось с обществом массового потребления [2, 3].

Основная часть. Мы убеждены, что в системе массового производства и массового потребления все производится и все продается на потребу раскрученных и контролируемых капиталом потребностей человека. И сам этот человек стал главным ресурсом как производства все новых потребностей (в том числе и в

значительной степени искусственных), так и их рентабельного (буквального) потребления. К середине XXI века завершился передел сфер влияния национальных норм западного капитала. Английский, французский, немецкий, итальянский, американский капиталы объединились вокруг «философии» либерального потребительского общества. Был образован единый фронт наступления на мировые природные и человеческие ресурсы, созданы институциональные условия создания интегрированной системы мирового западного производства и мирового сбыта производимой продукции и услуг [2, 3].

Возникла индустрия мирового производства и потребления. Фактически все страны мира заняли в этой системе свое определенное место, обрели свой новый мировой социально-экономический и политический статус, в значительной степени поддержанный военным влиянием, обеспеченным американским капиталом и индустрией послевоенного времени. Естественным образом на вершине культурно-цивилизационной пирамиды этого мира оказались развитые экономически и научно страны запада. Плоды рациональной революции, которую перенес запад, дали свои позитивные плоды. Богатые природными, дешевыми и непривередливыми трудовыми ресурсами незападные страны (страны западного христианского, мусульманского, конфуцианского, индуистского мира) одновременно стали и новыми трудовыми ресурсами, и новыми масштабными рынками сбыта для производимой на глобализированных предприятиях товарной массы и услуг. Такова, по нашему мнению, в общих чертах «механика», движущая современной системой организации общественной жизни планеты. По существу, эта механика есть механика движения и развития мирового капитала, доминирующие силы которого контролируются западной цивилизацией [2, 3].

Важно отметить при этом, что лояльность незападного мира западному проекту глобализации в значительной степени достигается как раз средствами западофикации мира (создания, распространения, доминирования именно западной идеологии понимания человека, общества и мира). Инструментами такого окультуривания населения (приобщения его к ценностям и целям западной цивилизации и либеральной культуре) как раз и выступают глобальные СМИ, масс-медиа и кинематограф, интернет, несомненно финансируемые большим капиталом [1]. Это финансирование идет как по направлению конструирования конкретного глобализационного трафика (здесь прежде всего речь идет о культивировании ценностей

потребления и либерализма), так и путем конструируемых образов рекламы, кинематографа, содержания образования и воспитания населения и профессионалов глобализированного мира. Главной целью является создание новой, мифологизированной, лояльной капиталу картины мира в сознании и поведении масс [4]. Все направлено на формирование, распространение и культивирование в сознании масс толерантного и даже смыслоподдерживающего, смыслообосновывающего пантеона либерально-потребительских ценностей. Идет масштабный и всепроникающий процесс массовой окультурации населения мира [5, 6, 7].

Необычным образом результатами такой окультурации, реализованной в период колониального мира и свободного рынка второй половины XX века, стали деформация и слом традиционных социальных институтов различных обществ в мире, на которых до сих пор зиждились устои социальной жизни и этих обществ, и человека. Интенсивному разрушению были подвергнуты традиционные ценности, связи, отношения, деятельностные практики человека в области традиционных форм общественной морали, в том числе общечеловеческая система ценностей, традиционных религий, традиционной семьи, института кровного родства, коллективизма, взаимопомощи и т. д. Все было направлено на то, чтобы высвободить человека из складывавшихся тысячелетиями институтов мысли и действия, ставших важными факторами безопасности человека в обществе и отдельных обществ в их отношениях друг с другом. Важное место в этих процессах заняла деформация исторической памяти и культурно-цивилизационной идентичности народов мира. Все было направлено на то, чтобы сделать человека не человеком семьи, общины, человеком конкретного народа, конкретной культуры и цивилизации, но человеком наднациональным, вне и над этнокультурным, внеисторическим человеком глобального капитализированного мира, мира массового производства и потребления, без сантиментов, свойственных человеку традиционной культуры и традиционных ценностей [3, 8].

Этот тип человека мы называем бифуркационным переходным типом человека [9], как правило, выступающего в качестве социальной базы крупных общественных преобразований (в данном случае глобализационных, вне- и наднациональных, вне- и надкультурных) [3, 8]. Именно этот глобализированный тип человека может стать и уже стал человеческим основанием глобального общества потребления. Человек индивидуализированный, вне- и наднациональный и культурно-исторический, чело-

век практичный и прагматичный в своих ценностях, целях и мотивах отношений и поведения. И именно этот человек стал фундаментом в глобальной системе труда и занятости, в системе массового потребления, отдыха и развлечений. Так незаметно наступила эпоха глобализированного человека, человека работы (человек заработка, но не осмысленного и творческого труда), человека потребления (человека, живущего ради потребления благ, развлечений как счастья жизни, но не ради развития себя как личности), человека карьерного, человека эгоистичного в своих ценностях и целях, человека, живущего для себя здесь и сейчас, даже вопреки другому, по существу, человека надобщественного, чей культурный кругозор ограничен кругом его личных, и только личных, интересов, для которого общество – это скорее инструмент собственного самоутверждения, собственного насыщения, нежели ценность и цель совместной жизни и условия быть человеком.

Все продается и все покупается и из всего можно делать деньги в этом новом мире глобального капитализма, который родом из капитализма западного и лежащей в его основе рациональности, индивидуализма, прагматизма и телесности культуры. Но, увы, здесь нет места культуре духовности, культуре ощущения и понимания своей сопричастности окружающему миру и ответственности перед ним. Безусловно, нельзя сказать, что этот процесс капитализации мира исключительно негативен для человека, культур, цивилизаций, стран и народов в континууме мира. Наряду с отчуждением, объективацией человеческой личности, традиционных социальных институтов, оригинальных культур и цивилизаций мировой капитал, мировое производство и потребление, конечно же, стали и важным фактором развития современного человека и общества [2, 3].

Не будем сейчас концентрироваться на оценке, чего в этом процессе капитализации мира больше – положительного или отрицательного (с той позиции, что занимает автор этой статьи, сущностного положительного в этом процессе меньше, чем сущностного отрицательного). Констатируем лишь то, что эти влияния и эти последствия амбивалентны, противоречивы. И наверное, это нормально для процессов человеческого развития. Ведь, в сущности, и сам человек противоречив, и нет сомнений, с философской точки зрения, что и все его проявления в сущности противоречивы. На всякую создаваемую человеком в творческом акте культуру и цивилизацию неизменно своими же трудами он возводит антикультуру и антицивилизацию. Эту противоречивость мы

видим на протяжении всей истории человеческого рода, отличающейся континуумом противоречивости.

В ситуации глобального западного капитализма современности различные государства мира попали в разные социально-экономические ситуации. Безусловно, прежде всего можно выделить лидирующие страны золотого миллиарда, выступающие в качестве законодателей культурных и цивилизационных процессов в современном мире, в том числе и лидеров, решающим образом влияющих на формирование повестки дня в области системы ценностей, смыслов и целей современного общества. Другим полюсом в этом процессе, также безусловно, с нашей точки зрения, стали незападные страны мира, чей обобщенный культурный и цивилизационный статус в обществе глобального западного капитализма может быть охарактеризован как природный, трудовой прирост и рынок сбыта глобальной продукции. Причем эта глобальная продукция в значительной степени производится этими же незападными странами и за счет их же собственных природных ресурсов. Эта ситуация может быть охарактеризована как глобальная культурная и цивилизационная иерархизация различных обществ в современном мире. Причем правила игры созданы изначально в интересах и целях стран именно западного мира [2, 8]. Процессы эти решающим образом обрушили суверенитеты незападных стран мира перед западным экономическим и культурным влиянием, нанеся трудно поправимые, порой и необратимые потери их культурной и цивилизационной безопасности [8].

Важно отметить и другой контекст. В культивируемом глобальном мире, заложенном на основаниях западной цивилизации и культуры, в основу сложившейся иерархизации стран и народов был положен, и это для нас тоже несомненно, фактор отчуждения и объективации западными странами (вооруженными рациональной культурой и цивилизацией) стран и народов. Этот процесс отчуждения и объективации в разные исторические периоды реализовывал себя в разных по жесткости формах культурной и цивилизационной колонизации западом всего остального мира. Сегодня эта колонизация чрезвычайно ослабела [5, 10]. Западная ось мировой истории начала давать все более существенные сбои. Мир быстро меняется от однополюсного к многополюсному тренду концентрации экономического и политического влияния. Проявились новые незападные аттракторы культурного и цивилизационного развития. Запад за годы культурной и цивилизационной колонизации западом дос-

таточно быстро обучился «премудростям» рациональной организации и ведения своего экономического, политического, социального и, в широком смысле, общественного развития. Появились и быстро наращивают свои силы феномены рационально обоснованного экономического «чуда» современной китайской и индийской цивилизаций.

В заключение не можем не затронуть тему места, роли и возможностей развития различных территорий мира в этом западном глобализированном мире. Оставим за скобками успешно развивающиеся территории мира, населенные китайцами и индийцами. Обратим наше внимание на другие цивилизации и культуры. В том числе на страны когда-то единого и по-своему глобализировавшего мир Советского Союза. Нам представляется, что выбранные ими стратегии и тактики встраивания в новый глобализированный мир оказались различны. Одни, воспрянув в форме организованной государственной власти, пошли по автономному с западом пути развития, стремясь стать равноправными геополитическими игроками мира, другие избрали в качестве своих стратегий кильватерную западу позицию развития, третьи выбрали путь компромиссов между западной глобализацией и собственной глокализационной политикой культурного и цивилизационного развития.

И этот расклад различных сценариев и программ государственного развития, несомненно, объективный процесс. В его основе надуманная и иллюзорная, но осмысленно реализуемая ситуация с пониманием собственных ресурсов развития этих стран (ресурсов природных и человеческих, как в их количественном, так и в качественном значении). Наверное, именно этот фактор и является здесь решающим. Активно идущие процессы поиска оптимальных форм интеграции этих стран друг с другом – это путь обретения более масштабного и качественного ресурса в конкурентной борьбе за выживание во все более жестком мире; ресурса, который мог бы стать достаточным для сохранения безопасного развития этих стран как культур и цивилизацией в мире, находящемся на изломе своей западофицированной истории [3].

В этом и заключаются синергетические ресурсы незападного мира в его борьбе под солнцем западной культуры и цивилизации [4, 5]. Они в многообразных формах интеграции в экономике, политике, культуре, образовании, науке и т. д., способной привести к синергетическим эффектам в его развитии и обретении новых, более высоких культурных и цивилизационных статусов в этом мире, которых они долгое время были лишены. Аналогичная

ситуация и с территориальными и региональными формами интеграции незападного мира, и незападного мира с отдельными геополитическими игроками запада. Нет сомнений, что интеграция ресурсов становится генеральным фактором выигрышей в новой культурной и цивилизационной гонке зародившегося постзападного проекта развития мира и как более равноправного и справедливого, и как более динамичного. Для адекватного понимания этого вопроса уточним некоторые ключевые идеи синергетики.

Основные идеи синергетики как теории самоорганизации были сформулированы в своих основных положениях бельгийским химиком и физиком русского происхождения И. Пригожиным и немецким математиком Г. Хакеном, в середине – конце XX века. Они и их последователи, в том числе в России (Н. Курдюмов, Д. Чернавский, Г. Малинецкий, В. Аршинов и др.) ввели и разработали основные элементы синергетического подхода – учения о сложности, самоорганизации, бифуркации, фрактальности, диссипации, открытых и закрытых системах, аттракторе, о роли малых флуктуаций в развитии систем различной природы и т. д. [10, 11]. Все они стали основой той теории самоорганизации, которая признана сегодня в качестве си-

нергетического подхода в описании развития систем любой природы, в том числе социальных систем. Особенно полезной синергетика оказалась в понимании систем нестабильной и кризисной природы и связанных с нестабильностью и кризисами этапов развития социальных систем. Востребованным здесь оказался предложенный синергетикой сценарный подход в описании и управлении сложными социальными системами на этапах и в ситуациях их переходного и бифуркационного развития [3, 10].

Заключение. Образ нового многополярного глобализированного мира как сложной системы и с природной, и с культурно-цивилизационной точки зрения, находящейся в ситуации онтологической (сущностной) нестабильности и потенциальной бифуркационности своего актуального развития, для нас решающий. Интегрированное единство многообразных природных и человеческих ресурсов, культур и цивилизаций незападного мира – прекрасный образ единой и сложной по своему составу природно-культурной системы, богатой возможностями социальной самоорганизации, развивающих эффектов, но также и бифуркационными рисками. Но ведь всякие возможности в своей реализации невозможны без рисков.

Литература

1. Хренков В. В., Шалаев В. П. Социально-деструктивный симбиоз бизнеса и рекламы в рыночном обществе (социально-философский анализ) // Труды БГТУ. 2016. № 5 (187): История, философия, филология. С. 137–141.
2. Шалаев В. П. Глобализация как западофикация и колонизация мира и эпилог западной оси мировой истории // Socio Time/Социальное время. 2015. № 2. С. 50–59.
3. Шалаев В. П. Осторожно мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time/Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
4. Шалаева А. В. Пространство мифа: мифологическое мышление в исследованиях мифа (часть 1) // Socio Time/Социальное время. 2015. № 3. С. 131–141.
5. Шалаев В. П. Человек и общество в глобализированном мире: метаморфозы, вызовы, перспективы. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. 288 с.
6. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time/Социальное время. 2015. № 2. С. 112–122.
7. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Псевдолиберальная культура как фактор глобальной западофикации и социальной деструкции общества // Труды БГТУ. 2016. № 5 (187): История, философия, филология. С. 133–136.
8. Шалаев В. П. Глобализация как вызов культурной и цивилизационной безопасности стран и народов в XXI веке // Труды БГТУ. 2015. № 5 (178): История, философия, филология. С. 89–93.
9. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time/Социальное время. 2016. № 2 (6). С. 71–81.
10. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.
11. Шалаев В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности: монография. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. 360 с.

References

1. Khrenkov V. V., Shalaev V. P. Socio-destructive symbiosis of business and advertising in a market society (socio-philosophical analysis). *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2016, no. 5 (187): History, Philosophy, Philology, pp. 137–141 (In Russian).

2. Shalaev V. P. Globalization as a Westernization and colonization of the world and the epilogue of the Western axis of world history. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 50–59 (In Russian).

3. Shalaev V. P. Caution mutation: man and society facing the challenges of globalization, westernization and consumption: contradictions are growing. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 3, pp. 48–57 (In Russian).

4. Shalaeva A. V. The space of myth: mythological thinking in the study of myth (Part 1). *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 3, pp. 131–141 (In Russian).

5. Shalaev V. P. *Chelovek i obshchestvo v globalizirovannom mire: metamorfozy, vyzovy, perspektivy* [Man and society in a globalized world: metamorphoses, challenges, prospects]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2015. 288 p.

6. Shalaeva S. L., Shalaev V. P. Liberal (pseudo-liberal) culture as a factor of global westernization and global governance. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 112–122 (In Russian).

7. Shalaeva S. L., Shalaev V. P. Pseudo-liberal culture as a factor of global westernization and social destruction of society. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2016, no. 5 (187): History, Philosophy, Philology, pp. 133–136 (In Russian).

8. Shalaev V. P. Globalization as a challenge to the cultural and civilizational security of countries and peoples in the 21st century. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2015, no. 5 (178): History, Philosophy, Philology, pp. 89–93 (In Russian).

9. Shalaev V. P. Bifurcation man in the global consumer society. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 2 (6), pp. 71–81 (In Russian).

10. Shalaev V. P. *Aktual'naya sinergetika: chelovek i obshchestvo v epokhu global'nykh transformatsiy* [Actual synergetics: man and society in the era of global transformations]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2013. 184 p.

11. Shalaev V. P. *Sinergetika v prostranstve filosofskikh problem sovremennosti: monografiya* [Synergetics in the space of philosophical problems of our time: monograph]. Yoshkar-Ola, MarGTU Publ., 2009. 360 p.

Информация об авторе

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет. Главный редактор научного журнала SocioTime/Социальное время (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: shalaevvp@volgatech.net

Information about the author

Shalaev Vladimir Pavlovich – DSc (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology. Editor-in-Chief of the scientific journal SocioTime (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: shalaevvp@volgatech.net

Поступила 16.09.2019

УДК 101+008

Г. И. Малыхина, В. И. Миськевич, В. В. Шепетюк

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФИИ В ПРОЦЕССАХ
ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются проблемы диалектики интернационализации и регионализации образования в контексте современных процессов глобализации. Обосновывается роль и значение философского образования как интеллектуального ресурса межкультурной коммуникации. Акцентируются социокультурные и межличностные проблемы общения с иностранными учащимися. Обобщен опыт работы преподавателей кафедры философии БГУИР с иностранными слушателями университета.

Ключевые слова: философия, интернационализация образования, поликультурность, университет, межкультурное взаимодействие, профессиональная подготовка иностранных обучающихся, обучение на английском языке.

G. I. Malykhina, V. I. Miskevich, V. V. Shepetyuk

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

**THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF PHILOSOPHY IN THE PROCESSES
OF INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION
AND INTERCULTURAL COMMUNICATION**

The problems of dialectic of internationalization and regionalization in education are considered in the article in the context of modern globalization processes. The role and importance of philosophical education is substantiated as an intellectual resource of intercultural communication. Socio-cultural and interpersonal problems of communication with foreign students are emphasized. The experience of teachers regarding the work with foreign students at the Department of Philosophy BSUIR is presented in the article as well.

Key words: philosophy, internationalization of education, multiculturalism, university, intercultural interaction, professional education of foreign students, education in English.

Введение. На волне достижений современной научно-технологической революции идет процесс формирования глобального информационно-коммуникационного общества. Глобализация – это процесс интеграции и конвергенции всех основных сфер жизни мирового сообщества на основе разделения труда и торговли, деятельности ТНК и формирования глобального рынка, активности международных институтов, СМИ и Интернета, массовизации культуры, международного сотрудничества ученых, универсализации норм международного права, экспансии английского языка и т. д. Важнейшее место в данном процессе принадлежит образованию, представляющему собой интеллектуальный потенциал (ресурс) инновационного развития любого современного общества.

Основная часть. Философия и философское образование является неотъемлемым компонентом данного ресурса. Философия представляет собой теоретическую, ценностно-рациональную систему знаний о мире, человеке и их взаимосвязях, является формой самосоз-

нания культуры. Вместе с тем ей принадлежит и важная практическая функция. Будучи системой мировоззренческих знаний и ценностных ориентаций, философия принимает самое непосредственное участие в процессах как трансформации общественного сознания, так и становления духовно-нравственных ориентиров личности. Эту свою функцию философия реализует прежде всего в контексте системы образования. В качестве учебного предмета она занимает центральное место в блоке социально-гуманитарных дисциплин. Философия вносит важный вклад в формирование инновационно-критического мировоззрения личности, мировоззрения, открытого межкультурной коммуникации и диалогу, способствует становлению ее активной гражданской и патриотической позиции. При этом эффективность преподавания философии, философского образования в решающей степени зависит от ее связи с реалиями жизни.

На макроуровне проблемы глобализации, современной межкультурной коммуникации и диалога обсуждаются на всемирных и нацио-

нальных философских конгрессах. На такого рода форумах теоретически осмысливаются и намечаются перспективы исследований наиболее актуальных вопросов современности, ставятся практические задачи перед мировым интеллектуальным сообществом. В частности, фокус-темой XXIII Всемирного философского конгресса в Афинах (август 2013 г.) являлась «Философия как исследование и образ жизни», а девизом последнего XXIV Конгресса в Пекине (август 2018 г.) был послыл: «Учиться быть человеком». В этом же русле идет и развитие отечественной философии. На недавно состоявшемся Первом белорусском философском конгрессе «Национальная философия в глобальном мире» (Минск, октябрь 2017 г.) обсуждался комплекс проблем, связанных с бытием человека в информационно-коммуникационном пространстве.

Формируемые на подобного рода форумах цели и перспективы социокультурной динамики, ключевые проблемы формирования личности, включая извечный вопрос «чему и как учить» молодое поколение в изменяющемся мире, находят свое практическое воплощение в различного рода социальных практиках, в том числе и в современных парадигмах образования.

В современном образовании можно выделить две взаимосвязанные тенденции: интернационализации образования (например, Болонский процесс) и его регионализации, т. е. сбережения национальных образовательных традиций (белорусских, литовских, чешских, польских и др.). Первая тенденция отвечает вызовам современного глобализирующегося мира, а вторая – потребностям сохранения национальной идентичности и культуры малых народов и государств.

Проблема диалектики регионализации и интернационализации образования является актуальной и для современного белорусского общества. Стремясь интегрироваться в европейское образовательное пространство, важно не потерять доказавшую свою состоятельность отечественную образовательную стратегию. Одной из важнейших задач этой стратегии, наряду с подготовкой высококвалифицированных специалистов, была и должна оставаться задача формирования человека как личности, гражданина, патриота, т. е. как носителя национального самосознания. Эта идея отражена и в Кодексе об образовании Республики Беларусь. Так, в статье 1, пункте 1.6 сказано следующее: «Образование – это обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося» [1].

Образование, как это следует из приведенного определения, реализуется через обучение и воспитание. Обучение связано с овладением учащимися кругом знаний, очерченных программой, и выработкой у них необходимых профессиональных компетенций. Задачи воспитания иные. Воспитание – это целенаправленный процесс формирования у индивида социально ценных и лично значимых качеств в соответствии с существующими в данном обществе представлениями об идеальном типе человека. Эти представления корнями уходят в историю народа, запечатлены в его фольклоре, традициях, памяти о подвигах национальных героев, произведениях деятелей культуры, образах искусства, имидже успешных современников, идеологии государства и т. д. Воспитание, в отличие от обучения, выполняет гражданскую и культурную функции и нацелено на формирование моральных качеств индивида, его эстетического отношения к миру, гражданской позиции, умения жить среди людей, способности осознанно самоопределяться в многообразии политических идеологий и программ, т. е., коротко говоря, на формирование социогуманитарной культуры личности. Свой «вклад» в этот процесс так или иначе вносят все изучаемые дисциплины. Однако для наук об обществе, культуре и человеку эта задача является приоритетной. Социально-гуманитарные знания (как, впрочем, и всякий иной род знаний) обладают определенной спецификой, которая реализуется в процессах образования. Во-первых, они связаны с ценностями и интересами. В разных обществах ценностные картины мира различны, и поэтому нужно уметь «вписать» в них научные и профессиональные знания. Во-вторых, эти знания должны сопрягаться с эмоционально-чувственным строем личности и превращаться в убеждения. В-третьих, социально-гуманитарные знания являются важным компонентом общей культуры человека, обнаруживаясь в его эрудиции, речи, способах общения, поведении, культуре мышления. В-четвертых, гуманистический эффект социогуманитарного образования состоит в развитии тех «сущностных сил» человека, которые позволяют ему выходить за пределы своих эгоистических интересов и осознавать, отстаивать «общее благо».

Социально-гуманитарная культура общества является ядром национального менталитета и национального самосознания. Национальное самосознание, как осознание нацией своей национально-культурной идентичности, своих интересов и идеалов, места в истории человечества, формируется в неразрывной связи с национальной культурной традицией, важнейшей

составной частью которой является история философских идей данной нации. Вот почему ее изучение следует рассматривать как неотъемлемый компонент образования осознающей свою идентичность личности.

Как было сказано выше, другой тенденцией развития современного образования является его интернационализация, которая представляет собой один из феноменов сложного комплекса глобализационных процессов. Она проявляется, в частности, в стремлении молодежи разных стран получать образование за границей. По данным ЮНЕСКО, за последние 50 лет академическая мобильность студентов, обучающихся за рубежом, возросла на 300%. Если в 2011 г. этот показатель составлял 2,8 млн. учащихся, то к 2025 г. ожидается его рост до 4,9 млн. обучающихся за рубежом. В процесс интернационализации образования в настоящее время включены более 140 государств мира, в том числе и Республика Беларусь. По официальным данным, за последние 8 лет количество обучающихся в нашей стране иностранных студентов удвоилось и составляет сейчас более 20 тыс. человек [2].

Экспорт образовательных услуг является одним из важных направлений государственной политики Республики Беларусь в сфере образования. В реализации этой политики принимают участие около тридцати вузов страны. Среди них одно из лидирующих мест принадлежит Белорусскому государственному университету информатики и радиоэлектроники. В настоящее время в нем обучается 570 иностранных граждан из почти 50 стран мира по 29 специальностям I ступени и 31 специальности II ступени высшего образования. При этом БГУИР является единственным вузом в нашей стране, в котором доступен полный цикл обучения на английском языке. Важность развития экспорта образовательных услуг и расширения международного сотрудничества отражены в «Плане основных мероприятий БГУИР на 2018/19 учебный год».

Национальная система образования, вовлеченная в процесс интернационализации, сталкивается с проблемами разнообразия различных интеллектуальных и культурных традиций, с одной стороны, и с нарастающей потребностью в диалоге этих культур – с другой. Это предполагает укрепление взаимопонимания между носителями различных национальных ментальностей, культивирование и распространение среди них общечеловеческих гуманистических ценностей. В контексте процессов интернационализации образования особую значимость приобретают вопросы трансформации педагогических технологий и их адаптации к

ситуациям поликультурности и плюрализма мнений, обусловленных многообразием этноконфессиональных, религиозных, национальных и мировоззренческих позиций учащихся из различных зарубежных стран. Другими словами, функционирование современного университета, вовлеченного в процесс интернационализации и межкультурной коммуникации в форме экспорта образовательных услуг, проходит в условиях изменяющейся на наших глазах социокультурной реальности, в которой сосуществуют, конкурируют и взаимовлияют друг на друга взгляды и ценностные ориентации носителей различных традиций и культур. В этих условиях университет становится центром интеграции и диалога культур, реализуя важную социальную миссию по гармонизации глобальных социальных связей и отношений между представителями различных этнических общностей, укреплению межконфессионального и межнационального согласия. Анализ вышеназванных моментов, влияющих на эффективность профессиональной подготовки иностранных специалистов, актуализирует задачу поиска оптимальных моделей взаимодействия наших преподавателей и иностранных учащихся, разработки новых подходов к управлению образовательным процессом с целью создания продуктивной учебной среды.

Контингент иностранных студентов, обучающихся в БГУИР, представлен молодыми людьми из тех стран и регионов, которые сегодня заявляют о своем стремлении к отстаиванию национальной идентичности и сохранению культурной самобытности своих стран в контексте амбивалентного характера процессов мировой глобализации. Так, заметно проявляется тенденция, в соответствии с которой значительная часть иностранных граждан, приезжающих к нам на обучение, не разделяет свойственную нашему мировоззрению и культуре европоцентристскую образовательную парадигму. Типичной характеристикой последней является абсолютный приоритет исторического опыта и ценностей западной цивилизации в процессах образования, обучения и воспитания.

Вместе с тем иностранные учащиеся из государств Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока нередко в своих суждениях акцентируют внимание на обоснованности предъявления т. н. «исторических счетов» колониальной политике Запада, ставшей одной из причин исторически сложившегося дисбаланса и неравенства возможностей в развитии стран и континентов. Таким образом, налицо осознанное стремление иностранных слушателей университета получать не только профессиональные знания и компетенции, но и знания, удов-

летворяющие их представлениям о социальной справедливости, моделях общественного развития, религиозных и национальных традициях. Другими словами, это означает, что иностранные учащиеся обладают «особой чувствительностью» к данным проблемам, что обязывает преподавателей считаться в учебном процессе и общении с такого рода особенностями их мировоззрения. Так, в частности, новое поколение магистрантов – уроженцев Боливарианской Республики Венесуэлы – отмечают важность их современного понимания концепции национальной истории и культуры, государственного и общественного развития. Этот подход предполагает прежде всего анализ и оценку собственных достижений на пути формирования национальной государственности вне влияния колониальных сил. Данный запрос со стороны слушателей представляет собой попытку установления межкультурного диалога и взаимопонимания в ситуации учебного взаимодействия, результатом чего является повышение их мотивации к усвоению содержания курсов социогуманитарного профиля. Таким образом, согласование позиций участников учебного процесса относительно вопросов, напрямую не коррелирующих с основными задачами профессиональной подготовки специалистов, оказывает самое существенное влияние на формирование взаимных ожиданий и конкретных результатов учебной деятельности. Важное значение в данном отношении принадлежит также установлению прочных и дружественных связей иностранных учащихся с социальным окружением. Помочь им в этом – еще одна важная задача преподавателей (естественно, наряду с другими заинтересованными коллегами и службами университета). Думается, что такого рода «понимающее» взаимодействие преподавателей философии и социогуманитарных дисциплин со своими иностранными слушателями является одним из факторов, способствующих повышению качества профессиональной подготовки иностранных обучающихся.

Многолетний опыт работы преподавателей кафедры философии БГУИР со всеми категориями иностранных учащихся (студентами, магистрантами и соискателями) дает богатый материал для осмысления специфики работы с данной аудиторией. Речь идет об иных мировоззренческих ориентациях, установках мышления и образе жизни иностранных граждан, прибывших в наш университет для получения образования. Эти мировоззренческие и поведенческие различия (от способов письма до гендерных различий), как показывает практика, серьезно влияют на успешность учебного процесса, в том числе на освоение программ кур-

сов по философии, логике, философии и методологии науки и др.

Таким образом, работа с иностранными студентами имеет свою специфику. Акцентируем те ее моменты, которые касаются изучения ими философии и предметов социогуманитарного блока. Прежде всего, следует указать на их весьма расплывчатые и фрагментарные представления об истории и культуре западной цивилизации. Это, в принципе, объяснимо и связано с особенностями их национальных образовательных программ, ориентированных на самобытные исторические традиции и ценности. Отечественные образовательные программы и стратегии нацелены на интеграцию системы образования Республики Беларусь в Европейское образовательное пространство (в рамках Болонского процесса) и являются европоцентристскими. В этой связи возникает непростая задача налаживания мостов, диалога и взаимопонимания между иностранной аудиторией (очень «пестрой» и разнообразной по мировоззренческим, ценностным и ментальным ориентациям) и самими преподавателями. Первый барьер на этом пути – психологический. Умение общаться с представителями не просто иных национальностей, но часто совсем незнакомых культур требует особого такта и внимательности. Преподаватели кафедры философии, приступая к работе с иностранцами, стараются, как правило, предварительно познакомиться с группой, узнать ее национальный состав, выяснить наиболее важные вехи истории страны, духовно-ценностные (включая религиозные) особенности культуры ее представителей. Такой подход, как показывает практика, позволяет быстрее находить взаимопонимание со студентами и включиться в учебный процесс.

Следующая проблема – изучение самих курсов «Философия», «Логика» и «Философия и методология науки». Философия и наука – это важнейшие феномены западной культуры, которая фундирована ценностями демократии, уважения прав личности, конкуренции, рационализма, свободомыслия. В этой связи неизбежно возникает вопрос о возможности ментального диалога и взаимопонимания с представителями так называемых недемократических культур. Современные специалисты-востоковеды, в частности, отмечают, что даже в Индии и Китае, изобилующих философскими школами и направлениями, не было такой бескомпромиссной борьбы, разнообразия и динамики идей, которые отличают эволюцию европейского самосознания. Западные стереотипы видения иных культур и их восприятие сквозь призму собственных ценностей и интересов обуславливают одномерное понимание коммуникативных

ресурсов данных культур. В этой связи можно сослаться на непростой опыт общения (в рамках образовательного процесса) с магистрантами из Северной Кореи и совместного обсуждения философии чучхе. Впечатляют трудолюбие и дисциплинированность учащихся из Вьетнама, социально-этическая ориентация мышления китайских студентов, оптимизм и жизнестойкость арабоязычной аудитории, мифологическое мировосприятие студентов из Африки. Другими словами, преподаватели должны понимать те реальные особенности носителей различных культур, когда речь идет о несходящихся ментальностях.

В этой связи представляются важными и нужными, во-первых, обзорные лекции по истории западной цивилизации и культуры, философии и науке, а во-вторых, акцентирование примеров влияния Востока на обогащение и развитие культурных традиций Запада: например, аверроизма – на средневековую европейскую схоластику, буддизма – на философию жизни и психоанализ.

Переход от одномерной интерпретации Западом эволюции мировой культуры к ее многомерному истолкованию повышает интерес субъектов незападных культур к изучению философских дисциплин. Особо хотелось бы выделить успешность овладения философскими курсами слушателями из Ливана. Их отличает достаточно хороший уровень школьного образования, удовлетворительное владение английским языком и высокая мотивация к учебе.

Еще одна задача, стоящая перед преподавателями кафедры философии, работающими с иностранными студентами, заключается в формировании у них позитивного отношения к нашей стране и белорусскому народу. Изучение в рамках вышеназванных курсов истории и культуры Беларуси, отечественной философской и политико-правовой мысли дает возможность не только конкретизировать содержание учебных предметов, но и ближе познакомить иностранных студентов с основами государственного устройства, идеологией, менталитетом и обра-

зом жизни белорусского народа. Такого рода подход позволяет дополнить их стихийно складывающееся представление о белорусской реальности более глубоким философским, т. е. социокультурным и историческим измерениями. Авторы полагают, что эта работа важна и в плане той интернациональной «профориентационной» деятельности и рекламы Беларуси, которую выпускники нашего университета *volens-nolens* будут проводить по возвращении на родину.

Одним из значимых аспектов интернационализации образования является дополнение национальных образовательных практик обучением на иностранных языках, прежде всего на английском. Как отмечалось выше, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники активно участвует в данном процессе. Посильный вклад в это общее дело вносят и преподаватели кафедры философии БГУИР, ведущие учебные занятия на английском языке на I и II ступенях высшего образования, а также в рамках работы с иностранными соискателями. В целях обеспечения учебного процесса авторским коллективом подготовлено и издано первое в стране учебное пособие «Философия / *Philosophy*» на английском языке с грифом Министерства образования Республики Беларусь [3]. В данном учебном пособии обобщен многолетний опыт преподавания дисциплин кафедры на английском языке, учитывающий культурное разнообразие иностранных слушателей университета.

Заключение. В качестве выводов отметим, что философское образование стимулирует выработку высоких гуманистических идеалов и ценностей личности, демонстрируя тем самым существенный конструктивный потенциал в вопросах укрепления межкультурной коммуникации, гармонизации межэтнических отношений, и может быть рассмотрено в качестве важного элемента программы воспитания толерантного сознания и поведения людей в современном динамично изменяющемся мире.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании. Ст. 1, п. 1.6. URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 17.01.2019).
2. Более 20 тысяч иностранных студентов учатся в Беларуси. // Периодическое издание «СБ – Беларусь Сегодня». URL: <https://www.sb.by/articles/bolee-20-tysyach-inostrannykh-studentov-uchatsya-v-belarusi.html%3famp=1?espv=1> (дата обращения: 15.01.2019).
3. Философия: учеб. пособие / Г. И. Малыхина [и др.]. Минск: БГУИР, 2017. 284 с.

References

1. *Kodeks Respubliki Belarus' ob obrazovanii* [Code of the Republic of Belarus on education]. Available at: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (accessed 17.01.2019).

2. More than 20 thousand foreign students study in Belarus. *Periodicheskoye izdaniye «SB – Belarus' Segodnya»* [Periodical «SB – Belarus Today»]. Available at: <https://www.sb.by/articles/bolee-20-tysyachinostrannykh-studentov-uchatsya-v-belarusi.html%3famp=1?espv=1> (accessed 15.01.2019).

3. Malykhina G. I. [et al.] *Filosofiya* [Philosophy]. Minsk, BSUIR Publ., 2017. 284 p.

Информация об авторах

Малыхина Галина Ивановна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии. Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (220013, г. Минск, ул. Петруся Бровки, 6, Республика Беларусь). E-mail: malykhina@bsuir.by

Миськевич Владимир Иосифович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (220013, г. Минск, ул. Петруся Бровки, 6, Республика Беларусь). E-mail: voldemar-vim@tut.by

Шепетюк Виталий Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (220013, г. Минск, ул. Петруся Бровки, 6, Республика Беларусь). E-mail: shepetuk@mail.ru

Information about the authors

Malykhina Galina Ivanovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy. Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (6, Petrusya Brovki str., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: malykhina@bsuir.by

Miskevich Vladimir Iosifovich – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy. Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (6, Petrusya Brovki str., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: voldemar-vim@tut.by

Shepetyuk Vitaliy Vasilievich – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy. Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (6, Petrusya Brovki str., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: shepetuk@mail.ru

Поступила 10.09.2019

УДК 1(091)(430)

И. М. Ратникова

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

Данная статья посвящена осмыслению аксиологических оснований современной западной цивилизации посредством реконструкции концептуальных ресурсов критической теории. Выявлено значение классической критической теории в раскрытии амбивалентного характера ценностных установок техногенного общества, доминантными стратегиями которого являются господство и потребление. Отмечается эвристический потенциал критической теории в деле преодоления патологий общественного развития. Рассмотрены модели социального устройства, в качестве оснований которых выступают такие ценности, как справедливость, дискурсивность, признание, толерантность (Р. Форст).

Ключевые слова: аксиологические основания, критическая теория, западная цивилизация, справедливость, право на оправдание, признание, толерантность.

I. M. Ratnikova

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

**THE AXIOLOGICAL FOUNDATIONS
OF MODERN WESTERN CIVILIZATION
AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL REFLECTION OF CRITICAL THEORY**

The axiological foundations of modern Western civilization through the reconstruction of the conceptual resources of Critical Theory are analyzed in this article. The importance of classical Critical Theory in revealing the ambivalent nature of the value orientations of a technogenic society, the dominant strategies of which are domination and consumption, is shown. The heuristic potential of Critical Theory in overcoming pathologies of social development is noted. The models of social structure are considered, the basis of which are such values as justice, discursiveness, recognition, tolerance (R. Forst).

Key words: axiological foundations, Critical Theory, Western civilization, justice, right to justification, recognition, tolerance.

Введение. Ценности, их место и роль в индивидуальном и общественном бытии были предметом философской рефлексии еще со времен античности. Вместе с тем аксиологические основания культуры становятся приоритетным предметом исследования лишь в неклассической философии в контексте осмысления кризисного пути развития западной цивилизации. Это и критика европейских ценностей в философии А. Шопенгауэра, и тезис о «переоценке всех ценностей» Ф. Ницше, и редукция философии к учению о ценностях в Баденской школе неокантианства, и анализ товарного фетишизма в философии К. Маркса, и концепции М. Шелера, М. Вебера, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна и многих других мыслителей.

Современные цивилизационные процессы, характеризующиеся социально-политическими, экономическими, культурными противоречиями и конфликтами, подъемом политики мультикультурализма, ускорением темпов глобализации, миграционными и интеграционными явлениями, ростом общественного недовольства, появлением религиозно мотивированного экстремизма и терроризма, актуализируют не-

обходимость осмысления аксиологических оснований техногенной цивилизации. В данной статье представлена попытка исследования ценностных ориентиров западной культуры посредством концептуальных ресурсов одного из наиболее оригинальных и продуктивных направлений современного философского знания – критической теории.

Основная часть. Критическая теория – это исследовательская программа современной гуманитаристики, цель которой состоит в системном анализе социокультурной реальности, различных аспектов бытия человека в мире в контексте фундирующих их отношений господства – подчинения и ложных форм их обоснования, широко представленная сегодня рядом направлений (критическая социальная теория, критическая правовая теория, критическая литературная теория и др.), характеризующихся единством философских оснований, обосновывающих ее фундаментальные принципы (единство теории и практики, контекстуальность, рефлексивность). Проблемное поле как классической (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе и др.), так и современной критической

теории (Ю. Хабермас, А. Хоннет, Р. Форст и др.) задано рефлексией над предельными основаниями западной культуры, имплицитивной социальной катаклизмы и глобальные проблемы современности.

Важный вклад классической критической теории в исследовании аксиологических оснований техногенной цивилизации состоит в раскрытии конститутивной роли инструментальной рациональности, когнитивистской редукции природы человека и прогрессистского видения исторического процесса, его имманентной целесообразности, в становлении ее фундаментальных принципов. Здесь убедительно показано, что несостоятельность и изначальная противоречивость ценностных установок инструментальной рациональности, направленных на познание природы с последующим ее практическим использованием и управлением, имели решающее значение для возникновения целого комплекса глобальных проблем, с которыми столкнулось современное общество.

Кроме того, в рамках классической версии критической теории были эксплицированы концептуальные основания генезиса западной иерархии ценностей, доминантными стратегиями которой становятся господство и потребление, а также культурные формы и механизмы их обоснования. Классиками критической теории раскрыто, что неотъемлемой чертой познающего субъекта является его стремление к осуществлению своих властных интенций, господству в мире. Самоуверенность такого субъекта осуществляется за счет признания его власти над другими и враждебности по отношению к самому себе. Сводясь к инструменту познания, нацеленному, в конечном счете, на производство и потребление, он овеществляется, утрачивает свою многомерность и способность к критической рефлексии.

Классической критической теорией также была раскрыта и противоречивость идеологии безудержного прогрессивного развития, которая обернулась регрессом, подавлением и самоуничтожением человечества: эмансипаторские в своей основе ценностные установки привели к результату, противоположному ожидаемому, – не к освобождению человека из-под власти природных стихий, но к прогрессу в деле покорения и подавления познающим, рациональным субъектом всех видов реальности. История развития западной культуры, согласно философским взглядам основоположников критической теории, превратилась в череду катастроф: мировые войны, концентрационные лагеря, Холокост, холодная война и многие другие.

Таким образом, реализация данных установок, по мнению классиков критической теории,

обусловила следующие черты, ценности и явления западной цивилизации: 1) сугубо утилитарное, потребительское отношение к природе повлекло за собой возникновение экологических проблем, поставивших под угрозу само выживание человечества; 2) трактовка науки как инструмента решения прикладных задач вне их аксиологической соотнесенности сопровождалась внедрением ряда научных открытий и изобретений в социально-политическую практику, породивших целый комплекс проблем, от решения которых сегодня зависит дальнейшая судьба человечества; 3) доминирование сциентистски ориентированного позитивизма стало причиной редукции задач философии к методологическому обеспечению научного знания, по этой причине она оказалась не в состоянии решать мировоззренческие, смысложизненные проблемы человека; 4) секуляризационные процессы привели к формированию общества, где «все дозволено»; 5) возникновение рационалистической морали, подавляющей естественную природу человека, стало источником различных идиосинкразий, неврозов, возникновения авторитарного типа характера; 6) превалирование ценностей либеральной идеологии в политической сфере обернулось возникновением фашизма; 7) формирование культурной индустрии развлечений превратило искусство в идеологию легитимации существующего социального порядка, в результате чего произошло вытеснение аутентичного, ауратичного, модернистского искусства массовым, для которого характерны схематизм, шаблонность, стандартизация, единообразие; 8) промышленное производство породило отчуждение человека от средств и продукта труда, превратило его во всего лишь винтика, обслуживающий производственный аппарат.

Выявленный в ходе исследования предельных оснований западной цивилизации амбивалентный характер ее ценностных установок приводит критическую теорию к необходимости проектирования альтернативных моделей социальной реальности. В качестве аксиологических оснований разрабатываемых представителями критической теории моделей общественного устройства выступают принципы свободы, разумности, солидарности, справедливости, бережного отношения к природе, дискурсивности, intersubъективного признания, толерантности и др. (к примеру, проект «здорового общества» Э. Фромма, идея «эстетической рациональности» Т. Адорно, концепция «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса).

Так, представитель современной критической теории Р. Форст разрабатывает такую модель социальной реальности, ценностным основанием которой выступает идея справедливости.

В своих работах [1–4] он пытается выявить предпосылки справедливого общественно-политического порядка. Опираясь на ключевые положения современных дискуссий по данному вопросу, он выявляет нормативные контексты справедливости, характеризующиеся им как сферы взаимного этического, правового, политического и морального признания, в основе которого – право на оправдание. Это право состоит в отказе от политических или социальных отношений господства – подчинения, адекватно не обоснованных и не легитимизованных теми людьми и сообществами, которые имеют к ним непосредственное отношение.

Философия справедливости как аксиологическое основание разрабатываемой Р. Форстом модели социального устройства не только включает нормативную теорию оправдания, фундированную принципами публичной критики и аргументации, но также подразумевает анализ предвзятых и ложных отношений оправдания. В этой связи особое значение в его теории приобретает концепция толерантности. Следует отметить, что понятие «толрантности» сегодня не имеет однозначного контента. С одной стороны, толерантность означает мирный способ сосуществования разных образцов жизни, а с другой, содержательно связана с отношениями господства и репрессиями.

Р. Форст отмечает, что до сих пор остается дискуссионным не только вопрос обоснования и установления границ толерантности, но и вопрос ее морального содержания. Дебаты о сущности толерантности объясняются тем, что исторически возникло несколько подходов к интерпретации данного понятия. Основными в настоящий момент являются концепции разрешения и уважения. В своих исследованиях Р. Форст пытается показать, что эти дискуссии в значительной степени определяют современные конфликты, а главную задачу критической теории толерантности видит в анализе таких конфликтов и присутствующих им «грамматик» справедливости.

Так, согласно концепции разрешения, толерантность – это отношение между властью и несогласным меньшинством. Толерантность означает здесь, что власть, или большинство, дает разрешение членам меньшинства жить в соответствии с их убеждениями при условии, что меньшинство принимает доминирующее положение этой власти, или большинства. Пока их разногласия остаются в допустимых пределах, в качестве частного вопроса, и до тех пор пока они не претендуют на равный социальный и политический статус, их можно терпеть по разным причинам. С прагматической точки зрения эта форма толерантности считается наименее дорогостоящей из всех возможных альтернатив и не

нарушает гражданский мир и порядок, как ее определяет доминирующая сторона.

В качестве примеров, иллюстрирующих такую политику, Р. Форст приводит указ Нанта (1598 г.), закон о толерантности в Англии (1689 г.) или патенты толерантности Иосифа II в Габсбургской монархии (1781 г.). Толерантность в этих документах означает, что власть, или большинство, которые имеют право вмешиваться в практику меньшинства, тем не менее терпит ее, в то время как меньшинство принимает свою зависимую позицию. Одна сторона позволяет другой стороне определенные вещи на условиях, указанных первым.

Именно эта концепция разрешения имела в виду И. Кантом и И. Гёте в их критике толерантности, выявляющей ее амбивалентность. С одной стороны, упомянутые действия и политика защищают некоторые находящиеся под угрозой меньшинства и предоставляют им определенные свободы, которых у них не было ранее. Но, с другой стороны, именно этот акт предоставления делает данную концепцию «вертикальной» толерантности проблематичной. В основном для такой политики были характерны стратегически мотивированные разрешения, которые могли быть отозваны в любое время и, следовательно, вынуждали меньшинства занимать неустойчивое положение граждан второго сорта, зависящих от доброй воли властей.

Концепция уважения противоположна вышерассмотренной позиции разрешения, исторически эволюционировавшей и все еще присутствующей в современном дискурсе. В основании концепции уважения лежит взаимное признание разными сторонами. Несмотря на их серьезные различия в убеждениях и культурной практике, они уважают друг друга как морально и политически равных. Такой подход является результатом сложной истории борьбы с различными формами нетерпимости, а также против форм односторонней терпимости, основанной на концепции разрешения.

Основной тезис Р. Форста состоит в том, что справедливое общество невозможно без толерантности, а выдвинутый им принцип оправдания покоится на обосновании требования более высокого порядка предоставить адекватные условия для притязаний в политической сфере. Вот почему он исполняет роль основы концепции толерантности, в самом центре которой содержится принцип критики ложных форм толерантности.

Преимущество концепции Р. Форста состоит в следующем. Во-первых, критерии, предназначенные для установления пределов толерантности, являются дискурсивными и открытыми, предполагающими, что ни один голос в

социальной и политической борьбе не будет проигнорирован. Это имеет важные институциональные последствия для установления хотя бы минимально справедливой политической структуры обоснования. Во-вторых, его подход предоставляет концептуальные ресурсы для того, что называется им критической теорией толерантности. Используя понимание матрицы власти, которая соответствует концепции разрешения, можно видеть, что эти формы толерантности одновременно включают и исключают меньшинства. Они включают их и дают им некоторое признание и защиту, но в то же время они определяют их как граждан второго сорта. Такие формы толерантности освобождают и вместе с тем репрессивны в своей сути.

Критическая теория включает не только нормативную теорию оправдания, которая опирается на принцип публичной критики и аргументации, но также подразумевает анализ существующих предвзятых и ложных отношений оправдания. Толерантность возможна только будучи основанной на рефлексивных принципах и практике равного уважения. Задача критической теории – создать фундамент для того, чтобы дать меньшинствам голос в политических дебатах, предоставить им достаточную власть для оспаривания политических и социальных норм.

Концепция толерантности Р. Форста представлена следующими компонентами: 1) генеалогическим компонентом, реконструирующим различные концепции толерантности; 2) нормативной теорией оправдания и критики толерантности; 3) критическим анализом существующих форм власти и обоснования толерантности, в том числе формы нетерпимости, а также «дисциплинарной» терпимости в соответствии с концепцией разрешения; 4) широким социальным, политическим и культурным анализом контекстов, в которых возникают религиозные или культурные противоречия, а также факторов, которые могут превратить их в насильственные конфликты; 5) перспективы установления минимально справедливой основы оправдания с задачей институционализации рефлексивных форм категориального содержания и границ толерантности.

Заключение. Амбивалентный характер развития техногенной цивилизации, сопровождающийся не только значимыми достижениями в научно-технической, экономической, правовой и других сферах, но и появлением целого комплекса глобальных проблем, от решения которых зависит существование человеческого вида, ставит нас сегодня перед необходимостью переосмысления ее аксиологических оснований. В этой связи концептуальные ресурсы критической теории имеют определенный эвристический потенциал.

Литература

1. Forst R. *Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism*. Berkeley, Los Angeles, London: Univ. California Press, 2002. 346 p.
2. Forst R. *First Things First: Redistribution, Recognition and Justification* // Honneth A. *Critical essays: with a reply by Axel Honneth*. Leiden, Boston: Brill, 2011. P. 303–321.
3. Forst R. *The Right to Justification*. New York: Columbia Univ. Press, 2007. 351 p.
4. Forst R. “To Tolerate Means to Insult”: Toleration, Recognition, and Emancipation // *Recognition and Power. Axel Honneth and the Tradition of Critical Social Theory*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 215–238.

References

1. Forst R. *Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism*. Berkeley, Los Angeles, London, Univ. California Press, 2002. 346 p.
2. Forst R. *First Things First: Redistribution, Recognition and Justification*. Honneth A. *Critical essays: with a reply by Axel Honneth*, Leiden, Boston, Brill, 2011, pp. 303–321.
3. Forst R. *The Right to Justification*. New York, Columbia Univ. Press, 2007. 351 p.
4. Forst R. “To Tolerate Means to Insult”: Toleration, Recognition, and Emancipation. *Recognition and Power. Axel Honneth and the Tradition of Critical Social Theory*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2007, pp. 215–238.

Информация об авторе

Ратникова Ирина Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (220013, г. Минск, ул. Петруся Бровки, 6, Республика Беларусь). E-mail: volira_@mail.ru

Informations about the author

Ratnikova Irina Mikhailovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy. Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (6, Petrusya Brovki str., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: volira_@mail.ru

Поступила 10.09.2019

УДК 001.4-043.5:001.892

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**КОЭВОЛЮЦИОННО-НООСФЕРНАЯ ЭКСПАНСИЯ ОБЩЕСТВА
В ГЕНЕРИРОВАНИИ РЕСУРСОВ СОЦИОПРИРОДНОГО БЫТИЯ**

В статье представлена первоначальная попытка разработки и формирования элементов методологического подхода к выявлению сущности коэволюционно-ноосферной экспансии общества в процессе генерирования ресурсов социоприродного бытия. В основу проводимого анализа положена идея эволюционно-исторического развития и преемственности пространственно-временной экспансии биологической жизни и распространения на нашей планете посредством человеческой деятельности биосоциальной ее организации. Выявлено, что экспансия жизни осуществляется стихийно благодаря расширению пространства и ускорению во времени коэволюционного взаимодействия со средой, сопровождающегося активным формированием «живым веществом» элементов регулируемой, асимметричной коэволюции, которая является средством самосохранения живого. Отмечается качественное отличие коэволюционно-ноосферной экспансии человеческой деятельности по созданию ресурсов социоприродного бытия. Содержание работы выстраивается с учетом основных обобщений В. И. Вернадского, раскрывающих важнейшие закономерности исторического становления живого, начиная от простейших его форм и заканчивая человеческим существом.

Ключевые слова: коэволюция, ноосфера, экспансия, общество, генерирование, ресурсы, социоприродное бытие.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**COEVOLUTIONARY-NOOSPHERIC EXPANSION OF SOCIETY
IN THE GENERATION OF RESOURCES OF SOCIAL AND NATURAL LIFE**

The article presents an initial attempt to develop and formulate elements of a methodological approach to identifying the essence of co-evolutionary-noospheric expansion of society in the process of generating resources of social and natural life. The analysis is based on the idea of evolutionary historical development and the continuity of the spatio-temporal expansion of biological life and the spread on our planet through human activity of its biosocial organization. It has been revealed that the expansion of life is carried out spontaneously due to the expansion of space and the acceleration in time of co-evolutionary interaction with the environment, accompanied by the active formation of “living matter” elements of regulated, asymmetric co-evolution, which is a means of self-preservation of the living. A qualitative difference is noted in the co-evolutionary-noospheric expansion of human activity in creating the resources of socio-natural being. The content of the work is built taking into account the basic generalizations of V.I. Vernadsky, revealing the most important laws of the historical formation of living things, from its simplest forms to a human being.

Key words: co-evolution, noosphere, expansion, society, generation, resources, social and natural being.

Введение. В настоящее время человечество переживает вызов планетарного масштаба, обусловленный сокращением ресурсного потенциала биосферы при одновременно продолжающемся увеличении объема изъятия из естественных систем различных природных материалов и их потребления в связи с ростом численности населения. Чтобы ее осмысливать без излишеств антропоцентристских эмоций, автором предпринят оригинальный методологический подход по выявлению общих принципов исторического развития жизни, которые проявляются и в человеческой деятельности. В этом отношении автор опирался на некото-

рые важнейшие обобщения В. И. Вернадского, имеющие характер эволюционных закономерностей в развитии биосферы.

Основная гипотеза данной статьи заключается в утверждении, что коэволюционно-ноосферная экспансия, складывающаяся на основе основных исторических тенденций развития «живого вещества» (В. И. Вернадский), начиная от простейших живых организмов и заканчивая человеком, генерирует ресурсы динамически устойчивого социоприродного бытия как системного свойства сосуществования человека, общества и природы. Социоприродное бытие рассматривается автором в двух ос-

новых значениях. Во-первых, под ним понимается форма организации сосуществования человека как биологического и социального существа, социального сообщества людей и преобразованной части естественной природы, которую называют искусственной природой, или техносферой. Искусственная природа не может быть создана не из материалов естественной природы. Поэтому она является функционально производной от более широкой реальности естественной природы. Второе значение понятия социоприродного бытия включает в себя реальность человека как биосоциального существа, общества, искусственную и естественную природу, незатронутую преобразующими действиями человека. Второе пояснение в контексте авторской гипотезы означает то, что коэволюционно-ноосферная экспансия есть сложившийся в ходе исторического развития стихийный механизм, обусловленный выходом за пределы существующих биологических и социальных форм организации жизни и освоением жизнью новых возможностей включения ресурсов в развитие живой природы и общества. В данном случае коэволюция рассматривается не как готовый результат сопряжения систем различной природы, а ноосфера – не как произвольное изобретение человека. Их значение заключается в способности живого генерировать разнообразные ресурсы для его самосохранения в процессах собственного воспроизводства и развития.

Основная часть. Отметим одну из главных причин вызова (обозначенного во введении) будущему человека разумного, его перспективе самосохранения как вида, монополизирующего свою связь в современной биосфере. Она заключается в расхождении стратегических направлений: стихийного развития жизни (живой природы) и якобы осознанно направляемого изменения человеческого общества. В реальной действительности фактор сознания и повседневная практика осуществления различных проектов социальных изменений в современном мире, выстраиваемых на основе определенных целей и соответствующим образом организуемой по достижении желаемого будущего вовсе не отменяет полностью тенденцию возрастания стихийного формирования отношений в обществе и в его взаимодействии с природой. Сохраняется известная закономерность, состоящая в том, что полученный результат не может быть полностью тождественен содержанию реализуемой по его достижении цели. Чем сложнее и больше социальная система (то или иное общество, а тем более человечество в целом), тем чувствительнее и масштабнее проблема совладания со стихийно-

стью, спонтанностью внутрисоциальных процессов и взаимосвязей с природой. Ситуация формирования нового характера разобщенности и стихии в условиях глобализации, продиктованной интересами различных стран и социальных групп, несовпадением средств и приоритетов в их реализации на различных уровнях социума, приводит к неопределенности в представлениях о будущем, неуверенности в способности человечества обеспечить собственную безопасность и выработать общую стратегию достижения гуманного будущего. Возникшая разбалансированность в системе международных отношений выявляет тенденцию стихийного генерирования, синергии и определенной активной экспансии регрессивных процессов в условиях отсутствия необходимого практического, целенаправленного стремления по обеспечению доминирования прогрессивных нововведений с позиций формирования единства человеческого сообщества.

Анализ противоречивой природы человека и общественных отношений, которые обуславливают столкновение различных интересов и непрекращающиеся социальные конфликты, в связи с чем раскрываются пути решения социально-экономических и политических проблем в отдельных странах и мировом сообществе в целом, осуществляет в новой монографии А. Н. Чумаков [1]. Следует особо подчеркнуть, что человек в своем сугубо практицистском, потребительском отношении не только непосредственно, но и опосредованно «смотрит» на себя самого, на внутрисоциальные отношения, на природу и отношение к ней в канализированном направлении реализации своих интересов прежде всего, или сквозь их своеобразную призму, что выражает основной стратегический принцип его жизни – самосохранение. Поэтому диапазон практического видения мира и взаимозависимого сосуществования организуется и детерминируется в соответствии с этим обстоятельством. Вместе с тем деятельностное отношение человека к миру, вырывающее из природы нужные ему для удовлетворения потребностей фрагменты вещества, энергии и добываемого знания, всегда «цепляет» и производит разрушение множества других связей природных систем, внося спонтанные, хаотические изменения в социоприродные отношения. Таким образом, человек помимо своей воли вносит в свои отношения с естественной природой процессы стихийной коэволюционной взаимозависимости. Любые формы коэволюции в природе являются отражением спонтанного ее развития в единстве процессов упорядочения и разупорядочения. Любая открытая природная система, способная к саморазвитию, есть

козволюционирующая система. Козволюция в такой системе представляет собой специфический селективный механизм продуцирования, поддержания определенного взаимообусловленного соотношения упорядочения и разупорядочения, связей, свойств, тенденций изменений эволюционирующих систем. Любая из козволюционирующих систем должна в определенной степени «поступиться» своей целостностью, своей автономией, чтобы создать возможности воспроизводства другой открытой системы и частично усвоить ее ресурсы для собственного бытия. Такого рода своеобразная взаимная внутрисистемная и межсистемная экспансия формирует ресурсы сохранения и расширения диапазона возможностей развития сопряженных систем, а также появления нового уровня системной организации. Проблемы козволюции в контексте синергетических представлений подробно рассмотрены в книге Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова [2].

Существуют определенные трудности необходимого теоретико-практического интегрирования различных стратегий в направлении формирования единой козволюционирующей системы взаимноподдерживаемого развития общества и природы. Возникает также вопрос, насколько это возможно и каковы условия и факторы в реализации такого рода возможностей. Мы исходим из того, что помимо различий исторических тенденций развития живой природы и человеческого общества существуют также общие закономерности их воспроизводства и самосохранения. Поэтому объективный подход в решении данной проблемы должен не только включать представление о различных движущих силах собственно биологического и социального прогресса, но также выявлять общность закономерностей их воспроизводства, сохранения и развития в целом. Необходимо учитывать, что выявление и выстраивание единой направленности исторических изменений биологической организации жизни и социально организованного бытия людей (человека разумного) в процессе социальной эволюции может быть принято к рассмотрению в контексте панорамного мировидения, намечаемого концепцией глобального эволюционизма. Данная концепция, в нашем представлении, способна выявить и объяснить преемственность общих закономерностей становления биологического и социального миров, а также раскрыть и обосновать объективную необходимость козволюционно-ноосферной экспансии общества в генерировании ресурсов для формирования динамически устойчивой системы социоприродного бытия – исторически новой, самоорганизующейся формы существова-

ния. Важнейшей тенденцией развития этой системы является выход за пределы непосредственно природного и сугубо социального бытия и образование общей регулирующей системы их отношений, их стихийной козволюции. Возникновение такой системы не противоречит общей тенденции развития любой исторической стадии биосферогенеза – выходу за собственные пределы посредством новых волн видообразования, что создает новые возможности эволюции и усложнения системной организации жизни. Именно такой подход, на наш взгляд позволяет сформировать научно-обоснованные и методологически приемлемые решения о формировании социоприродной системы в единстве общих и различных направлений биологических и социальных изменений. Сложность решения проблемы выявления и необходимости систематизации козволюционно-ноосферного генерирования ресурсов социоприродного бытия человека обязывают осуществить расширенный анализ важнейших идей заявленной темы. Ресурсы социоприродного бытия – это не только вещество, энергия и информация, которые необходимы для относительно автономного существования живых организмов и других системных образований живого, а также системных образований социально-организованной жизни, включая человека и общество в целом, для осуществления всевозможных их взаимодействий в процессах воспроизводства, изменения и сохранения в развитии. К такого рода ресурсам относятся специфические и общие тенденции изменений биологических, биосоциальных и собственно социальных систем, а также взаимно обусловленные, взаимно формирующиеся средства и свойства, которые складываются в результате длительного исторического сосуществования неживой, живой природы и общества. При этом системная организованность, целостность живого, являющаяся важнейшим ресурсом социоприродного бытия человека, формировалась на различных уровнях биосистем, в том числе на организменном и биосферном, благодаря включению объектов неживой природы. В одном из своих эмпирических обобщений В. И. Вернадский подчеркивает, что «вещество биосферы состоит из двух состояний, ... живого и косного», а «... всякий организм представляет собой биокосное тело. В нем не все живое» [3, с. 172]. В биосфере нет живых организмов, не включающих химические вещества неживой природы. Системная организованность, целостность живого, его единство обусловлены включением в циклы обмена веществ и воспроизводства живого в биосфере. Живой организм существует в биосфере как автаркическая система, как

чуждое ей маленькое целое, «которое является единой, самодовлеющей, способной защищаться и активно реагировать на внешнюю среду и на другие живые организмы» [3, с. 173].

Социальное единство людей есть не просто продолжение тенденции коэволюционного формирования целостности биологической жизни в ее связях с неживой природой, ее косными телами. В отличие от биологических организмов человек представляет собой новую форму власти живого организма над биосферой. Он обладает большей независимостью от ее условий, чем все другие организмы. Единство человека, проявляющееся в историческом становлении человеческих сообществ, является, согласно заключению В. И. Вернадского, «основным фактором, который в конце концов выявился в геологическом процессе создания ноосферы» [3, с. 42]. В. И. Вернадский, как биогеохимик, подчеркивает, что возникновение ноосферы не было сознательно сложившимся явлением, результатом специально организованной деятельности человека. Вместе с тем он отмечает, что три тенденции в историческом становлении человека – его единство, резкое отличие от всего живого и стремление овладеть окружающей природой – создают всю историю человечества [3, с. 42].

Возникновение ноосферного единства человеческих обществ как результат геологического эволюционного процесса, возвышающийся над единством биологической жизни, включающей тела неживой природы, явился объективной основой для возникновения единства всего человечества, но оно, согласно оценке В. И. Вернадского, до сих пор далеко от своего осуществления. Достижение ноосферного единства неживой, живой и социальной природы становится возможным благодаря включению коэволюционных процессов. В этой связи коэволюционно-ноосферная экспансия человека по обеспечению взаимодействия природы и общества в целом представляет собой генерирующий механизм ресурсов социоприродного бытия. В таком плане должна складываться асимметричная коэволюция, в которой активная роль движителя и направляющего звена гармонизации отношений природы и общества принадлежит именно человеку. Историческим примером такой асимметричной коэволюции явилась domestikация, или одомашнивание, некоторых животных и растений с помощью искусственного отбора. Человек, по сути дела, формировал единство собственной жизнедеятельности, живой и неживой природы в создаваемой им искусственной реальности. Историческая тенденция формирования единства живой и неживой природы в процессе эволюции

биосферы как общей системной организации живого и неживого продолжилась в новом качестве системной организации реальности, связанной с появлением человека, который своей активной деятельностью, осуществлением domestikации, земледельчеством и ремесленничеством начал стихийно формировать новое единство неживой, живой природы, природы искусственной и собственной социальной организации. Тем самым была значительно расширена ресурсная основа коэволюционного взаимодействия человека в новой, формируемой им ноосферной реальности. Важнейшим механизмом селективных связей между ее частями стало сознание. Сознание исторически все более превращалось в важнейший направляющий фактор коэволюционно-ноосферного генерирования ресурсов социоприродного бытия. Для того чтобы лучше понимать, как связана вызывающая экологический кризис природопреобразующая деятельность человека с общими тенденциями развития жизни и эволюционным возрастанием ее активности и какие могут быть возможности для ее «окультуривания», обратимся к другим обобщениям создателя биогеохимии и концепции биосферы. В этом отношении весьма привлекательным является обобщение В. И. Вернадского о том, что «поле устойчивости жизни далеко, ... превышает поле биосферы» [4, с. 80]. «Живое вещество» отличается тем, что оно оказывает давление на окружающую среду и изменяется, выходя за пределы поля устойчивости биосферы, осваивая другие элементы среды. Факторами поля устойчивости жизни В. И. Вернадский считает лучистую энергию, химизм среды, температуру, давление, фазу среды. Вероятно эта же тенденция, но в качественно ином проявлении, имеет место в деятельности человека по его собственной экспансии в направлении генерирования ресурсов существования, которые в качестве характерных свойств поля устойчивости жизни называл В. И. Вернадский. Если это справедливо с точки зрения общесторического развития живого, то освоение новых сред, химических соединений, энергии и т. д. является объективным условием сохранения высшей формы организации жизни – человека. Следовательно, философский анализ проблемы исчерпаемости ресурсов биосферы для поддержания существования современного человечества является важнейшим направлением анализа возможностей сохранения и развития жизни вообще.

Первый биогеохимический принцип В. И. Вернадского гласит: «Биогенная миграция химических элементов в биосфере стремится к максимальному своему проявлению» [4, с. 123].

Согласно В. И. Вернадскому, биогенная миграция химических элементов захватит все возможное пространство, ей доступное. Это явление В. И. Вернадский характеризует как всюдность жизни в биосфере. Особую роль в этом процессе выполняет так называемая «техника жизни», под которой В. И. Вернадский понимал поток атомов, осуществляемый живыми организмами, который не проходит через их тела (гнезда, норы, плотины, муравейники). Цивилизованное человечество доводит подобного рода экспансию своим техническим воздействием на природу с помощью технического творчества.

Стихийно складывающаяся стратегия развития живой природы (если проследить историческую хронологию) заключается в формировании глобальной экосистемы – биосферы, на основе становления, роста, усложнения и смены биоразнообразия, за счет которого достигается динамическая устойчивость, самовоспроизводство, сохранение «биосферного образа жизни» населяющих глобальную экосистему видов. В биосфере осуществляется постоянно действующий принцип «выхода» вновь возникающих видов за пределы достигнутой системной организации живого. Таким образом осуществлялась экспансия жизни на планете, овладение новыми условиями, ресурсами развития, происходило усложнение системной организации, развивались функции средообразования во взаимосвязи с адаптацией к среде. Взаимосообразное развитие внутренних и внешних органов саморегуляции жизнедеятельности и воспроизводства живого в процессе биологической эволюции находилось и находится в козволюционном взаимодействии с изменениями внешней среды, особенностями ее системного строения и необходимостью активной «разборки» внеположенных систем для овладения вещественными, энергетическими и информационными ресурсами, удовлетворения потребностей и самовоспроизводства целостности живых систем. Как биосфера в целом сохраняется в развитии, «выталкивая» посредством эволюции вновь возникающие виды организмов за пределы своих исторических форм, овладевая новыми ресурсами, производит пространственно-временную экспансию жизни, так и множество видов живых организмов «выходят» за пределы непосредственно существующих внешних условий, создавая из материалов внешней среды специализированные «конструкции» сохранения и воспроизводства. Эту форму регуляции и упорядочения внешних материалов, энергии и информации, как мы уже отмечали, В. И. Вернадский называл «техникой жизни», или такой регуляцией живого потока атомов, который направляется организмом на

формирование сохраняющей жизнь «капсулы безопасности», выполняющей барьерную, упреждающую функцию по отношению к неблагоприятным последствиям внешней среды. Принцип внутриутробной или иной формы защиты и самосохранения развивающегося зародыша трансформируется в инстинктивном поведении взрослых особей в создание сохраняющих их самих и потомство локальных устройств в нерегулируемой ими внешней среде.

Благодаря такого рода организации среды живое осуществляет опосредованную и, в определенной степени, регулирующую козволюцию с неконтролируемой им внешней средой. Оно защищает себя от неблагоприятных последствий стихийной природной козволюции и повышает шансы самосохранения и воспроизводства. Такого рода ограничения стихийного козволюционного давления внешней среды на живые организмы свидетельствуют о приобретенной ими эволюционной способности быть активной стороной в определенном селективном отборе благоприятных условий существования. Это означает, что живое фактически обладает способностью в локальных условиях и масштабах активно формировать асимметрию козволюции со внешней средой и с другими живыми существами как способ самосохранения. Упреждающее избегание опасностей в такой форме очевидно имеет стратегическое проявление в эволюционном усложнении системной организации живого. У человека способность формировать асимметричную козволюцию с естественной средой достигает качественного иного характера, уровня сложности и масштаба. Он не просто создает локальные устройства самосохранения – жилища, но и за их пределами преобразует естественную среду в искусственную, ограничивая тем самым опасное воздействие стихии естественной природной козволюции на свою жизнь. Однако даже такая практика формирования регулируемой, асимметричной козволюции упреждения неблагоприятных воздействий внешней среды, с которой он все равно «в контакте», не спасает его от подчинения природным законам в любой среде, которые обуславливают позитивные и негативные изменения в органической связи и взаимообусловленности. Любое проявление, форма козволюции в обязательном порядке включает оба этих процесса в их определенном соотношении на различных стадиях сосуществования различных по природе систем. Если бы козволюция не выполняла подобную функцию, то она была бы природным излишеством, своего рода атавизмом. В этом свойстве козволюции и зависимость человека от природы, и его надежда на спасение от стихии развития.

Спасение в том, что человек может знать, как «работает» коэволюция, и он в принципе может быть коэволюционным регулятором, в чем можно убедиться на примерах даже более простых форм организации живого. Эта тема заслуживает отдельного обстоятельного рассмотрения.

Важнейшей закономерностью в контексте исторического принципа активного воздействия живого на среду является ускорение перемещаемых атомов в единицу времени. Тот же принцип давления жизни наблюдается и в деятельности человека при помощи техники и сознания человека. Согласно второму биогеохимическому принципу В. И. Вернадского, «эволюция видов, приводящая к созданию форм жизни, устойчивых в биосфере, должна идти в направлении, увеличивающем проявление биогенной миграции атомов в биосфере» [4, с. 126].

Этот же принцип В. И. Вернадский применял для объяснения изменений в биогенной миграции, которые производит цивилизованное человечество. «Здесь, – писал В. И. Вернадский, – впервые в истории Земли, биогенная миграция, вызванная техникой жизни, может быть, преобладает по своему значению над биогенной миграцией, производимой массой живого вещества. При этом изменились биогенные миграции для всех элементов. Этот процесс совершился чрезвычайно быстро, в геологически ничтожное время» [4, с. 129]. В. И. Вернадский делает заключение, что возникновение видов, их выживание и устойчивость биосферы обусловлены увеличением биогенной миграции атомов биосферы.

Та же закономерность относится к выживанию и устойчивости человека, производящего поток атомов с помощью своего разума, сознания. Следовательно, и данная закономерность является общей для развития всей жизни на планете. Она, вероятно, реализуется и современным человечеством. Еще одна общая зако-

номерность исторического формирования и усложнения асимметричной коэволюции во взаимодействии с окружающей средой, направленной на самосохранение живых организмов, начиная от простейших и вплоть до человеческого существа, фактически выявляется в трудах П. А. Анохина, посвященных явлению опережающего отражения. Данное явление выступает способом упреждающего поведения живых систем в отношении к будущим неблагоприятным изменениям среды обитания. У человека данное свойство живого перерастает в способность выстраивать в своем сознании различные планы будущих изменений среды его жизни для самосохранения в процессе развития общества [5, с. 18–26].

Заключение. Рассмотрены некоторые важнейшие тенденции развития жизни, которые проявляются в человеческой деятельности по его освоению природных ресурсов посредством коэволюционно-ноосферной экспансии в биосфере. Остается открытым вопрос о временных, пространственных и вещественно-энергетических ограничениях продолжения жизни в контексте реализации данных закономерностей. Кроме этого, требуется развитие представлений о возможностях человеческого сознания, науки и социальной организации в формировании стратегии развития общества с учетом отмеченных общих закономерностей исторического проявления активности живого, которые во многом обуславливают коэволюционно-ноосферную экспансию человека по генерированию ресурсов социоприродного бытия. Данная статья представляет собой своеобразное начало попытки систематизации коэволюционно-ноосферной экспансии для интегрирования ресурсов сохранения и развития общества. В современной науке и философии появляются работы по исследованию новых явлений, экспансии биологической жизни и социально-организованного существования человека [6, 7].

Литература

1. Чумаков А. Н. Глобальный мир. Столкновение интересов. М.: Проспект, 2018. 512 с.
2. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. 2-е изд. М.: КомКнига, 2011. 272 с.
3. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
4. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
5. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
6. Стома И. О., Карпов И. А. Микробиом человека. Минск: ДокторДизайн, 2018. 122 с.
7. Арпентьева М. Р. Идентичность и цифровой номадизм. URL: https://docviewer.yandex.by/view/1130000014791405/?page=1&*... (дата обращения: 06.11.2019).

Reference

1. Chumakov A. N. *Global'nyy mir. Stolknoveniye interesov* [Global world. Clash of interests]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 512 p.

2. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *Sinergetika: nelinejnost' vremeni i landshafty koevoljutsii* [Synergetics: nonlinearity of time and landscapes of co-evolution]. Moscow, KomKniga Publ., 2011. 272 p.
3. Vernadskiy V. I. *Filosofskiye mysli naturalista* [Naturalist philosophical thoughts]. Moscow, Nauka Publ., 520 p.
4. Vernadskiy V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 261 p.
5. Anohin P. K. *Izbrannyye trudy. Filosofskiye aspekty teorii funktsional'noy sistemy* [Selected works. Philosophical aspects of the theory of a functional system]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 400 p.
6. Stoma I. O., Karpov I. A. *Mikrobiom cheloveka* [Human microbiome]. Minsk, DoktorDizayn Publ., 2018. 112 p.
7. Arpent'eva M. R. *Identichnost' i tsifrovoy nomadizm* [Identity and Digital Nomadism]. Available at: https://docviewer.yandex.by/view/1130000014791405/?page=1&*... (accessed 06.11.2019).

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by.

Поступила 04.10.2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Крючек П. С. Проблемы белорусской этнографии в трудах М. В. Довнар-Запольского	5
Матвеев О. В. Кавказ в жизни и творчестве белорусского просветителя.....	10
Острога В. М. Преподаватели учительских семинарий Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	16
Космач П. Г. Христианский социализм в США конца XIX – начала XX в.	22
Семенчик Н. Е. Влияние революционных событий 1917 г. на развитие сельского хозяйства и промышленности Беларуси.....	28
Коваль В. У. Асноўныя кірункі дзейнасці беларускай дыяспары ў Літве (1918–1939 гг.)	35
Ляховский В. В. Несостоявшиеся проекты. Внешнеторговая деятельность белорусской политической эмиграции в 1919–1925 гг.	41
Мосейчук Л. И. Организация семинарских занятий в Белорусском государственном университете в 20-е гг. XX в.	47
Райченко А. А. Национально-государственное строительство в БССР во второй половине 20-х гг. XX в.	50
Андарала І. А. Стан школьнай адукацыі ў Беларусі ў год вызвалення рэспублікі ад нямецкіх захопнікаў.....	54
Якуш Н. М. Реализация комплексного подхода к вопросам развития аграрного сектора экономики Белорусской ССР в 1976–1985 гг.	58
Гурченко Н. А. Советская историография Американской революции XVIII в. (1985–1991 гг.).	63
Дубонос И. И. Социально-экономический кризис 1990-х гг. в Венесуэле (американская историография проблемы)	68
Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Промышленный туризм в Беларуси: перспективный маркетинговый ход как сочетание мирового опыта и отечественных реалий.....	74
ФИЛОСОФИЯ	78
Шалаев В. П. Синергетические ресурсы незападного мира в западном проекте глобализации	78
Малыхина Г. И., Миськевич В. И., Шепетюк В. В. Интеллектуальный потенциал философии в процессах интернационализации образования и межкультурной коммуникации.....	84
Ратникова И. М. Аксиологические основания современной западной цивилизации как предмет философской рефлексии критической теории	90
Бурак П. М. Козволюционно-ноосферная экспансия общества в генерировании ресурсов социоприродного бытия	94

CONTENTS

HISTORY	5
Kruchek P. S. Problems of Belarusian ethnography in works of M. V. Dovnar-Zapolsky.....	5
Matveyev O. V. The Caucasus in the life and work of Belarusian enlightener.....	10
Ostroha V. M. Teachers of teaching seminar of Belarus in the second half of the 19 th – the beginning of the 20 th century.	16
Kosmach P. G. Christian socialism in the USA at the end of the 19 th – the early 20 th century.....	22
Semenchik N. Ye. 1917 revolutionary events' effect on development of Belarus' agriculture and industry.....	28
Koval V. U. The main spheres of activity of the Belarusian diaspora in Lithuania (1918–1939).....	35
Lakhouski U. V. Unsuccessful projects. Foreign trade activities of Belarusian political emigration in 1919–1925.....	41
Maseichuk L. I. Organization of seminar lessons in the Belarusian State University in the 20s year 20 th century.....	47
Raichonak A. A. National-state construction in the BSSR in the second half of 1920s.....	50
Andarala I. A. State of school education of Belarus in the year of liberation of the republic from German captures.....	54
Yakush N. M. Implementation of a comprehensive approach to the development of the agricultural sector of the Belarusian SSR in 1976–1985.....	58
Gurchenko N. A. Soviet historiography of the American Revolution in the 18 th century (1985–1991).....	63
Dubanos I. Economic and social crisis of 1990s in Venezuela (American historiography on subject).....	68
Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. Industrial tourism in Belarus: a perspective marketing stroke as a combination of world experience and domestic realities.....	74
PHILOSOPHY	78
Shalaev V. P. Synergistic resources of a non-Western world in the Western project of globalization... ..	78
Malykhina G. I., Miskevich V. I., Shepetyuk V. V. The intellectual potential of philosophy in the processes of internationalization of education and intercultural communication.....	84
Ratnikova I. M. The axiological foundations of modern Western civilization as a subject of philosophical reflection of critical theory.....	90
Burak P. M. Coevolutionary-noospheric expansion of society in the generation of resources of social and natural life.....	94

Редактор *О. П. Приходько*
Компьютерная верстка *Е. В. Ильченко, О. А. Солодкевич*
Корректор *О. П. Приходько*

Подписано в печать 02.12.2019. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 13,1.
Тираж 100 экз. Заказ 454.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.